

Курт Воннегут. Времетрасение

(1997)

Перевод с английского В.А. Обручева и И.В. Свердлова.

[OCR и правка: Андрей Костюк, a_kostyuk@yahoo.com](mailto:a_kostyuk@yahoo.com)

"Времетрасение" -- произведение, которое Курт Воннегут называет своим "романом-мемуарами", -- стало, по словам писателя, его последней работой в жанре прозы, своеобразной кодой его карьеры. Роман словно бы подводит итог всего предыдущего творчества Воннегута, соединяя в себе все приметы его неподражаемого стиля - изысканность причудливого построения, точный, жесткий сарказм и редкостное, идеальное слияние содержания и формы.

В память о Сеймуре Лоуренсе, романтике и великом издателе странных, историй, рассказанных с помощью чернил и отбеленной древесной массы

"Совпадение персонажей книги с реальными лицами, ныне, здравствующими либо покойными, ненамеренно и чисто случайно". Еще бы! Эти лица сами -- плод случайного стечения обстоятельств.

Пролог.

В 1952 году Эрнест Хемингуэй опубликовал в журнале "Лайф" повесть под названием "Старик и море". В ней шла речь о кубинском рыбаке, у которого не было клева восемьдесят четыре дня подряд. А потом он поймал огромного марлиня. Он убил его и привязал к лодке. Пока он плыл к берегу, акулы объели с рыбы все мясо.

Когда вышел рассказ Хемингуэя, я жил в Барнстэбл-Вилидж на мысе Кейп-Код. Я спросил у одного местного рыбака, что он думает об этой повести. Он сказал, что главный герой -- полный идиот. Ему нужно было срезать с рыбы лучшие куски мяса и положить в лодку, а что не поместится -- бросить акулам.

Возможно, под акулами Хемингуэй подразумевал критиков, которые разгромили -- появившийся после десятилетнего перерыва -- его роман "За рекой, в тени деревьев", вышедший за два года до "Старика и моря". Насколько мне и известно, он никогда в этом не признавался. Но под марлинем он вполне мог подразумевать этот свой роман.

И вот в 1996 году я обнаружил, что написал роман, в котором не было сюжета, в котором не было смысла, который вообще не хотел, чтобы его писали. Merde!^[1] Я десять лет ловил эту рыбину, если так называть мой роман. К этой рыбине ни одна уважающая себя акула не притронется.

Мне недавно исполнилось семьдесят три года. Моя мать дожила до пятидесяти двух, мой отец -- до семидесяти двух. Хемингуэй совсем немного не дожил до шестидесяти двух. Я зажил на свете! Так что же мне было делать?

Правильный ответ: отрезать от рыбы филейную часть. Остальное -- выкинуть в помойку.

Этим-то я и занимался летом и осенью 1996 года. Вчера, 11 ноября сего года, мне исполнилось семьдесят четыре. Семьдесят четыре, подумать только!

Иоганнес Брамс перестал писать музыку, когда ему исполнилось пятьдесят пять лет. Хватит! Моему отцу-архитектору архитектура стала поперек горла, когда ему исполнилось пятьдесят пять. Хватит! Все лучшие американские писатели написали свои лучшие романы до пятидесяти пяти. Хватит! А для меня времена, когда мне было пятьдесят пять, были бог знает как давно. Имейте сострадание!

Моя огромная рыбина, которая соответственно и воняла, называлась "Времетрасение". Давайте называть ее "Времетрасение-один", а еще - первая

книга про катаклизм. А то, что перед вами, эту уху из лучших кусков той самой рыбины, приправленную мыслями и событиями, произошедшими за последние семь или около того месяцев, будем называть "Времетраясение-два", а еще - вторая книга про катаклизм.

Идет?

Идея в первой книге про катаклизм была такая. Произошел катаклизм, неожиданное завихрение в пространственно-временном континууме, и мы оказались вынуждены повторить в точности те же действия, что проделали за последние десять лет. Это было "дежа вю", длившееся десять лет подряд. Бесплезно было жаловаться, что ничего нового не происходит, только повторяется старое, бесплезно было задумываться, а не поехала ли у тебя крыша, бесплезно было задумываться, а не поехала ли крыша заодно и у всех на свете сразу.

Вы ничего не могли сделать во время "вторых" десяти лет, если вы не сделали этого во время "первых". Вы даже не могли спасти собственную жизнь или жизнь любимого человека, если вам это не удалось в "первые" десяти лет.

Я придумал, что катаклизм в одно мгновение перебросил все и вся из 13 февраля 2001 года в 17 февраля 1991-го. А потом мы все не спеша, минута за минутой, час за часом, год за годом, возвращались обычным путем в 2001 год, снова ставили не на ту карту, снова женились не на той, снова подцепляли триппер. Повторилось абсолютно все, без исключения!

Только дожив до момента, когда произошел катаклизм, мы перестали быть роботами, перестали повторять наше прошлое. Как написал старый писатель-фантаст Килгор Траут, "только когда свобода воли снова взяла всех за жабры, люди перестали бежать кросс с препятствиями, которые сами себе заранее нагородили".

В действительности Килгора Траута не существует. В нескольких романах он был моим альтер эго. Но из первой книги про катаклизм сюда попали главным образом места, где говорится о том, что он делал или думал. Я спас от забвения несколько его рассказов, а он с 1931 года, когда ему было четырнадцать, по 2001 год, когда он умер восьмидесяти четырех лет от роду, написал их несколько тысяч. Большую часть своей жизни он был бомжом, а умер в роскоши в номере имени Эрнеста Хемингуэя в доме для престарелых писателей под названием Занаду^[2] в курортном местечке Пойнт-Зион, штат Род-Айленд. Утешительный факт.

На смертном одре он рассказал мне про свой первый рассказ. Действие происходило в Камелоте, при дворе Артура, короля Британии. Придворный волшебник Мерлин производит заклинание, и у рыцарей Круглого Стола оказываются в руках станковые пулеметы Томпсона с полным боекомплектом пуль дум-дум^[3] 45-го калибра.

Сэр Галахад, истинный рыцарь без страха и упрека, изучает оказавшееся у него в руках новое средство для убеждения окружающих в пользу благородства и добродетели. В процессе изучения он спускает курок. Пуля разбивает вдребезги Святой Грааль и превращает королеву Гвиневеру в мясной фарш.

Вот что сказал Траут, когда понял, что "вторые" десяти лет прошли, и что теперь ему и всем-всем надо думать, что делать дальше, надо снова подходить к жизни творчески: "О боженька ты мой! Я слишком стар и слишком опытен, чтобы снова затевать игру в русскую рулетку со свободой воли".

Да, я тоже был персонажем первой книги про катаклизм. Я появлялся на миг в одном эпизоде. Дом для престарелых писателей под названием Занаду устроил летом 2001 года пикник на берегу океана. Прошло шесть месяцев, как окончились "вторые" десяти лет, шесть месяцев, как свобода воли снова взяла всех за жабры. И вот я был на этом пикнике.

Кроме меня, там было еще несколько вымышленных персонажей этой книги, включая и Килгора Траута. Мне была оказана честь услышать, как старый и забытый писатель-фантаст рассказал, а потом и продемонстрировал собравшимся то особое место, которое люди занимают во Вселенной.

Так что я закончил свою последнюю книгу, осталось дописать лишь вот это предисловие. Сейчас 12 ноября 1996-го, до публикации, до момента, когда книжка вылезет из влагалища печатного пресса, осталось примерно девять месяцев. Куда спешить? Срок беременности у индийских слонов в два с лишним раза дольше.

А у опоссумов, друзья и сограждане, срок беременности -- двенадцать дней.

Я воображал, что буду еще жив в 2001 году и буду присутствовать на пикнике. В главе 46 я воображаю, что еще жив в 2010 году. Иногда я говорю,

что нахожусь в 1996 году, где я и в самом деле нахожусь, а иногда говорю, что проживаю "вторые" десять лет. Особой разницы между этими двумя ситуациями я не провожу.

Похоже, у меня крыша поехала.

1

Называйте меня Младшим. Шестеро моих взрослых детей так и делают. Трое -- усыновленные племянники, трое -- мои собственные. Они меня за глаза называют Младшим. Они думают, что я не в курсе.

Я часто говорю, что художник должен видеть свою задачу в том, чтобы научить людей хоть немного ценить собственную жизнь. Меня в таких случаях спрашивают, знаю ли я художников, которые смогли этого добиться. Мой ответ -- "Битлз".

Мне кажется, что самые высокоразвитые создания на Земле находят жизнь обременительной, если не хуже. Отвлечемся от крайних случаев, когда какой-нибудь идеалист кладет голову на плаху. Две женщины, сыгравшие важнейшую роль в моей судьбе, моя мать и сестра Алиса, или Элли -- обе давно на небесах -- ненавидели жизнь и не скрывали этого. Алиса то и дело восклицала: "Не могу больше! Не могу больше!".

Самый веселый американец своего времени, Марк Твен, считал свою жизнь, да и жизнь всех остальных людей, такой ужасной штукой, что, разменяв восьмой десяток -- а я, заметьте, тоже разменял восьмой десяток, -- написал: "С тех пор, как я стал взрослым, мне ни разу не захотелось, чтобы кто-нибудь из моих покойных друзей возвратился к жизни". Это цитата из эссе, написанного спустя несколько дней после неожиданной смерти его дочери Джин. Среди тех, кого он не хотел вернуть к жизни, были и Джин, и другая его дочь, Сюзи, и его любимая жена, и его лучший друг Генри Роджерс.

Вот какие чувства были у Марка Твена, а ведь он не видел Первой мировой войны -- не дожил.

Жизнь -- сущий кошмар, если послушать слова Иисуса из Нагорной проповеди. Вот они: "блаженны нищие духом", "блаженны плачущие", "блаженны алчущие и жаждущие правды".

Генри Дэвид Торо сказал еще лучше: "Для большинства людей слова "жизнь" и "отчаяние" значат одно и то же, только они об этом никому не рассказывают".

Так что загадка "Почему мы отравляем воду, воздух и почву, почему создаем все более изощренные адские машины (что для мира, что для войны)?" не стоит выеденного яйца. Давайте, для разнообразия, будем на этот раз абсолютно искренни. На самом деле все мы ждем не дождемся конца света.

Мой отец, Курт Старший, архитектор из Индианаполиса, больной раком -- а его жена покончила с собой за пятнадцать лет до этого, -- был как-то остановлен за проезд на красный свет. Выяснилось, что у него уже двадцать лет как просрочены водительские права!

Знаете, что он сказал остановившему его полицейскому? "Так пристрели меня". Вот что он сказал.

Негритянский джазовый пианист Фэтс Уоллер придумал фразу, которую выкрикивал каждый раз, когда разыгрывался -- в такие моменты казалось, что на свете нет ничего прекраснее и веселее его музыки. Вот что он выкрикивал: "Пристрелите меня кто-нибудь, пока я счастлив!"

В нашем мире есть такая штука -- пистолет. Пользоваться им столь же просто, как зажигалкой, стоит он не дороже тостера, так что каждый может -- стоит только захотеть -- прикончить моего отца, или Фэтса, или Авраама Линкольна, или Джона Леннона, или Мартина Лютера Кинга, или женщину с детской коляской. Это неопровержимо доказывает, что, по выражению старого писателя-фантаста Килгора Траута, "жизнь -- дерьмо".

2

Представьте себе вот что: известный американский университет распустил

свой футбольный клуб по соображениям здравого смысла. В результате освободившийся стадион превращается в завод по производству бомб. Да уж, здравого смысла хоть отбавляй. Вспоминаешь Килгору Трауту.

Я говорю о своей альма-матер, Чикагском университете. В декабре 1942 года, задолго до того, как я туда поступил, под трибунами стадиона Стэгфилд впервые в мире ученые запустили цепную реакцию распада урана. Их задачей было продемонстрировать возможность создания атомной бомбы. Мы воевали с Германией и Японией.

Спустя пятьдесят три года, шестого августа 1995 года, в университетской церкви состоялась встреча в ознаменование пятидесятой годовщины взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой. Там было много людей, и среди них я.

Одним из выступавших был физик Леон Серен. Он входил в группу экспериментаторов, запустивших много лет назад, под обезлюдевшим спортивным сооружением цепную реакцию. Только подумайте: он извинялся за то, что принимал в этом участие.

Ему забыли сказать, что на планете, где самые умные животные так сильно ненавидят жизнь, есть такое правило: если ты физик, ты можешь ни перед кем не извиняться.

А теперь представьте себе вот что: человек создает водородную бомбу для этих параноиков в Советском Союзе, убеждается, что она работает, а потом получает Нобелевскую премию Мира! Такой сюжетец под статью Килгору Трауту, а человек-то существовал на самом деле, это был физик Андрей Сахаров.

Он получил Нобелевскую премию в 1975 году за требование отказаться от испытаний ядерного оружия. Ну, свою бомбу он к тому времени уже испытал. Его жена была детским врачом! Кем надо быть, чтобы разрабатывать ядерную бомбу, если у тебя жена - детский врач? И что это за врач, что это за женщина, которая не разведется с мужем, у которого настолько поехала крыша?

"Дорогой, сегодня на работе было что-нибудь интересное?"

"Да, моя бомба отлично работает. А как поживает тот малыш, который подхватил ветрянку?"

Андрей Сахаров считался своего рода святым в 1975 году. Об этом уже забыли -- "холодная война" закончилась. Он был диссидентом в Советском Союзе. Он призывал к запрещению разработок и испытаний ядерного оружия, а заодно требовал свободы для своего народа. Его исключили из Академии наук СССР. Его сослали на полуостров среди вечной мерзлоты.^[4]

Его не выпустили в Осло получать Нобелевскую премию. Его супруга, детский врач Елена Боннэр, получила премию вместо мужа. Но не кажется ли вам, что давно пора задать вопрос: не была ли она более достойна Премии Мира? Врач -- любой врач -- не более ли достоин Премии Мира, чем создатель водородной бомбы -- кто бы он ни был, на какое бы правительство ни работал, в какой бы стране ни жил?

Права человека? Скажите мне, а водородная бомба -- не плевать ли ей на права человека, да и на права любого живого существа? Скажите мне, кому в мире более плевать на чьи бы то ни было права?

В июне 1987 года Сахаров был избран почетным доктором Колледжа острова Статен, штат Нью-Йорк. И снова его правительство не разрешило ему лично участвовать в церемонии. И меня попросили выступить от его имени.

Все, что мне надо было сделать, -- зачитать послание от Сахарова. Вот оно: "Не следует отказываться от атомной энергии". Я сыграл роль динамика.

Как я был вежлив! А произошло это всего через год после самого страшного ядерного бедствия, постигшего нашу ненормальную планету, -- катастрофы в Чернобыле. От выброса радиации пострадали -- и еще пострадают -- дети во всей Северной Европе. Детские врачи обеспечены работой на долгие-долгие годы!

Дурацкий призыв Сахарова порадовал меня меньше, нежели поступок пожарных из Скенектади, штат Нью-Йорк, после известия о катастрофе в Чернобыле. Я сам когда-то работал в Скенектади. Пожарные послали письмо своим братьям, в котором выражали восхищение их храбростью и самопожертвованием во имя спасения людей и имущества.

Да здравствуют пожарные!

Люди, которых обычно считают отбросами общества -- иногда так оно и есть, -- могут вести себя как святые, когда под угрозой чья-то жизнь.

Да здравствуют пожарные.

3

В первой книге про катаклизм Килгор Траут написал рассказ про атомную бомбу. Из-за катаклизма ему пришлось написать его дважды. Из-за катаклизма нас отбросило назад на десять лет, и потому и он, и я, и вы, и все остальные повторили все наши действия, совершенные с 17 февраля 1991 года по 13 февраля 2001 года, еще один раз.

Траут был не против снова написать этот рассказ. Какая разница -- до катаклизма, после катаклизма? Пока он, опустив голову, марает своей шариковой ручкой листок желтой бумаги, он может жить этой дерьмовой жизнью.

Он назвал свой рассказ "Ничего смешного". Он выбросил его раньше, чем кто-либо успел его увидеть, и теперь ему придется выбросить его снова, ведь время вернулось назад на десять лет. На пикнике в конце первой книги про катаклизм, летом 2001 года, когда свобода воли снова взяла всех за жабры, Траут вспомнил обо всех своих рассказах, которые он разорвал в клочья, или спустил в унитаз, или выбросил в помойку, или куда-нибудь еще. Вот что он сказал: "Как нажито, так и прожито".

Траут назвал свой рассказ "Ничего смешного", потому что эти слова произнес один из персонажей рассказа, судья, на секретном слушании в военном трибунале по делу экипажа американского бомбардировщика "Прайд Джой" на тихоокеанском острове Баналулу месяц спустя после окончания Второй мировой войны.

Сам самолет "Прайд Джой" был в полном порядке, он стоял в ангаре, там, на Баналулу. Он был назван в честь матери первого пилота, Джой Петерсон, медсестры родильного отделения одной больницы в городе Корпус-Кристи, штат Техас. В английском языке у слова "прайд" есть два значения. Вообще оно означает "гордость". Но оно означает и "семейство львов".

А дело было вот в чем. Одну атомную бомбу сбросили на Хиросиму, потом еще одну -- на Нагасаки, а "Прайд Джой" должен был сбросить третью бомбу -- на Иокогаму, на пару миллионов "маленьких желтых ублюдков". Маленьких желтых ублюдков называли тогда "маленькими желтыми ублюдками". Война, сами понимаете. А вот как Траут описывает третью атомную бомбу: "малиновая дура размером с паровой котел средних размеров бойлерной".

Она была слишком большая и не проходила в бомболук. Ее подвесили к фюзеляжу. Когда "Прайд Джой" бежал по полосе, чтобы подняться в небесную синь, бомбу и бетонную дорожку разделял всего один фут.

х х х

Когда самолет приблизился к цели, пилот заорал в интерком, что его мать, сиделку в роддоме, будут качать, когда они выполнят задание. Бомбардировщик "Энола Гей" и женщина, в честь которой он был назван, стали знаменитыми, как кинозвезды, после того, как самолет сбросил свой груз на Хиросиму. В Иокогаме было вдвое больше жителей, чем в Хиросиме и Нагасаки вместе взятых.

Чем больше пилот об этом думал, тем сильнее ему казалось, что его любимая мама -- папа уже давно умер -- никогда не сможет сказать репортерам, будто она счастлива потому, что самолет, которым управлял ее сын, поставил мировой рекорд по массовым убийствам за рекордно короткий срок -- сразу.

Рассказ Траута напомнил мне, что как-то раз моя двоюродная бабка Эмма Воннегут -- к тому времени уже старуха -- сказала, что она ненавидит китайцев. Ее покойный зять Керфьют Стюарт, хозяин "Книжной лавки Стюарта" в Луисвилле, штат Кентукки, пристыдил ее. Он сказал, что безнравственно ненавидеть столько людей сразу.

Но вернемся к нашим баранам.

Члены экипажа "Прайда Джой" сказали пилоту, что испытывают те же чувства, что и он. Они были совершенно одни в небе. Им не требовалось сопровождение -- у японцев не осталось самолетов. По сути, война завершилась (оставалось лишь подписать пару бумажек). Можно сказать, что она была закончена еще до того, как "Энола Гей" превратила Хиросиму в крематорий.

Прочитываем Килгора Траута: "Это была уже не война -- даже бомбардировка Нагасаки уже не была войной. Это было выступление под названием "Спасибо янки за отлично выполненную работу!". Это был шоу-бизнес образца 1945 года".

В рассказе "Ничего смешного" Траут писал, что пилот и его экипаж во

время своих предыдущих вылетов чувствовали себя богами -- еще тогда, когда сбрасывали на людей всего лишь зажигательные бомбы и взрывчатку. "Но они чувствовали себя богами с маленькой буквы, - написал он. -- Они ощущали себя маленькими божками, которые мстили и разрушали. А теперь, одни-одинешеньки в огромном небе, они ощутили себя Большим Начальником, самим Господом Богом. А у него имелся выбор, которого раньше у них не было. Большой Начальник мог не только казнить, он мог еще и миловать".

Траут и сам участвовал во Второй мировой войне, но не летчиком и не на Тихом океане. Он был корректировщиком огня в полевой артиллерии в Европе, таким лейтенантиком с биноклем и рацией. Он находился или на самой линии фронта, или даже дальше. Он сообщал располагавшимся сзади батареям о том, где их шрапнель, или белый фосфор, или чем они там еще стреляют, может принести максимальную пользу.

Сам он, естественно, никого не миловал и, по его собственным словам, никогда не чувствовал, что должен кого-то миловать. Я спросил его на пикнике в 2001 году, в доме для престарелых писателей под названием "Занаду"^[5], что же он делал во время войны, которую называл "второй неудачной попыткой цивилизации покончить с собой".

Он ответил без тени сожаления: "Я делал из немецких солдат сэндвичи между разверзающейся землей и грохочущим небом, а вокруг выла пурга, только ветер нес не снег, а бритвенные лезвия".

Пилот "Прайда Джой" развернул самолет и лег на обратный курс. Малиновая дура все так же висела под фюзеляжем. Пилот вел самолет обратно к Баналулу. "Он сделал это, -- писал Траут, -- потому что его матери было бы приятно, если бы он поступил именно так".

Впоследствии на секретном слушании в военном трибунале дела экипажа "Прайда Джой" в один прекрасный момент у всех присутствующих случился приступ истерического хохота. Главный судья ударил в гонг и объявил, что в действиях подсудимых нет "ничего смешного". А хохот вызвал рассказ прокурора о том, как вели себя люди на базе в тот момент, когда "Прайд Джой" зашел на посадку с малиновой душой под брюхом всего в футе от посадочной полосы. Все попрыгали из окон. Все наложили в штаны.

"Все, что могло двигаться, пришло в движение. Такого количества столкновений таких разных машин еще свет не видывал", - написал Килгор Траут.

Едва судья восстановил порядок, как на дне Тихого океана образовалась трещина. В нее провалился остров Баналулу, военный трибунал, "Прайд Джой", неиспользованная атомная бомба и все остальное.

4

Когда талантливый немецкий романист и художник Понтер Грасс услышал, что я родился в 1922 году, он сказал мне: "В Европе не осталось мужчин твоего возраста". Во время моей войны и войны Килгора Траута он был ребенком, как и Эли Визел, Ежи Козински, Милош Форман и прочие. Мне ужасно повезло, что я родился здесь, а не где-нибудь еще, что я родился белым, что я родился в семье среднего американца, что я родился в доме, полном книг и картин, и, наконец, что я родился в большой семье с кучей родственников. Ни семьи, ни родственников больше нет.

Этим летом я слышал лекцию поэта Роберта Пинского, в которой он извинялся за то, что его жизнь была намного лучше, чем у многих. Он говорил таким тоном, будто хотел всем преподать пример. Ну что ж, я тоже, пожалуй, извинюсь.

Я уже продвинулся в этом направлении. Удобный случай подвернулся в минувшем мае. В своей речи на выпускном вечере в Батлерском университете я воздал должное месту, где родился. Вот что я сказал: "Если бы я мог прожить жизнь снова, я предпочел бы еще раз появиться на свет в родильном доме в Индианаполисе. Я предпочел бы снова провести свое детство в доме 4365 по Норт-Иллинойс-стрит, в десяти кварталах отсюда, и опять оказаться выпускником местной средней школы.

Я снова прошел бы курсы бактериологии и качественного анализа в летней школе при Батлерском университете.

Здесь было все - все для вас и все для меня -- все самое плохое и самое хорошее в западной цивилизации. На это нужно было только обратить внимание. Здесь было все: музыка, финансы, управление, архитектура, право, скульптура,

изобразительное искусство, история, медицина и спорт, все разделы науки, и книги, книги, книги, учителя и примеры для подражания.

Здесь были люди: такие умные, что в это невозможно поверить, и такие тупые, что в это невозможно поверить, такие добрые, что в это невозможно поверить, и такие подлые, что в это тоже невозможно поверить".

Я дал им и совет. "Мой дядя Алекс Воннегут, страховой агент с гарвардским образованием, живший в доме 5033 по Норт-Пенсильвания-стрит, научил меня кое-чему важному. Он сказал, что мы должны обязательно научиться замечать, когда наши дела идут по-настоящему хорошо.

Он говорил о простых вещах, не о каких-то там свершениях: вот ты пьешь лимонад в тени в жаркий полдень, или учуял запах хлеба из соседней булочной, или ловишь рыбу и тебе не важно, поймал ли ты что-нибудь или нет, или когда слышишь, как за соседней дверью кто-то хорошо играет на пианино.

Дядя Алекс убеждал меня, что в такие моменты - их еще называют откровениями - надо говорить: "Если это не прекрасно, то что же?"

Вот в чем мне еще повезло: первые тридцать пять лет моей жизни писание рассказов чернилами на бумаге было одной из главных отраслей американской промышленности. Хотя у меня уже была жена и двое детей, я решил уйти с должности рекламного агента в фирме "Дженерал электрик" (отказавшись тем самым от жалованья, страховки и пенсии), потому что это было выгодно. Я мог зарабатывать гораздо больше, продавая рассказы в "Сатедей ивнинг пост" и "Колльерс". В этих еженедельниках деваться было некуда от рекламных объявлений, но в каждом номере печаталось по пять рассказов и вдобавок продолжение какого-нибудь романа из серии "захватывает -- не оторвешься".

И эти два журнала всего лишь платили мне больше всех. Было так много журналов, которых хлебом не корми - дай напечатать рассказ, что писатель чувствовал себя как человек, который пришел в тир с дробовиком: как ни стреляй, все равно попадешь. Когда я отправлял по почте моему агенту новый рассказ, я был вполне уверен, что кто-нибудь у меня его купит, хотя бы его отвергла добрая сотня издательств.

Но вскоре после того, как я перевез семью из Скенектади, штат Нью-Йорк, в Кейп-Код, штат Массачусетс, появилось телевидение, и рекламодатели забыли о журналах. Времена, когда можно было зарабатывать на жизнь, обстреливая рассказами издательства, навсегда ушли в прошлое.

Сначала я работал в промышленном рекламном агенстве, результатом чего были ежедневные поездки из Кейп-Кода в Бостон, затем стал дилером по продаже автомобилей "Сааб", а потом -- преподавателем английского языка в частной школе для безмозглых чад богатых родителей.

У моего сына, доктора Марка Воннегута -- он написал крутейшую книгу про то, как он в шестидесятые годы сходил с ума, а потом окончил медицинский факультет в Гарварде, -- этим летом прошла выставка акварелей в Мильтоне, штат Массачусетс. Репортер спросил его, каково ему было в детстве ощущать себя сыном знаменитости.

Марк ответил: "Когда я был маленький, мой отец торговал автомобилями, потому что его не брали на работу в колледж в Кейп-Коде".

5

Я до сих пор время от времени сочиняю рассказы - как будто это еще приносит деньги. От старых привычек тяжело избавиться. Кроме того, когда-то так создавали себе имя. Начитанные люди и прошлые времена с жаром обсуждали новый рассказ Рэя Брэдбери, или Джерома Сэллинджера, Джона Чивера, Джона Колльера, Джона О'Хары, Ширли Джексон или Фланнери О'Коннор, или кого-нибудь еще, который "только что вышел в таком-то журнале".

Finita la commedia.

Все, что я теперь делаю с сюжетами своих рассказов, -- это записываю их, как запишется, объявляю их автором Килгора Траута и делаю из них роман. Вот начало одного такого рассказа, он взят из первой книги про катаклизм, называется "Сестры Б-36": "На матриархальной планете Бубу в Крабовидной туманности жили три сестры по фамилии Б-36. Точно так же назывался бомбардировщик, придуманный на планете Земля, чтобы сбрасывать бомбы на мирное население стран с продажными правительствами. Это совпадение, конечно, совершенно случайно. Земля и Бубу находились слишком далеко друг от друга, жители планет даже не подозревали о существовании своих собратьев".

Было еще одно совпадение: письменный язык на Бубу был похож на земной английский - он тоже состоял из двадцати шести фонетических символов, десяти цифр и восьми или около того знаков препинания, хитрым образом составленных в последовательности, поделенные на части, расположенные горизонтально одна под другой.

Все три сестры были красивы, продолжал Траут, но любили на Бубу лишь двух из них -- художницу и писательницу. Третью -- ученого -- никто не хотел знать. Она была такой занудой! Она могла говорить только о термодинамике. Она была завистлива. Ее тайным желанием было сделать так, чтобы ее сестры -- эти "творческие натуры" -- почувствовали себя, по любимому выражению Траута, "как последнее дерьмо".

Траут утверждал, что жители Бубу умют приспособливаться едва ли не лучше всех прочих созданий в местном скоплении галактик. Дело в том, что у них особенный мозг. Его можно запрограммировать делать одно и не делать другое, чувствовать так или чувствовать иначе. Ужасно удобно!

Программировался мозг просто. Не нужны были ни хирургия, ни электроника. Делалось это через социум -- то есть разговорами, разговорами и еще раз разговорами. Взрослые говорили малышам, какие чувства и действия предпочтительны или желательны. В молодом мозгу образовывались, соответственно, нужные зоны, и получалось так, что растущий организм совершал поступки и получал удовольствие совершенно автоматически.

Это было очень неплохо. Например, когда ничего особенного не происходило, жители Бубу могли восхищаться самыми простыми вещами, вроде двадцати шести фонетических символов, десяти цифр и восьми или около того знаков препинания, составленных в хитрые последовательности, поделенные на части, расположенные горизонтально одна под другой, или вроде пятен краски на плоских поверхностях, вставленных в рамы.

Когда малыш читал книжку, взрослый мог прервать его, чтобы сказать что-то типа: "Разве это не печально? Чудесную собачку маленькой девочки переехал мусоровоз. Разве тебе не хочется плакать?" Конечно, что именно он скажет, зависело от того, про что шла речь в книжке. По поводу другой истории взрослый мог бы спросить: "Разве это не смешно? Когда этот самодовольный старый богач наступил на шкурку ним-нима и упал в открытый люк, разве ты не почувствовал, что сейчас лопнешь со смеху?"

Ним-ним -- так назывались на Бубу бананы.

Мальчика, которого привели в картинную галерею, могли спросить, улыбается женщина на картине или нет. Может, она о чем-то грустит, хотя и улыбается? Как ты думаешь, она замужем? Как тебе кажется, у нее есть дети? Как по-твоему, она добра к ним? Как ты полагаешь, куда она пойдет дальше? Как ты считаешь, она хочет туда идти?

Если на картине была ваза с фруктами, взрослый мог сказать: "Смотри, какие аппетитные ним-нимы! Ам-ням-ням!"

Вот как на Бубу воспитывают детей. Примеры не мои -- Килгора Траута.

Так был устроен мозг у большинства жителей Бубу. В их мозгу образовывались специальные зоны, микросхемы, если угодно, которые на Земле называли зонами воображения. И именно потому, что у подавляющего большинства жителей Бубу были зоны воображения, все обожали двух сестер Б-36, писательницу и художницу. Но так был устроен мозг не у всех.

У плохой сестры тоже была зона воображения -- еще бы! -- но она была особенная. Девочка не желала читать книги и ходить в галереи. Она проводила каждую свободную минуту в саду психиатрической лечебницы, расположенной по соседству. Считалось, что психи не могут причинить ей вреда, и поэтому ее даже хвалили за то, что она ходит к ним в гости -- что это, как не сострадание? А шизики научили ее термодинамике, математике и много чему еще.

Когда плохая сестра выросла, она вместе с шизиками придумала телекамеры, передатчики и приемники. Затем она взяла деньги у своей очень богатой мамочки, чтобы производить и продавать эти адские машины. Они сделали воображение излишним и сразу стали ужасно популярны, потому что передачи были очень увлекательные, а думать было не нужно.

Она заработала кучу денег, но больше всего ее порадовало то, что ее сестры стали чувствовать себя, как последнее дерьмо. Молодежь больше не видела смысла развивать у себя зоны воображения, поскольку они знали, что достаточно нажать на кнопку -- и они увидят все, что душе угодно. Молодежь смотрела на отпечатанную страницу или на картину и удивлялась, как "старики" могли "кайфовать" от таких простых и мертвых вещей.

Плохую сестру звали Ним-Ним. Когда ее родители давали ей имя, они понятия не имели, какой гнилой из нее выйдет ним-ним. Изобретение

телевидения -- это цветочки по сравнению с тем, что она сделала потом! Ее все равно никто не полюбил, потому что она осталась такой же занудой, как раньше, и тогда она придумала автомобиль, компьютер, колючую проволоку, противопехотную мину, пулемет, огнемёт и так далее. Вот до чего она была мерзкая тварь.

Подрастали новые поколения. Они уже не знали, что такое воображение, и поэтому не могли представить себе жизнь без всей той дряни, которой их потчевала Ним-Ним. Но самое плохое, что они больше не могли читать интересные, греющие душу истории на лицах друг у друга. А для их предков это было не сложнее, чем сочинять истории, глядя на картины в галерее.

Так жители Бубу, пишет Киллгор Траут, "стали самыми беспощадными созданиями в местном скоплении галактик".

6

На пикнике в 2001 году Траут сказал, что жизнь, без сомнения, абсурдна. "Но наши мозги достаточно хорошо устроены, чтобы мы могли приспособиться к неизбежному - грязному фарсу и дурацкой комедии, которые составляют нашу жизнь -- с помощью таких вот искусственных откровений", -- добавил он. Он имел в виду пикник на берегу под звездным небом. "Если это не прекрасно, то что же?"

Он заявил, что зернышки ореха, сваренные в водорослях с омарами и моллюсками, бесподобны, божественны. Он добавил: "А разве женщины сегодня не похожи на ангелов?" Он наслаждался зернышками ореха и женщинами в воображении. Он не мог грызть орехи, потому что его верхняя вставная челюсть шаталась. Все его сколько-нибудь длительные отношения с женщинами заканчивались катастрофически. Один-единственный раз за всю свою жизнь он попробовал написать рассказ про любовь. Он назвал его "Поцелуй меня еще раз", и вот какие там были слова: "Красивая женщина и пары секунд не может пробыть такой, какой должна бы при такой красоте". Мораль этого рассказа была такова: "Мужчины - сопляки. Женщины - психопатки".

Для меня самым главным искусственным откровением был театр. Траут называл театральные пьесы "искусственными катаклизмами". Он имел в виду, что они тоже забрасывают людей на некоторое время назад и отбирают у них свободу воли. Он сказал: "До того, как жители Земли узнали, что такое природные катаклизмы такого типа, они сами их изобрели". И это правда. Актеры знают, что они произнесут и сделают и чем это закончится - хорошо или плохо, - и они знают это с того самого момента, когда занавес поднимается в первый раз. Но у них нет выбора, кроме как поступать так, как будто они этого не знают.

Да, когда катаклизм в 2001 году отбросил нас обратно в 1991-й, он превратил десять уже прожитых нами лет в наше будущее, и, стало быть, мы сможем вспомнить обо всем, что мы делали и говорили, когда подойдет время сделать это снова.

Когда очередной катаклизм опять заставит вас повторять уже один раз совершенные поступки, не забудьте: представление должно продолжаться!

В этом году я видел несколько искусственных катаклизмов. Наибольшее впечатление на меня произвел один, уже довольно старый. Это была пьеса покойного Торнтон Уайлдера "Наш городок". Я видел ее уже пять или шесть раз, и ни разу не заскучал. А затем нынешней весной этот невинный, сентиментальный шедевр решили поставить в школе моей дочери, и ей, моей дорогой тринадцатилетней Лили, досталась роль мертвеца на кладбище в Гроверс-Корнерс.

Представление отбросило Лили и ее соучеников из вечера, когда они показывали пьесу, обратно в седьмое мая 1901 года! Время -- назад! Они стали роботами в воображаемом прошлом Торнтон Уайлдера и оставались ими, пока после похорон героини Эмили в самой последней сцене не опустился занавес. Только после этого они снова смогли очутиться в 1996 году. Только тогда они снова смогли решать, что им говорить и делать. Только тогда к ним вернулась свобода воли.

Я размышлял в тот вечер, пока Лили на сцене притворялась покойником, что, когда она окончит школу, мне будет семьдесят восемь, семьдесят два -- когда окончит колледж, и так далее. Что это, как не воспоминание о будущем?

Что меня в тот вечер по-настоящему поразило -- так это прощание Эмили в последней сцене. После того как могильщики, похоронив ее, ушли с холма вниз к своей деревне, она сказала: "Прощай, прощай, мир. Прощай,

Гроверс-Корнерс... Мама и папа. Прощайте, тикающие часы... и мамыны подсолнухи. Завтраки и кофе. Новая отутуженная одежда и горячие ванны... и сон, а потом -- подъем. О, Земля, ты слишком чудесна, чтобы кто-нибудь смог это понять.

Понимают ли люди, что живут, пока они живут? И каждую, каждую минуту?"

х х х

Я сам становлюсь своего рода Эмили каждый раз, когда слышу этот монолог. Я еще не умер, но есть на Земле место, такое же простое и безопасное, такое же понятное, такое же приятное, каким было Гроверс-Корнерс на рубеже веков, с такими же тикающими часами, мамой и папой, новой отутуженной одеждой и всем остальным, и с этим местом я уже попрощался, попрощался черт знает как давно.

Это даже не место, это первые семь лет моей жизни, пока сначала Великая депрессия, а потом -- Первая мировая война не утопили все в дерьме.

Говорят, что, когда стареешь, первое, что случается, -- это у тебя отказывают или глаза, или мозги. Неправда. Первое, что случается, -- это разучиваешься парковаться.

И вот я бессвязно бормочу что-то о сценах из пьес, которые все давно забыли, до которых давно никому нет дела, вроде сцены на кладбище в "Нашем городке" или игры в покер у Теннесси Уильямса в "Трамвае "Желание", или думаю о том, что сказала жена Уилли Ломана после трагически обычного, бестактного, по-американски храброго самоубийства в "Смерти коммивояжера" Артура Миллера.

Она сказала: "За внимание нужно платить".

В "Трамвае "Желание" Бланш Дюбуа говорит, когда ее увозят в сумасшедший дом после того, как ее изнасиловал зять: "Я всегда зависела от чужой доброты".

Эти речи, эти ситуации, эти люди отмечают этапы моего эмоционального и этического взросления и до сих пор служат мне ориентирами. Это все потому, что, когда я впервые увидел их, вместе со мной в театре была еще целая толпа других людей, поглощенных действием, и поэтому я глаз не мог оторвать от сцены.

Те же самые речи, те же самые ситуации, те же самые люди произвели бы на меня не большее впечатление, чем "Вечерний футбол по понедельникам", если бы я видел их по телевизору, в одиночестве, пялясь в электронно-лучевую трубку и жуя чипсы.

В эпоху зарождения телевидения, когда было всего-то с дюжину каналов, значимые, хорошо написанные драмы, показанные по электронно-лучевой трубке, еще могли заставить нас ощущать себя участниками всеобщего действия, хотя мы на самом деле сидели одни и дома. Программ было так мало, что почти наверняка друзья и родственники смотрели то же, что и мы. Телевизор казался самым настоящим чудом.

Мы даже могли в тот же самый вечер позвонить другу и задать вопрос, ответ на который знали и так: "Ты это видел? Круто!"

Finita la commedia.

7

Я пережил Великую депрессию, я воевал во Вторую мировую войну и ни на что бы не променял ни то, ни другое. Траут утверждал на пикнике, что наша война, в отличие от всех других войн, никогда не окончится -- ее увековечит шоу-бизнес. Из-за чего? Из-за нацистской военной формы.

Он отрицательно отозвался о камуфляже, в котором мелькают по телевизору наши теперешние генералы, рассказывая, как они стирают с лица земли какую-то очередную страну третьего мира из-за нефти. "Я не знаю ни одного места на планете, -- сказал он, -- где солдат в этом карнавальном костюме не смотрелся бы вороной на снегу.

Похоже, все идет к тому, -- продолжал он, -- что поля сражений в Третью мировую войну будут напоминать яичницу с помидорами".

Он спросил меня, есть ли у меня родственники, которые воевали и были ранены. Насколько мне известно, у меня есть только один такой родственник,

мой прапрадедушка Петер Либер, иммигрант. Он получил во время Войны Севера и Юга ранение в ногу и стал пивоваром в Индианаполисе. Он был "вольнодумцем", то есть скептиком в отношении религии, так же как Вольтер, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Килгор Траут и я сам. И еще многие другие.

Я рассказал Трауту, что в отряде, где воевал Петер Либер, все как один были атеисты родом из Германии. Так вот, командир этого отряда зачитывал своим людям христианские религиозные тексты для поддержания духа. Траут в ответ рассказал мне свою версию Книги Бытия.

У меня случайно был с собой диктофон, и я его включил.

"Вот что, перестань-ка есть и послушай меня, -- сказал он. -- Это важно". Тут он прервался, чтобы поправить подушечкой большого пальца левой руки свою верхнюю вставную челюсть. Она каждые две минуты грозила вывалиться. Он был левшой, как и я, пока меня не переучили родители, как и мои дочери Эдит и Лили, или, как мы их обычно называли, когда хотели приласкать, Эдди Бочка и Лолли Теленок.

"Вначале не было абсолютно ничего, в прямом смысле слова, -- сказал он. -- Но если есть ничто, то есть и нечто, точно так же как если есть верх, то есть и низ, если есть сладкое, то есть и горькое, если есть мужчина, то есть и женщина, если есть пьяные, то есть и трезвые, если есть радость, то есть и печаль. Это называется импликация. Мне неприятно это вам говорить, друзья мои, но мы -- лишь малюсенькие импликации, следствия из какой-то чудовищно тройной причины. Если вам не нравится быть тут, почему бы вам не отправиться туда, откуда пришли?"

"Первое нечто, первая импликация из ничто, -- попал он, -- были два существа, Бог и Сатана. Бог был мужского пола, Сатана -- женского. Они имплицировали друг друга, и поэтому их силы были равны, и это равенство само было импликацией. Сила имплицировалась слабостью".

"Бог сотворил небо и землю, -- продолжил старьй и забытый писатель-фантаст. -- Земля же была безвидна и пуста, и тьма была над бездною. И дух божий носился над водою. Сатана не могла проделать такой же номер, но считала, что глупо что-либо делать просто так -- зачем? Но пока она молчала".

Но когда Бог сказал: "Да будет свет", и стал свет, Сатана забеспокоилась. Она удивилась: "Что он, черт побери, делает? Как далеко он намерен зайти, и уж не думает ли он, что я буду помогать ему, ведь это же просто черт знает что такое?"

"И тут все окончательно потонуло в дерьме. Бог сотворил мужчину и женщину, прекрасные маленькие подобию себя и Сатаны, и дал им свободу, чтобы посмотреть, что же с ними произойдет. Эдемский сад, -- сказал Траут, -- может считаться прообразом арены для гладиаторских боев".

"Сатана, -- сказал он, -- не могла повернуть время вспять и сделать так, чтобы творения не было. Но по крайней мере она могла попытаться облегчить жизнь бедным игрушкам Бога. Она видела то, что ему было видеть не дано: все живое либо умирало от скуки, либо умирало со страху. Так что она взяла яблоко и заполнила его всяческими идеями, которые могли хотя бы развеять скуку, например правилами игр в карты и кости, объяснениями как трахаться, рецептами пива, вина и виски, картинками с растениями, которые можно курить, и так далее. Еще там были советы, как сделать музыку, песни и танцы по-настоящему безумными, по-настоящему сексуальными. И еще -- как ругаться на чем свет стоит, когда спотыкаешься".

Сатана послала змея, чтобы тот дал Еве яблоко. Ева откусила от яблока и протянула его Адаму. Он тоже откусил, и они стали трахаться".

"Можете быть уверены, -- сказал Траут, -- что известное меньшинство тех, кто принял эти идеи, пострадало от катастрофических побочных эффектов, с ними связанных". Здесь следует отметить, что Траут не был алкоголиком, наркоманом, игроком или сексуальным маньяком. Он просто был писателем.

"Сатана просто хотела помочь, и ей не раз это удавалось, -- закончил он. -- Она прославилась своими лекарствами, у которых порой обнаруживались ужасные побочные эффекты. Но и самые уважаемые фармацевтические фирмы наших дней прославились тем же".

боком многим великим американским писателям. В первой книге про катаклизм я рассказал о воображаемом доме для престарелых писателей под названием Занаду, где комнаты для гостей (таких было четыре) носили имена американских лауреатов Нобелевской премии по литературе. Комнаты "Эрнест Хемингуэй" и "Юджин О'Нил" находились на третьем этаже, "Синклер Льюис" на четвертом, "Джон Стейнбек" -- при гараже.

Килгор Траут воскликнул по прибытии в Занаду спустя две недели после того, как свобода пили снова взяла всех за жабры: "Все эти четверо, эти писчебумажные герои, были самые настоящие алкоголики!"

Игра стубила Уильяма Сарояна. Игра заодно с бухлом стубили моего друга журналиста Элвина Дэвиса, это была ужасная потеря для меня. Однажды я спросил Эла, помнит ли он, как поймал самый большой кайф от игры. Он рассказал, как это было. Они с приятелями засели играть в покер сутки напролет.

Так вот, в этой игре он просадил все деньги и вышел из-за стола. А спустя несколько часов он вернулся. Он успел обежать всех, занять у друзей, взять у ростовщика, в ломбарде -- везде, где только смог, он занял. И вот, со всеми этими деньгами он подошел к столу и сказал: "Я буду играть".

Покойный английский философ Бертран Рассел говорил, что было три пагубные пристрастия, которые отбирали у него друзей: алкоголь, религия и шахматы. Килгор Траут подсел на другое, на составление хитрых последовательностей, поделенных на части, расположенные горизонтально одна под другой, из двадцати шести фонетических символов, десяти цифр и восьми или около того знаков препинания, изображенных чернилами на отбеленной спрессованной древесной массе. Всякий, кто воображал, будто он его друг, жестоко ошибался -- из Траута можно было вытянуть не больше, чем из черной дыры.

Обе мои жены, и Джейн, первая -- с ней я развелся, -- и Джилл, вторая -- с ней я живу по сей день, -- не уставали повторять, что в этом смысле я просто вылитый Траут.

Моя мать имела пагубное пристрастие к богатой жизни, к толпам слуг, к неограниченным кредитам, к грандиозным званым обедам, к регулярным поездкам в Европу первым классом. Так что можно сказать, что всю Великую депрессию ее преследовал синдром отнятия.

У нее была самая настоящая ломка! Поведенческая ломка!

Поведенческая ломка наступает у того, кто вдруг обнаруживает, что окружающий мир изменился и его больше не принимают за уважаемого человека. Финансовый крах, новое изобретение, иноземное завоевание, смена правительства в два счета вызывают у людей поведенческую ломку.

Траут писал в рассказе под названием "Как американская семья потерпела кораблекрушение на планете Плутон": "Ничто с такой быстротой не губит любовь, как осознание, что твое прежнее, казавшееся приемлемым поведение теперь кажется смешным". На пикнике в 2001 году он сказал: "Если бы я не научился жить без общества и культуры, поведенческая ломка свела бы меня в могилу еще много лет назад".

Во "Времетраясение-один" я написал, что Траут выбросил свой рассказ "Сестры Б-36" в мусорный бак, прикрученный цепью к пожарному гидранту перед зданием Американской академии искусств и словесности. Она находится в Нью-Йорке, на чертподерикакаяжеэтоглушь 155-й улице, в двух шагах к западу от Бродвея. Это произошло в полдень накануне Рождества 2000 года, предположительно за пятьдесят один день до того, как катаклизм отбросил все и вся на десять лет назад, в 1991 год.

Члены академии, писал я, переживали поведенческую ломку, так как имели пагубное пристрастие творить старомодные произведения искусства старомодными способами, без всяких там компьютеров. Они напоминали двух сестер, "творческих натур" с матриархальной планеты Бубу в Крабовидной туманности.

Американская академия искусств и словесности существует на самом деле. Ее здание -- настоящий дворец -- располагается там, где я поместил его в первой книге про катаклизм. Перед ним на самом деле есть пожарный гидрант. Внутри на самом деле есть библиотека, и картинная галерея, и холлы, и кабинеты служащих, и огромный конференц-зал.

В соответствии с законом, принятым конгрессом в 1916 году, число членов академии не может превышать двести пятьдесят. Академиком может стать американский гражданин, прославившийся как писатель, драматург, поэт, историк, эссеист, критик, композитор, архитектор, художник или скульптор. В их стройных рядах стараниями Курносой -- смерти -- регулярно появляются бреши. Задача выживших -- предлагать, а затем выбирать тайным голосованием

тех, кто заполнит пустые места.

Среди основателей академии были Генри Адамс, Генри Джеймс, Уильям Джеймс, Самюэль Клеменс -- старомодные писатели, Эдвард Макдауэлл -- старомодный композитор. Почти тателы их были, ясное дело, немногочисленны, Работать им приходилось исключительно собственной головой.

В первой книге про катаклизм я написал, что к 2000 году кустари вроде них, по мнению широкой общественности, почти перевелись, как в Новой Англии мастера деревянной игрушки.

9

Академия возникла на рубеже веков. Ее основатели были современниками Томаса Алвы Эдисона. Помимо прочего, он изобрел звукозапись и кино. Сейчас это средства привлечь внимание миллионов людей по всему миру, но до Второй мировой войны и кино, и записи выглядели просто жалкой пародией на настоящую жизнь.

Академия переехала в свое нынешнее здание, построенное фирмой "МакКим, Хед и Уайт" на деньги филантропа Арчера Милтона Хантингтона, в 1923 году. В том же году американский изобретатель Ли де Форест представил широкой публике устройство, позволявшее записывать звук на киноленту.

В первой книге про катаклизм у меня была сцена в кабинете Моника Пеппер, вымышленного исполнительного секретаря академии. Это было накануне Рождества 2000 года, в тот самый день, когда Килгор Траут выкинул "Сестер Б-36" в мусорный бак, прикрученный цепью к пожарному гидранту, за пятьдесят один день до катаклизма.

Миссис Пеппер, жена парализованного композитора Золтана Пеппера, была поразительно похожа на мою старшую сестру Элли. ту самую, которая так сильно ненавидела жизнь. Элли умерла от рака в 1958 году по уши в долгах, бесчисленные кредиторы не давали ей покоя до самого конца. Это было бог знает сколько времени назад. Мне было тридцать шесть, а ей сорок один. Обе женщины были симпатичными блондинками, и это было отлично. Но каждая была ростом шесть футов два дюйма! Поведенческая ломка сопровождала их на протяжении всей юности, поскольку ни один народ на Земле, за исключением, быть может, тутси, не может взять в голову, зачем нужны такие высокие женщины.

Обеих преследовали неудачи. Элли вышла замуж за отличного парня, который пытался быть бизнесменом, но его предприятия проваливались с треском одно за другим, и в конце концов они остались без денег. Моника Пеппер сломала своему мужу Золтану позвоночник, так что у него парализовало ноги. За два года до сцены, о которой я говорю, она прыгнула с вышки в плавательном бассейне в Аспене, штат Колорадо, и приземлилась на него. Элли, конечно, умерла по уши в долгах, с четырьмя детьми на руках, но лишь единожды. Монике Пеппер после катаклизма придется прыгнуть с вышки на мужа второй раз.

В тот день накануне Рождества 2000 года Моника и Золтан разговаривали друг с другом в ее кабинете в академии. Золтан одновременно смеялся и плакал. Они были одноклассниками, обоим было под сорок. Это значит, они родились в период послевоенного демографического взрыва. Детей у них не было. Из-за Моника "младший брат" ее мужа не работал. Золтан, конечно, смеялся и плакал и из-за этого, но суть дела была в соседском ребенке. У него не было слуха, но вот он, оказывается, сочинил вполне приемлемый струнный квартет в манере Бетховена. Сделал он это с помощью новой компьютерной программы под названием "Вольфганг".

Отец этого чертова мальчишки не успокоился, пока не заставил Золтана посмотреть на ноты, которые тем утром распечатал его сынок. Он еще попросил Золтана сказать, хорошо это написано или как.

Золтану только этого не хватало. Мало того, что у него были парализованы ноги и не работал "младший брат", вдобавок его старший брат Фрэнк, архитектор, покончил с собой месяцем раньше -- после того, как с ним приключилась почти та же история, что с Золтаном и струнным квартетом. Да, катаклизм и Фрэнка Пеипера вытащит из могилы, так что он сможет повторно вышибить себе мозги на глазах жены и троих детей.

Приключилось с ним вот что. Фрэнк отправился в аптеку за презервативами, а может, за жевательной резинкой, а может, за чем-то еще, и там фармацевт рассказал ему, что его шестнадцатилетняя дочь стала

архитектором и собирается бросить школу, поскольку считает это пустой тратой времени. Она спроектировала игровой детский центр для бедных городских районов при помощи компьютерной программы, которую ее школа купила для вольнослушателей -- тупиц, которые дальше восьмого класса ни ногой. Программа называлась "Палладио".

Фрэнк отправился в компьютерный магазин и попросил показать ему "Палладио". Он был совершенно уверен, что с его природным талантом и образованием он уест эту программу. И прямо там, в магазине, за каких-нибудь полчаса, "Палладио" выполнил задание, которое Фрэнк ему дал, -- разработал полный комплект чертежей для постройки трехэтажного автомобильного гаража в стиле Томаса Джефферсона^[6].

Это было самое безумное задание, которое Фрэнк только мог выдумать. Он был уверен, что "Палладио" отошлет его с его заданием к какому-нибудь известному архитектору. Но нет! Программа выдавала одно меню за другим, запрашивая предполагаемое количество автомобилей, в каком городе будет построен гараж -- это имеет значение, поскольку в разных городах разные строительные нормы и правила, -- предполагается ли держать в гараже грузовики и так далее. Она даже спросила, какие здания окружают предполагаемое место строительства гаража -- будет ли джефферсоновская архитектура с ними гармонировать? Наконец, она поинтересовалась, не хочет ли Фрэнк получить также альтернативные проекты, скажем, в стиле Майкла Грейвса или А. М. Пея.

Она разработала схемы электропроводки и канализации, а также предложила дать примерные оценки стоимости строительства такого гаража в любой точке земного шара.

И тогда Фрэнк пошел домой и покончил с собой в первый раз.

Смеясь и плача, Золтан Пеппер говорил своей симпатичной, но глуповатой жене у нее в кабинете в академии в первый из двух канунов Рождества 2000 года: "Когда мастер своего дела терпит полнейший крах, говорят, что ему подали его голову на блюде. Вернее, так говорили раньше. Теперь наши головы нам подают на многоножках".

Так он называл микросхемы.

10

Элли умерла в Нью-Джерси. Вместе со своим мужем Джимом, как и она, уроженцем Индианы, она похоронена на кладбище Краунхилл в Индианаполисе. Там лежит и Джеймс Уиткомб Райли, "поэтическая слава Индианы", дипломированный холостяк и пропойца. Там лежит и Джон Диллинджер, знаменитый в тридцатые годы грабитель, в которого все поголовно были влюблены. И наши родители, Курт и Эдит, и младший брат отца Алекс Воннегут, страховой агент с гарвардским образованием, тот самый, что говорил, когда дела шли неплохо: "Если это не прекрасно, то что же?", покоятся здесь. И вместе с ними два поколения их предков -- пивовар, архитектор, торговцы и музыканты, со своими женами, естественно.

Аншлаг!

Деревенщина Джон Диллинджер однажды сумел сбежать из тюрьмы, угрожая охранникам деревянным пистолетом, который он выстрогал из стиральной доски. Он выкрасил его в черный цвет обувным кремом. Такой вот он был затейник. Находясь в бегах, Диллинджер написал письмо вроде тех, что пишут кинозвездам их поклонники. Адресатом был Генри Форд. Диллинджер благодарил старого антисемита за то, что тот делает быстрые и маневренные машины, на которых так удобно делать ноги!

В те времена можно было убежать от полиции, если ты лучше водил машину, да и сама она была получше. Вот вам и честная игра! Вот вам и воплощение американской мечты --одни правила для всех! И он грабил только богатых, брал только банки с вооруженной охраной, и только сам.

Диллинджер не был каким-то скользким мошенником с ножом за пазухой. Он был спортсменом.

В библиотеках наших школ спокон веку идет чистка -- вычищают литературу "подрывного характера". Но две самые "подрывные" книжки остаются нетронутыми, они абсолютно не вызывают подозрений. Одна из них -- рассказы о Робин Гуде. Даже настолько необразованный человек, как Джон Диллинджер, был явно вдохновлен этой книгой -- в ней рассказано, ради чего стоит жить

настоящему человеку.

В те времена детей из бедных американских семей не пичкало бесконечными сказками телевидение. Они слышали и читали лишь самую малость, но уж ее-то смогли запомнить, иным удалось что-нибудь из этой малости вынести.

Весь англоговорящий мир читал "Золушку". Еще все читали "Гадкого утенка". Еще все читали "Робин Гуда".

И еще была одна сказка. Она в отличие от "Золушки" и "Гадкого утенка" прославляла презрение к власти, как "Робин Гуд". Это было житие Иисуса Христа, изложенное в Новом Завете.

По приказу Эдгара Гувера, директора ФБР, холостяка и гомосексуалиста, легавые убили Диллинджера, пристрелили его как собаку, когда он выходил из кинотеатра вместе с одной своей знакомой. Он не вытащил пистолет, ни на кого не набросился, никого не ударил, не попытался бежать. Он был такой же зритель, он вернулся в реальный мир, посмотрев фильм -- побывав в сказочном мире. Его убили потому, что он слишком долго выставлял легавых -- а они все тогда носили стетсоны -- полными идиотами.

Это было в 1934-м. Мне было одиннадцать, Элли было шестнадцать. Элли рвала и метала, и мы оба проклинали ту девицу, с которой Диллинджер был в кино. Эта сучка, по-другому ее нельзя назвать, рассказала легавым, где в этот вечер будет Диллинджер. Она сказала, что наденет оранжевое платье. Ничем не примечательный парень, который выйдет с ней из кино, и будет тем, кого голубой директор ФБР объявил Всеобщим Врагом Номер Один.

Она была венгеркой. А старая пословица гласит: "Если ваш друг -- венгр, вам не нужен враг".

х х х

Элли потом сфотографировалась рядом с могилой Диллинджера на Краунхилл, недалеко от ограды на Тридцать восьмой улице. Я сам время от времени приходил туда стрелять ворон из полуавтоматической винтовки калибром 0.22, которую мой отец -- он был помешан на ружьях -- подарил мне на день рождения. Тогда ворон считали врагами рода человеческого. Ну как же -- им только дай, они все наше зерно склюют.

Один мой приятель подстрелил золотого орла. Видели бы вы размах крыльев!

Элли так сильно ненавидела охоту, что я бросил это дело, а вслед за мной и отец. Я где-то писал, что он помешался на ружьях и стал охотником ради того, чтобы его не считали "бабой", несмотря на то что он был художник, архитектор и вдобавок гончар. В своих лекциях я часто говорю: "Если вы очень хотите насолить предкам, а смелости податься в голубые у вас не хватает, вы по крайней мере можете стать художниками".

Бросив охоту, отец решил, что еще может доказать, что он мужчина, если займется рыбалкой. Но тут все испортил мой старший брат Берни. Он как-то сказал ему, что рыбак очень похож на человека, который покупает швейцарские часы, чтобы расколотить их о стену.

Я рассказал Килгору Трауту на пикнике в 2001 году, как мои брат и сестра стыдили отца. В ответ он процитировал Шекспира: "Больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного ребенка!"^[7]

Траут был самоучкой, он даже школу не окончил. Так что я был немало удивлен, что он читал Шекспира. Я спросил, много ли он знает наизусть из этого прославленного автора. Он ответил: "Да, дорогой коллега, включая одну сентенцию, которая описывает человеческую жизнь так полно, что после нее можно было вообще ничего не писать".

"И что же это за сентенция, мистер Траут?" -- спросил я.

Он ответил: "Весь мир -- театр, в нем женщины, мужчины, все актеры"^[8].

11

Прошлой весной я написал письмо одному своему старому другу. Я рассказал ему, почему я больше не могу писать, хотя уже много лет совершаю одну бесполезную попытку за другой. Этот мой друг был Эдвард Мьюир, мой ровесник, поэт и рекламный агент из Скарсдейла. В романе "Колыбель для кошки" я говорил -- если чья-то жизнь без видимых причин переплелась с вашей и вы никак не можете расстаться, то это, вероятно, член вашего карасса,

команды, которую собрал Бог, чтобы она для него что-нибудь наконец сделала. Эд Мьюир, несомненно, член моего карасса.

А теперь послушайте. Когда я учился в Чикагском университете после Второй мировой войны, Эд тоже там учился, но мы не встретились. Когда я переехал в Скенектади, штат Нью-Йорк, на работу пресс-секретарем в фирму "Дженерал элект-рик", Эд тоже туда переехал -- преподавать в Юнион-Колледж. Когда я покинул "Дженерал электрик" и отправился в Кейп-Код, он появился там же, он вербовал участников в программу "Великие книги". Вот там-то мы наконец и встретились и, с Божьей помощью или без нее, я и моя первая жена Джейн стали лидерами группы "Великие книги".

А когда он стал рекламным агентом и переехал в Бостон, я поступил так же, не зная об этом. Когда распался первый брак Эда, то же самое случилось и с моим, и теперь мы оба живем в Нью-Йорке. Однако я вот к чему все это говорил: когда я отправил ему письмо про то, что больше не могу писать, он переделал его в стихотворение и отослал мне обратно.

Он отбросил мое приветствие и первые несколько строк, которые восхваляли книгу Дэвида Марксона, который учился у Эда в Юнион-Колледж. Я говорил, что Дэвиду не стоит благодарить судьбу за то, что она позволила ему писать такие хорошие произведения в эпоху, когда никого уже не проймешь книгой, будь она хоть самый распроклятый шедевр. Что-то вроде того. У меня не осталось копии письма в прозе. А вот оно в стихах:

Не за что благодарить Судьбу.
 Когда мы уйдем, не останется никого,
 Кто прочел бы каракули на бумаге
 И понял, что они хороши.

Я болен, у меня нечто вроде
 Пневмонии, когда не кладут в больницу, --
 Я не могу писать, и в больницу меня не кладут.
 Ежедневно я занимаюсь бумагомарательством,
 Но сюжет не ведет никуда,
 Куда бы мне хотелось.

Один молодой немец
 Сделал из "Бойни номер пять" оперу,
 В июне в Мюнхене будет ее премьера.
 Я туда не поеду.
 Мне не интересно.

Мне нравится бритва Оккама
 И закон экономии, они гласят,
 Что обычно самое простое объяснение феномена
 Самое верное.

И теперь, благодаря Дэвиду, я поверил --
 То, что я не могу писать, показывает,
 Чем на самом деле кончается жизнь тех, кого мы любим.

А мы-то думали, что наш родной английский
 Поможет нам добиться совсем другого.
 Наш родной английский -- фуфло.

Может, и фуфло.

Хорошо, что Эд сделал эту штуку с моим письмом. Расскажу еще одну отличную историю, приключившуюся с ним в те дни, когда он разъезжал по Америке как представитель "Великих книг". Он малоизвестный поэт, периодически печатается в "Атлантик мансли" и других подобных журналах. Однако вот незадача -- он почти тезка очень известного поэта Эдвина Мьюира, шотландца, умершего в 1959 году. Не слишком искушенные в литературе люди иногда спрашивали его, не тот ли он самый поэт, имея в виду Эдвина.

Однажды одна женщина спросила его, не тот ли он самый поэт. Он ответил нет. Она была глубоко разочарована, ведь ее любимое стихотворение -- "Укутывая своего сына". Штука в том, что автор этого стихотворения -- американец Эд Мьюир.

12

Мне хотелось бы, чтобы не Уайлдер, а я написал "Наш городок". Мне хотелось бы, чтобы не кто-нибудь, а я изобрел роликовые коньки.

Я спросил А. Э. Хотчнера, друга и биографа покойного Эрнеста Хемингуэя, стрелял ли Хемингуэй в кого-нибудь (самоубийство не считается). Тот ответил: "Нет".

Я спросил известного немецкого романиста Генриха Белля, что ему больше всего не нравится в немцах. Он ответил: "Они возвели послушание в жизненный принцип".

Я спросил одного из моих усыновленных племянников, как я танцую. Он ответил: "Ничего".

Когда я в Бостоне нанимался на работу рекламным агентом -- ну да, я же разорился, -- человек из отдела кадров спросил меня, откуда произошла фамилия Воннегут. Я ответил, что она немецкая. "Немцы, -- сказал он, -- убили шесть миллионов моих братьев".

Рассказать вам, почему у меня нет СПИДа, почему я не заражен ВИЧ-инфекцией, как многие другие люди? Я не трахаюсь с кем попало. Только и всего.

Траут рассказал, отчего СПИД и новые варианты всякого триппера и так далее расплодилось нынче, как комары летом. Дело было так. 1 сентября 1945 года, сразу после окончания Второй Мировой войны, представители всех химических элементов собрались на встречу на планете Тральфамадор. Они собрались, чтобы выразить свой протест против того, что из некоторых из них построены тела этих больших, неуклюжих и вонючих живых организмов, бессмысленно жестоких и ужасно глупых -- людей.

Элементы полоний и иттербий, из которых никогда не строились человеческие тела, были оскорблены самим фактом, что химические элементы вообще подвергаются подобному надругательству.

Углерод за долгую историю был свидетелем многочисленных избиений, однако он обратил внимание собрания лишь на одну публичную казнь. Случилось это в Англии, в пятнадцатом веке. Человека обвинили в государственной измене и приговорили к смерти. Его повесили, но он не умер, а долго висел, пока почти не задохнулся. Его привели в чувство и вспороли ему брюхо.

Палач вытащил наружу его кишки и показал их ему. Потом в паре мест прижег факелом. Надо сказать, что кишки он не отрезал. Затем палач и его помощники привязали его за руки и за ноги к четырем лошадям.

Они стеганули лошадей, и те поскакали в разные стороны, так что разорвали человека на четыре кровавых куска, каковые были затем вывешены на рынке на всеобщее обозрение.

Если верить Трауту, перед встречей элементы договорились, что никто не будет рассказывать о тех ужасах, которые взрослые вытворяют с детьми. Несколько делегатов пригрозили бойкотировать встречу, если им придется смиренно сидеть и выслушивать подобное. Да и зачем?

"В результате обсуждения того, что взрослые делают со взрослыми, пришли к ясному выводу, что человеческий род следует истребить, -- сказал Траут. -- Заслушивание докладов о том, что взрослые делают с детьми, было бы, так сказать, "нездоровым украшательством"".

Азот со слезами на глазах рассказывал о том, как его забрали в рабство нацистские охранники и врачи и заставили работать на них в лагерях смерти во время Второй мировой войны. Калий рассказывал такие истории об испанской инквизиции, что кровь стыла в жилах, ему вторил кальций рассказом о гладиаторских боях, кислород говорил о торговле чернокожими.

Слово взял натрий. Он заявил, что сказано уже достаточно, дальнейшие показания будут лишь сотрясением воздуха. Он предложил всем химическим элементам, задействованным в медицинских исследованиях, соединяться во все более и более сильные антибиотики. Они, в свою очередь, заставят болезнетворные организмы вырабатывать новые штаммы, устойчивые к антибиотикам.

В результате, предсказал натрий, через некоторое время все болезни, которым подвержен человек, даже сыпь и чесотка, станут не только неизлечимы,

но и смертельны. "Все люди умрут, -- сказал натрий. -- И снова, как при рождении Вселенной, все элементы будут свободны от греха".

Железо и магний присоединились к предложению натрия. Фосфор поставил вопрос на голосование. Под бурные аплодисменты предложение было принято единогласно.

13

В 2000 году, вечером накануне Рождества, когда Золтан Пеппер говорил своей жене, что людям теперь подают их головы на многоножках, Килгор Траут находился рядом со зданием Американской академии искусств и словесности. Траут не мог слышать слова Золтана. Между ними была толстая каменная стена, она превосходно заглушала речь парализованного композитора о мании -- заставляя человечество состязаться с машинами, которые заведомо их умнее.

Пеппер задал в своей речи один риторический вопрос. Вот он: "Зачем, скажите, зачем нужно унижать самих себя, да еще так изобретательно и за такую большую цену? Мы ведь и не утверждали никогда, что мы какие-то там крутые".

Траут сидел на койке в приюте для бродяг, бывшем когда-то Музеем американских индейцев. Самый плодовитый в мире писатель рассказов был задержан полицией при облаве в Нью-Йоркской Публичной библиотеке, что на углу Пятой авеню и Сорок второй улицы. Его и еще человек тридцать -- Траут называл их "жертвенной скотиной", -- живших в библиотеке, вывезли на черном школьном автобусе и сдали в приют на чертпоберикакаяжеэтогоглушь Западной 155-й улице.

В Музее американских индейцев была экспозиция, посвященная жизни аборигенов во времена, предшествовавшие появлению европейцев, которые утопили все в дерьме. За пять лет до появления там Траута музей переехал в более безопасный район.

11 ноября 2000 года ему исполнилось восемьдесят четыре года. Он умрет в День всемирной солидарности трудящихся в 2001 году, и ему все еще будет восемьдесят четыре. Но к тому времени кончатся те самые десять лет, которые ему, и еще многим другим, подарил катаклизм. Хорошенький подарочек, ничего не скажешь.

Вот что он напишет об этих повторных десяти годах в своих незаконченных мемуарах под названием "Десять лет на автопилоте": "Послушайте, если не катаклизм ведет нас от одного происшествия к другому, так что-то другое, только оно еще сильнее и отвратительнее".

"Этот человек, -- написал я в первой книге про катаклизм, -- был единственным ребенком в семье. Его отец, профессор колледжа в Норхэмптоне, Массачусетс, убил его мать, когда ему было всего двенадцать лет".

Я сказал, что Траут был бродягой. С осени 1975 года он выбрасывал свои рассказы в помойку вместо того, чтобы отдавать их в печать. Он взял эту привычку после того, как узнал о смерти своего единственного сына Леона, дезертира из рядов Американской морской пехоты. Ему случайно отрезало голову в результате несчастного случая на судоверфи в Швеции. Он получил в Швеции политическое убежище и работал на верфи сварщиком.

Когда Траут стал бродягой, ему было пятьдесят девять. С тех пор у него не было дома до тех пор, пока ему, умирающему старику, не предоставили комнату имени Эрнеста Хемингуэя в приюте для престарелых писателей Занаду, штат Род-Айленд.

Когда его зарегистрировали в бывшем Музее американских индейцев -- бывшем напоминании о самом грандиозном геноциде в истории человечества, -- рассказ "Сестры Б-36", лежавший у него в кармане, сидел у него в печенках. Он закончил его в Публичной библиотеке, но полиция арестовала его прежде, чем он успел от него избавиться.

Так что он, не снимая пальто, сказал клерку в приюте, что его зовут Винсент ван Гог, и что все его родственники умерли, а затем снова вышел наружу. На улице было так холодно, что замерз бы и снежный человек. Траут бросил рукопись в мусорный бак без крышки, прикованный к пожарному гидранту, что напротив Американской академии искусства и словесности.

Когда он по прошествии десяти минут вернулся в приют, клерк сказал ему:

"Где тебя носило? Мы все очень за тебя беспокоились, Винс". Потом он показал ему его койку. Она висела на смежной стене между приютом и академией.

На другой стороне стены, в академии, над столом из розового дерева, за которым работала Моника Пеппер, висела картина Джорджии О'Кифф -- побелевший коровий череп на песке посреди пустыни. На стороне Траута, прямо у изголовья его койки, висел плакат, на котором читающему строго-настроено запрещалось совать своего "младшего брата" куда бы то ни было, не надев на него предварительно презерватив.

После катаклизма, когда "подарочные" десять лет наконец прошли и свобода воли снова взяла всех за жабры, Траут и Моника познакомятся друг с другом. Кстати, ее стол когда-то принадлежал писателю Генри Джеймсу. А ее кресло, кстати, когда-то принадлежало композитору и дирижеру Леонарду Бернстайну.

Так вот, когда Траут понял, как близко находилась его койка от ее стола в тот пятьдесят один день до катаклизма, он выразил свою мысль таким вот образом: "Если бы у меня тогда была базука, я бы взорвал эту стену. Если бы после этого мы оба остались живы, я бы спросил у тебя: "Что это такая милая девочка делает в таком месте?"

14

Бож с соседней койки пожелал Трауту счастливого Рождества. Траут ответил: "Дин-дин-дон! Дин-дин-дон!"

Чистая случайность -- его реплика была кстати, казалось, он намекает на бубенцы на санях Деда Мороза. Только не угадали. Траут отвечал "Дин-дин-дон" всегда, когда к нему обращались просто так. Он говорил "дин-дин-дон", например, в ответ на "Как дела?", или "Добрый день", или что-нибудь в этом роде -- в любое время года, дня и ночи.

Жестом, тоном и прочими средствами он, при желании, мог и в самом деле вложить в эти слова смысл "И вам тоже счастливого Рождества". Но "дин-дин-дон" могло означать и "Привет" или "Пока". Старый писатель-фантаст мог заставить эти слова звучать как "Пожалуйста" или "Спасибо", или "Да" или "Нет", или "Я не могу с вами согласиться" или "Если бы у вас вместо мозгов был динамит, его не хватило бы даже на то, чтобы сдуть с головы вашу шляпу".

х х х

Я спросил его в Занаду летом 2001 года, как получилось, что он что ни слово, то говорит "дин-дин-дон". Его тогдашний ответ был, как оказалось позже, лишь ширмой. Он сказал мне: "Я это в войну кричал, -- сказал он. -- Когда артиллерийская батарея попадала в цель по моей наводке, я кричал: "Дин-дин-дон! Дин-дин-дон!"

Спустя час, а это было вечером накануне пикника, он поманил меня пальцем в свою комнату. Он закрыл за мной дверь. "Ты действительно хочешь узнать про "дин-дин-дон?" -- спросил он.

Мне вполне хватило и первого объяснения. Вся штука была в том, что Траут сам хотел, чтобы я услышал остальное. Мой невинный вопрос заставил вспомнить его о страшном детстве в Нортхэмптоне. Он не мог успокоиться, не рассказав мне.

"Мой отец убил мою мать, -- сказал Килгор Траут, -- когда мне было двенадцать лет".

"Он закопал ее у нас в подвале, -- сказал Траут, -- но мне он сказал только, что она пропала. Отец сказал, что понятия не имеет, что с ней стало. Он сказал, как часто поступают женоубийцы, что она, может быть, отправилась в гости к родственникам. Он убил ее в то утро, дождавшись, пока я уйду в школу.

В тот вечер он приготовил нам двоим ужин. Отец сказал, что утром он заявит в полицию об ее исчезновении, если до этого времени она не появится. Он сказал: "В последнее время она выглядела сильно уставшей, все время нервничала. Ты разве не заметил?"

"Он был псих, -- сказал Траут. -- Я тебе расскажу. В полночь он пришел в мою комнату и разбудил меня. Он сказал, что хочет рассказать мне что-то важное. Это был обыкновенный пошлый анекдот, но этот больной человек считал,

что это самая настоящая притча, притча о том, что с ним сотворила жизнь. Это был анекдот про человека, который спрятался от полиции в доме у одной своей знакомой".

"В ее гостиной потолок был как в соборе, стропила уходили под самую крышу".

Тут Траут прервался. Было похоже на то, что ему трудно продолжать, как, должно быть, и его отцу.

Там, в комнате, названной в честь самоубийцы Эрнеста Хемингуэя, Траут продолжил: "Она была вдова. Он разделся догола, а она пошла подобрать ему что-нибудь из одежды покойного мужа. Но прежде чем он успел что-нибудь надеть, в парадную дверь застучала дубинками полиция. Так что ему пришлось спрятаться на стропилах. Женщина впустила полицейских, но, оказывается, он спрятался не целиком -- со стропил свисали его огромные яйца".

Траут снова прервался.

"Полиция спросила женщину, где парень. Женщина сказала, что не знает человека, о котором они говорят, -- сказал Траут. -- Тут один из легавых заметил яйца, свисавшие со стропил, и спросил, что это. Женщина сказала, что это китайские храмовые колокольчики. Он ей поверил. Он сказал, что всегда мечтал послушать, как звенят китайские храмовые колокольчики.

Он ударил по ним своей дубинкой, но не раздалось ни звука. Он ударил еще раз, намного сильнее. Знаешь, что завопил парень на стропилах?"

Я сказал, что не знаю.

"Он завопил "ДИН-ДИН-ДОН, МАТЬ ТВОЮ ТАК!", -- завопил Килгор Траут.

15

Академии следовало бы перевезти своих сотрудников и фонды в более безопасные кварталы вслед за Музеем американских индейцев, который проделал это со своей экспозицией про геноцид. Академия все так же располагалась на чертпоберикакаяжеэтоглушь Западной 155-й улице. Там на много миль вокруг жили люди, жизнь которых не стоила ни гроша, но членам академии было давно на все плевать, на переезд они чихать хотели.

Говоря по-честному, единственные, кому было не наплевать на академию, были ее сотрудники -- клерки, уборщицы и вооруженная охрана. Не сказать, чтобы им было так уж интересно старомодное искусство. Им нужна была работа, не важно, осмысленная или нет. Они были очень похожи на людей времен Великой депрессии, которые устраивали грандиозные праздники, получив даже самую вшивую работенку.

Траут говорил, что во времена Великой депрессии его соглашались брать только на работу по "очистке часов с кукушкой от птичьего дерьма".

х х х

Исполнительному секретарю академии действительно нужна была работа. Моника Пелпер, так похожая на мою сестру Элли, была единственной опорой для себя и мужа Золтана, которого она превратила в паралитика, прыгнув с вышки. Она превратила здание в форменную крепость, заменив деревянную входную дверь на полудюймовый стальной лист с глазком. Этот лист можно было закрыть и запереть.

Она сделала все, чтобы здание было точь-в-точь похоже на развалины Колумбийского университета, что в двух милях к югу от академии, -- такое же давно покинутое и разрушенное. Окна, как и входная дверь, были закрыты железными ставнями, поверх которых были фанерные листы, выкрашенные в черный цвет и исписанные разными словами. Надписи опоясывали весь фасад. Все эти художества были делом рук самих сотрудников. Стальную входную дверь украшала надпись оранжевым и малиновым спреем, изображенная лично Моникой: "ИСКУССТВО -- В ЖОПУ!"

Случилось так, что вооруженный охранник афро-американского происхождения по имени Дадли Приис наблюдал через тот самый дверной глазок, как Траут выбрасывал "Сестер Б-36" в мусорный бак перед зданием. Бомжи, интересовавшиеся баком, были не в новинку, это конечно, но Траут, которого Принс принял за женщину, а не за мужчину, выглядел на особицу.

Вот что надо сказать о том, как Траут выглядел издали: вместо бржк на

нем были три пары теплых кальсон, так что из-под пальто сверкали его голые икры. Кроме того, на нем были сандалии, а не ботинки, что делало его еще больше похожим на женщину, и еще на нем был головной платок из детского одеяла -- с красными кружками и синими медвежатами.

Траут стоял перед мусорным баком без крышки и бурно жестикулировал, как будто вел беседу с редактором в старомодном издательстве, а его четырехстраничная вшивая рукопись была великим романом, который будет продаваться, как кока-кола. И при этом с головой у него было все в порядке. Он позже скажет о своем "выступлении": "Это не у меня был нервный срыв, а у Вселенной. Меня окружал ночной кошмар, а я веселился от души, обсуждая с воображаемым редактором рекламную кампанию, сколько кто кому должен платить при экранизации романа, о своих интервью и так далее. В общем, нес премиленькую отвязную чушь".

Его поведение было настолько эксцентричным, что всамделишная нищенка, шедшая мимо, спросила его: "Эй, подруга, ты чего?"

Он ей ответил со всем смаком: "Дин-дин-дон! Дин-дин-дон!"

Когда Траут вернулся в приют, вооруженный охранник Дадли Принс открыл стальную входную дверь и, от скуки и любопытства, вытащил рукопись из мусорного бака. Он хотел знать, о чем эта нищенка, которой, казалось, самое время покончить с собой, говорила с таким чувством.

16

Вот вам -- вдруг на что стодится? -- отрывок из первой книги про катаклизм, рассказ о причинах катаклизма и его последствиях. Это написал Килгор Траут, взято из его неопубликованных мемуаров "Десять лет на автопилоте".

"Катаклизм 2001 года -- это вселенский мышечный спазм, случившийся у госпожи Судьбы. В момент, который в Нью-Йорке полагали двумя часами двадцатью семью минутами пополудни, тринадцатого февраля 2000 года, Вселенная пережила острый приступ неуверенности в себе. Стоит ли ей расширяться бесконечно? За каким дьяволом?"

Вселенная колебалась. Не вернуться ли ей на пару минут туда, откуда все пошло, а потом снова устроить Большой Взрыв?

Вселенная неожиданно вернулась на десять лет назад. Она вернула меня и всех обратно в семнадцатое февраля 1991 года, что касается меня лично -- то в момент семь часов пятьдесят одна минута утра, когда я стоял перед банком крови в Сан-Диего, штат Калифорния.

По причинам, одной ей известным, Вселенная решила не возвращаться к началам, по крайней мере пока. Она продолжила расширяться. Кто, если кто-то такой был, сказал решающее слово в вопросе расширяться или сжиматься, я не знаю. Несмотря на то, что я прожил восемьдесят четыре года, или девяносто четыре, если считать "подарочный" червонец, на многие вопросы я до сих пор не знаю ответа.

Вселенная вернулась назад на десять лет без четырех дней. Некоторые говорят, что это доказывает, что Бог существует, и что он живет по десятичной системе счисления. У него десять пальцев на руках и ногах -- он использует их при счете, как и мы.

У меня есть сомнения на этот счет, ничего тут не могу поделаться. Уж я такой. Даже если бы мой отец, орнитолог профессор Реймонд Траут из колледжа Смита в Нортхэмптоне, штат Массачусетс, не убил мою мать, домохозяйку и поэтессу, мне кажется, что я все равно был бы таким. С другой стороны, я никогда серьезно не изучал религии, так что я не специалист. Все, что я знаю с точностью, это что правоверные мусульмане не верят в Деда Мороза".

В первое (из двух) Рождество 2000 года все еще верующий охранник афро-американского происхождения Дадли Принс решил, что рассказ Траута "Сестры Б-36" есть не что иное, как послание Академии лично от Господа Бога. В конце концов произошедшее на планете Бубу в целом не слишком отличалось от того, что явно уже произошло на его собственной планете, особенно что касалось его работодателей, Американской академии искусств и словесности, что на чертпоберикакалжеэтогоглушь 155-й Западной улице, в двух кварталах от Бродвея.

Траут потом познакомился с Принсом, так же, как с Моникой Пеппер и со мной, после того, как "подарочный" червонец завершился и свобода воли опять взяла всех за жабры. Пережив катаклизм, Принс перестал во что-либо ставить

идею о мудром и справедливом Боге, как и моя сестра Элли. Однажды Элли сказала, имея в виду не только свою жизнь, но скорее жизнь всех и каждого: "Если Бог существует, уверена, что он нас всех ненавидит. Это все, что я могу сказать".

Когда Траут услышал о том, что Принс в то Рождество 2000 года принял "Сестер Б-36" всерьез, о том, что Принс решил, что помоечница специально махала руками перед мусорным баком затем, чтобы разбудить у Принса любопытство, чтобы он пошел и вынул вшивые странички из бака, старый писатель-фантаст отметил: "Ну разумеется, Дадли. Любой, кто верит в существование Бога, вот как ты тогда, с полпинка поверит в существование планеты Бубу".

Только представьте себе, что произойдет с Дадли Принсом, величественным представителем власти и хранителем порядка, облаченным в форменную одежду охранной фирмы, которая круглосуточно охраняла несчастную академию, с пистолетной кобурой на поясе, спустя всего пятьдесят один день после первого (из двух) Рождества 2000 года: катаклизм забросит его обратно в одиночную камеру, в каменный мешок, окруженный стенами и вышками Исправительной тюрьмы строгого режима для совершеннолетних, что в Афинах, штат Нью-Йорк, в шестидесяти милях южнее его родного города Рочестера, где у него была маленькая фирма по видеопрокату.

Оно конечно, катаклизм омолодил его на десять лет, но что толку! Дело было в том, что он теперь снова отбывал свой дважды пожизненный срок без права на помилование за изнасилование и убийство десятилетней девочки Кимберли Вонг, китайско-американского и итало-американского происхождения, которое он совершил в предназначенном на снос доме в Рочестере. А главное, он был абсолютно в этом невиновен!

Правда, Дадли Принс в начале своего "подарочного червонца", как и остальные из нас, помнил все, что должно произойти с ним в следующие десять лет. Он знал, что через семь лет его оправдают на основании ДНК-экспертизы спермы, оставшейся на белье жертвы. Эти оправдывающие вещественные доказательства снова будут обнаружены томящимися в конверте у районного прокурора, который подставил Дадли Принса в надежде быть избранным в губернаторы.

И, разумеется, этот же самый прокурор будет найден на дне озера Кайюга с "цементными ботинками" на ногах еще через шесть лет. А Принс за это время снова получит свидетельство о среднем образовании, ревностно уверует в Христа и так далее.

И когда он снова окажется на свободе, он снова пойдет на телевизионное ток-шоу вместе с другими людьми, которые, как и он, были несправедливо обвинены, а затем праведно оправданы, чтобы рассказать, что пребывание в тюрьме стало для него самым счастливым периодом в жизни, ибо именно в тюрьме он нашел Христа.

17

В канун Рождества 2000 года, не важно, которого из двух, экс-преступник Дадли Принс принес "Сестер Б-36" в офис к Монике Пеппер. Ее муж Золтан в своем кресле-каталке в этот момент предсказывал исчезновение грамотности в недалеком будущем.

"Пророк Мухаммед был неграмотен, -- говорил Золтан. -- Иисус, Мария и Иосиф наверняка тоже были неграмотны, Мария Магдалина была неграмотна. Император Карл Великий признавался, что неграмотен. Читать -- ведь это так сложно! Никто во всем западном полушарии не умел читать и писать, даже искусные майя, инки и ацтеки не могли себе представить, как это делается, пока не появились европейцы.

Кстати, и большинство европейцев в то время тоже не умели ни писать, ни читать. Те немногие, кто умел, были узкими специалистами. Я обещаю тебе, дорогая, что благодаря телевидению скоро снова никто не будет уметь ни читать, ни писать"

И тут Дадли Принс сказал -- в первый ли раз, во второй ли, не важно: "Прошу прощения, но, кажется, кто-то пытается нам что-то сказать".

Моника читала "Сестер Б-36" со всевозрастающим нетерпением. Прочитав, она сказала, что это чушь собачья. Она протянула рассказ своему мужу. Едва

он прочел имя автора, как волосы встали у него дыбом. "О господи, о господи! -- воскликнул он. -- Четверть века прошло, и снова Килгор Траут вторгся в мою жизнь!"

Я вам расскажу, почему Золтан Пеппер так себя повел. Дело было так. Когда Золтан учился во втором классе школы в Форт-Лодердейле, штат Флорида, он переписал один фантастический рассказ из одного старого журнала из отцовской коллекции. Он предъявил его своей учительнице английского, миссис Флоренс Уилкерсон, выдав за собственное сочинение. Это был один из последних опубликованных рассказов Килгора Траута. Когда Золтан учился в школе, Килгор Траут уже рылся в помойках.

В сворованном рассказе говорилось о планете в другой галактике, где жили маленькие зеленые человечки с единственным глазом в центре лба, которые могли добывать пищу, только продавая товары или услуги кому-то еще. Когда на планете не осталось покупателем, никто не смог придумать, что же делать. Все зеленые человечки подошли с голоду.

У миссис Уилкерсон возникло подозрение, что это плагиат. Золтан признался, поскольку считал, что просто пошутил, ничего серьезного. Для него плагиат был тем, что Килгор Траут назвал бы словом криптоэкстибиционизм, которое означает "обнажение половых органов в присутствии слепого человека одного с экстибиционистом пола".

Миссис Уилкерсон решила преподать Золтану урок. Она заставила его написать на доске "Я УКРАЛ СОБСТВЕННОСТЬ КИЛГОРА ТРАУТА" перед всем классом. Затем, в течение следующей недели, она приказала ему носить на груди картонку с надписью ВОР. Из нее бы душу вытрясли, сотвори она подобное со школьником в наши дни. Но тогда -- это тогда, а теперь -- это теперь.

Вдохновил миссис Уилкерсон на то, что она сделала с Золтаном Пеппером, несомненно, роман "Алая буква" Натаниела Хоторна. Там женщине пришлось носить на груди букву П -- от слова прелюбодеяние, -- поскольку она позволила мужчине, не своему мужу, извергнуть семя в ее влагалище. Она не сказала, кто это был. Он ведь был священник!

Поскольку Дадли Принс сказал, что странички в мусорный бак перед входом бросила нищенка. Золтан не мог даже вообразить, что это сделал сам Траут. "Это, наверное, его дочь или внучка, -- заявил он. -- Сам Траут, должно быть, давно отбросил копыта. Я очень на это надеюсь, будь проклята его гадкая душа".

А Траут-то, живехонький, находился в двух шагах оттуда! И преотлично себя чувствовал! Он так обрадовался, что избавился наконец от "Сестер Б-36", что начал новый рассказ. Он писал рассказ в среднем каждые десять дней начиная с четырнадцати лет. В год их получалось в среднем тридцать шесть. Это мог быть его две тысячи пятисотый рассказ. Его действие происходило не на другой планете. Оно происходило в кабинете психиатра в Сент-Поле, штат Миннесота.

Название рассказа совпадало с именем главного героя, психиатра -- "Доктор Шаденфрейд"^[9]. Пациенты у этого доктора лежали на кушетке^[10] и говорили, но рассказывать они имели право только о всякой ерунде, которая происходила с абсолютно незнакомыми им людьми на рекламе в супермаркетах и с гостями телевизионных ток-шоу.

Если пациент случайно произносил "я", "мне" или "мое", у доктора Шаденфрейда появлялась пена у рта. Он выскакивал из своего набивного кожаного кресла. Он топал ногами. Он махал руками.

Он обрушивал свое тело на пациента, и тот глядел в его разъяренное лицо. Он рычал, он кричал, он бесновался: "Когда ты наконец поймешь, что всем на тебя насрать, да, на тебя, на тебя, никому не нужный ничтожный кусок дерьма?! Все твои проблемы из-за того, что ты думаешь, что что-то значишь. Выкинь это из головы или выметайся отсюда ко всем чертям!"

18

Бомж с соседней койки спросил Траута, что он пишет. А писал он первый абзац "Доктора Шаденфрейда". Траут сказал, что это -- рассказ. Бомж сказал, что, может быть, Трауту удастся получить немного денег от народа из-за соседней двери. Когда Траут услышал, что это -- Американская академия искусств и словесности, он сказал: "С тем же успехом это может быть Китайский колледж парикмахеров. Я не занимаюсь литературой. Литература --

это то, о чем заботятся эти обезьяны за соседней дверью".

"Все эти буонарроти-ни-черта-на-обороте за соседней дверью создают живых, полнокровных существ с помощью чернил и бумаги, -- продолжал он. -- Восхитительно! Как будто планете мало трех миллиардов живых и полнокровных существ! Она и так умирает по их милости".

Единственными людьми за соседней дверью, естественно, были Моника и Золтан Пепперы и дневная смена охраны -- три вооруженных охранника во главе с Дадли Принсом. Моника предоставила прислуге офиса выходной для рождественских покупок. Как оказалось, они все были или христианами, или агностиками, или атеистами.

Ночная смена вооруженной охраны состояла исключительно из мусульман. Как написал Траут в книге "Десять лет на автопилоте": "Мусульмане не верят в Деда Мороза".

"За всю мою карьеру писателя, -- сказал Траут в бывшем Музее американских индейцев, -- я создал только одно живое полнокровное существо. Я сделал это собственным "младшим братом", сунув его во влагалище. Дин-дин-дон!" Он имел в виду своего сына Леона, дезертировавшего из рядов Американской морской пехоты во время войны, которому впоследствии отрезало голову в шведском доке.

"Если бы я тратил свое время на создание существ, -- сказал Траут, -- я бы никогда не смог привлечь внимание к действительно важным вещам: непреодолимым силам природы, изобретениям, приносящим людям страдания, нелепым идеалам и правительствам, которые заставляют настоящих мужчин и женщин чувствовать себя как последнее дерьмо".

Траут мог сказать, и я тоже могу это сказать, но он создавал карикатуры, а не персонажей. К тому же его предубеждение против так называемого "мейн-стрима" в литературе не было чем-то специфическим. Оно характерно для всех писателей-фантастов.

19

Строго говоря, большинство рассказов Траута не были фантастическими, если не считать фантастическими действующих там персонажей, которые, конечно, и в страшном сне не приснятся. Например, "Доктор Шаденфрейд" никакой не фантастический рассказ, разве только для кого-то, настолько лишенного чувства юмора, что он считает психиатрию наукой. Рассказ "Партия в бинго в бункере", который Траут отправил в мусорный бак возле академии вслед за "Доктором Шаденфрейдом" -- катаклизм в это время приближался, -- принадлежал к жанру романов с ключом^[11].

Действие происходило в просторном бункере-бомбоубежище Адольфа Гитлера под развалинами Берлина, Германия, в конце Второй мировой войны. В этом рассказе Килгор назвал войну, в которую воевал -- а я тоже в нее воевал, -- так: "Вторая неудачная попытка западной цивилизации покончить с собой". Он так ее называл и в разговорах, а однажды, в разговоре со мной, добавил: "Если в первый раз у вас не получилось, то обязательно попробуйте еще раз".

Советские танки и пехота находились всего в нескольких сотнях метров от железной двери бункера на улице. "Гитлер оказался в ловушке. Он, самый мерзкий человек из всех, кто когда-либо пришел в этот мир, -- написал Траут, -- не знал, как поступить -- сделать в штаны или сунуть голову в песок. И вот он сидит в бункере вместе со своей любовницей Евой Браун и несколькими ближайшими друзьями, среди которых Йозеф Геббельс, министр пропаганды, с женой и детьми.

Гитлеру хочется сделать что-нибудь решительное, и он, за неимением ничего другого, делает Еве Браун предложение. Она соглашается!"

В этом месте Траут задает свой риторический вопрос, такую реплику в сторону отдельным абзацем: "А почему бы и нет?"

Идет церемония бракосочетания. Все забывают о своих проблемах. Однако едва жених поцеловал невесту, собравшиеся снова задумались, что делать дальше. "Геббельс хромал, -- написал Траут, -- но Геббельс всю жизнь хромал. Проблема была не в этом".

Тут Геббельс вспоминает, что у его детей есть с собой игра бинго^[12]. Это был трофей, захваченный в бою с американцами четыре месяца назад. Примерно в это же время в плен захватили и меня. Германия, чтобы сэкономить ресурсы, перестала выпускать свое бинго. Вот

почему только дети Геббельса знали, как в нее играть. Была и еще одна причина -- взрослые, сидевшие в бункере, были слишком заняты во время возвышения Гитлера, а затем -- во время его падения. Дети Геббельса узнали правила игры у соседского ребенка, у которого с довоенных времен была коробка с игрой.

И вот самая потрясающая сцена в рассказе: мальчик и девочка объясняют правила бинго нацистам при полном параде и впадшему в детство Адольфу Гитлеру. Те слушают их так внимательно, как будто с ними говорит Господь Бог.

Мы должны благодарить Дадли Принса за то, что "Партия в бинго в бункере" и еще четыре рассказа, которые Траут выбросил в мусорный бак до катаклизма, сохранились. Все это время, пока первые десять лет шли к концу, он верил -- а Моника Пеппер не верила, что нищенка использует мусорный бак вместо почтового ящика, зная, что он наблюдает за ее безумными танцами через глазок в железной двери.

Принс вынимал очередной рассказ из бака и размышлял над ним, надеясь расшифровать важное сообщение от высших сил, несомненно, содержащееся в тексте. Приходя с работы домой, он становился обыкновенным одиноким афроамериканцем.

20

Летом 2001 года в Западу Дадли Принс отдал Трауту пачку рассказов, которые, как надеялся Траут, служащие Департамента здравоохранения сожгут, похоронят или выбросят в море далеко от берега прежде, чем кто-нибудь их прочтет. Траут рассказал мне, что с отвращением перечитал грязные страницы, сидя по-турецки нагишом на своей огромной кровати в комнате имени Эрнеста Хемингуэя. Было жарко. Он только что вылез из джакузи.

Но вдруг его внимание привлекла сцена, в которой двое детей обучали игре в бинго высокопоставленных нацистов, раздетых в свои безумные напыщенные мундиры. Траут никогда не считал, что чего-то стоит как писатель, но тут он испытал истинное удовольствие. Что-то прекрасное вышло из-под его пера. Он сказал, что сцена очень хорошая, она не что иное, как реминисценция следующего пророчества из книги пророка Исайи: "Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их"^[13].

"Я прочел эту сцену, -- сказал Траут мне и Монике, -- и спросил себя: "Господи, как же мне это удалось?"

Мне уже случалось однажды слышать, как человек, сотворивший шедевр, задавал этот восхитительный вопрос. Давно, в шестидесятые, задолго до катаклизма, у меня был огромный старый дом в Барнстэбл-Вилидж в Кейп-Коде, где моя первая жена Джейн Мэри Воннегут, урожденная Кокс, вместе со мной растила четырех мальчиков и двух девочек. Так вот, флигель, в котором я писал, дышал на ладан.

Я снес его, а потом нанял моего друга Теда Адлера, моего ровесника, мастера на все руки, чтобы он построил мне новый дом, такой же, как прежний. Тед сам делал опалубку под фундамент. Затем он руководил его заливкой. Затем он возвел стены, обшил их, покрыл крышу и провел электричество. Он навесил все двери и окна. Он все внутри оштукатурил.

На штукатурке его работа заканчивалась. Я сам собирался покрасить дом изнутри и снаружи. Я сказал Теду, что сам хочу это сделать, иначе он и этим занялся бы. Когда он закончил и выгреб весь мусор, он потребовал, чтобы я встал рядом с ним и посмотрел на мое новое жилище с расстояния в тридцать футов.

И тогда он спросил: "Господи, как мне это удалось?"

х х х

Сейчас лето 1996 года, и на данный момент эта фраза входит в число трех моих любимых. Две из них скорее вопросы, нежели добрые советы. Вторая фраза -- вопрос Иисуса Христа: "От себя ли говоришь, или другие сказали тебе обо мне?"^[14]

Третья фраза -- цитата из моего сына Марка. Он детский врач, еще он пишет акварели и играет на саксофоне. Я уже цитировал его в другой книге: "Мы здесь для того, чтобы помочь друг другу пройти через это, что бы это ни было".

Кое-кто может возразить: "Дорогой доктор Воннегут, не всем же быть детскими врачами".

В рассказе "Партия в бинго в бункере" нацисты играют в бинго с министром пропаганды, вероятно, самым лучшим пропагандистом в истории, и называют номера выигравших или проигравших клеточек на карточках, розданных игрокам. Игра была чем-то вроде обезболивающего для военных преступников, впавших в глубокий маразм. Она замечательно помогает выжившим из ума старикам на церковных праздниках.

Несколько военных преступников носят на груди Железный крест, которым награждали только тех немцев, кто проявил на фронте бесстрашие, граничившее с безумием. У Гитлера тоже такой. Он получил его за храбрость во время первой неудачной попытки западной цивилизации покончить с собой.

Во время второй попытки западной цивилизации покончить с собой я был рядовым 1-го класса. Подобно Эрнесту Хемингуэю, я никогда не стрелял в человека. Может быть, Гитлер тоже ни в кого никогда не стрелял. Он получил высшую награду своей страны не за то, что убил много народу на войне. Он получил ее за то, что был бесстрашным связным. Не все на поле боя заняты убийством. Я и сам был разведчиком, пробирался по местам, которые не были захвачены нашими войсками, высматривая врагов. Я не должен был сражаться с ними, обнаружив их. Мне надо было оставаться живым и незамеченным, чтобы я смог рассказать моему начальству, где они находятся и что делают.

Это было зимой. Я получил предпоследнюю по старшинству из наград моей страны -- Пурпурное Сердце за обморожение.

Когда я вернулся домой с войны, мой дядя Дэн обнял меня и проревел: "Вот теперь ты мужчина!"

Я чуть не убил своего первого немца.

Вернемся к траутову роману с ключом. Видимо, на небесах в самом деле есть Господь, потому что именно фюрер выкрикивает "БИНГО!" Адольф Гитлер выиграл! Он не верит, он говорит (на немецком, конечно): "Я не могу в это поверить. Я никогда не играл в эту игру, и я выиграл. Я выиграл! Что это, как не чудо?" Он ведь был католиком.

Он встал из-за стола. Его глаза все еще были обращены на выигравшую карточку. По словам Траута, он смотрел на нее, "как будто это был лоскут от Туринской Плащаницы". И тогда наш красавец говорит: "Что это может означать, если не то, что наши дела не так плохи, как мы здесь думали?"

Но тут все испортила Ева Браун. Она проглотила ампулу цианистого калия, которую подарила ей на свадьбу жена Геббельса. У фрау Геббельс их много, хватит и семье, и другим. Траут написал о Еве Браун: "Единственным ее преступлением было то, что она позволила чудовищу извергнуть семя в ее влагалище. Это случается с нашими лучшими женщинами".

На крыше бункера взрывается снаряд от 240-миллиметровой коммунистической гаубицы. С трясущегося потолка на оглушенных людей сыплются струйки известки. Гитлер сказал: "Смотрите-ка, снег идет". Он пошутил, показывая, что у него еще есть чувство юмора. Как поэтично сказано, и самое время покончить с собой, чтобы его потом не выставляли в клетке на всеобщее обозрение.

Он поднес пистолет к виску. Все сказали: "Nein, nein, nein"^[15]. Он убеждает всех, что выстрел в голову -- достойный поступок. Теперь что же ему сказать напоследок? Он говорит: "Как насчет "Я ни о чем не жалею?" Геббельс отвечает, что это, конечно, вполне подходит, но уже несколько десятилетий эти слова составляют мировую славу французской певички из кабаре по имени Эдит Пиаф^[16]. "У нее есть прозвище -- Воробышек, -- сказал Геббельс. -- Я не думаю, что вы хотите, чтобы вас называли "воробышком".

У Гитлера все еще остается чувство юмора. Он говорит: "А как насчет БИНГО?"

Но он уже устал. Он снова приставляет пистолет к виску. Он говорит: "Я не просил, чтобы меня произвели на свет".

"БА-БАХ!" -- говорит пистолет.

21

Я являюсь почетным президентом Американской ассоциации гуманистов. Я никогда не был в штаб-квартире этой организации в Амхерсте, штат Нью-Йорк. Я

сменил на этом бесполезном посту покойного доктора Айзека Азимова, писателя и биохимика. Нам нужна организация -- заниматься ее делами жуткая скучища -- лишь для того, чтобы другие знали, что нас много. Мы предпочли бы жить своей частной гуманистской жизнью и никому об этом не говорить и вспоминать об этом факте не чаще, чем мы вспоминаем, что пора сделать вдох.

Гуманисты просто пытаются жить порядочной и достойной жизнью, не ожидая ни наказаний, ни наград в жизни загробной. Создатель Вселенной остается для нас неизвестным. Мы служим по мере наших сил не ему, а той величайшей абстракции, о которой мы хоть что-то знаем, -- обществу, в котором мы живем.

Являемся ли мы врагами адептов официальных культов? Нет. Мой старый фронтовой друг Бернард О'Хара, ныне покойный, потерял серую веру -- он был католиком -- во время Второй мировой войны. Мне это не понравилось. Я считаю, что потерять веру -- значит потерять слишком много.

У меня никогда не было такой веры, потому что меня воспитывали порядочные и интересные люди, которые, несмотря на это, были очень скептически настроены по отношению к тому, что говорили в проповедях священники. Того же мнения были Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин. Но я знаю, что Берни потерял что-то важное и достойное.

Дело-то все в том, что мне это не понравилось именно и только потому, что я очень любил Берни.

Несколько лет назад я выступал в Ассоциации гуманистов на вечере памяти доктора Азимова. Я сказал: "Айзек теперь на небесах". Перед лицом собравшихся гуманистов я не мог сказать ничего смешнее. Они все животики надорвали. Зал очень напоминал сцену трибунала из рассказа Траута "Ничего смешного", случившуюся прямо перед тем, как чрево Тихого океана поглотило третью атомную бомбу, "Прайд Джой" и все остальное.

Когда я сам отойду в мир иной, упаси Боже, я надеюсь, что какой-нибудь шутник скажет обо мне: "Теперь он на небесах".

Я люблю спать. В одной книге я напечатал новый реквием старинной музыке. В нем была такая мысль: совсем неплохо хотеть, чтобы загробная жизнь была самым обыкновенным сном. Я не вижу, почему на небесах должны опять быть камеры пыток и игры бинго.

Вчера, в среду, 3 июля 1996 года я получил отлично написанное письмо от человека, который не просил, чтобы его произвели на свет. Он долгое время был пленником наших бесподобных исправительных заведений, сначала -- как малолетний преступник, затем -- как совершеннолетний. Вскоре его выпустят в мир, где у него нет ни родственников, ни друзей. Скоро свобода воли после более чем десятилетнего перерыва снова возьмет его за жабры. Как ему поступить?

И вот я, почетный президент Американской ассоциации гуманистов, написал ему сегодня ответ. Я посоветовал ему: "Вступите в лоно церкви". Я посоветовал это потому, что такому взрослому беспризорнику больше всего нужно что-нибудь вроде семьи.

Я не могу посоветовать такому человеку стать гуманистом. Я не посоветую стать гуманистами подавляющему большинству населения планеты.

Немецкий философ Фридрих Вильгельм Ницше, сифилитик, сказал, что лишь глубоко верующий человек может позволить себе роскошь атеизма. Гуманисты, в массе своей образованные, уверенные в себе представители среднего класса, жизнь которых не проходит даром -- вот вроде меня, -- находят радость в знании, не зависящем от религии, и в обычной человеческой надежде. Большинство людей так не может.

Французский писатель Вольтер, автор "Кандида" -- для гуманистов он что Авраам для евреев, -- скрывал свое презрение к Римской Католической Церкви от своих менее образованных, простых и перепуганных слуг, поскольку знал, что жизненным стержнем для них является только и исключительно религия.

С некоторым трепетом я рассказал Трауту летом 2001 года о моем совете человеку, который скоро должен выйти на свободу. Он спросил, не получал ли я еще писем от этого человека и не знаю ли я, что с ним произошло за прошедшие пять лет, а если считать "подарочный червонец", то за десять. Я ответил, что писем не получал и ничего не знаю.

Он спросил, не пытался ли я когда-либо вступить в лоно церкви, просто так, чтобы узнать, на что это похоже. Сам Траут как-то попытался. Я же сказал, что серьезнее всего задумался, не вступить ли в лоно церкви, когда моя вторая невеста Джилл Кременц и я решили, что будет весело и круто, если мы обвенчаемся в маленькой симпатичной церкви, Епископальном храме в

диснеевском стиле, что на Двадцать девятой Восточной улице, в двух шагах от Пятой авеню, на Манхэттене.

"Когда там узнали, что я разведен, -- сказал я, -- мне предписали пройти невообразимое количество покаянных мероприятий, ибо, пока я не очищусь достаточно, я недостоин венчаться там".

"Ну вот, то-то и оно, -- сказал Траут. -- А теперь вообрази то чистилище, через которое тебе пришлось бы пройти, будь ты бывший заключенный. А если этот несчастный сукин сын, который тебе написал, действительно найдет церковь, которая согласится его принять, он вскоре снова с легкостью сможет оказаться в тюрьме".

"За что? -- спросил я. -- За взлом ящика для пожертвований?"

"Нет, -- сказал Траут. -- За прославление Иисуса Христа посредством убийства гинеколога, делающего аборт".

22

Я не помню, чем занимался в полдень 13 февраля 2001 года, когда произошел катаклизм. Вряд ли я занимался чем-то серьезным. Я точно уверен, что не писал новый роман. Мне было восемьдесят восемь, благодарение небесам! Лили было восемнадцать!

А вот старина Киллгор Траут все писал. Сидя на своей койке в приюте, где все думали, что его зовут Винсент ван Гог, он как раз начал рассказ о рабочем из Лондона по имени Альберт Харди. Рассказ так и назывался -- "Альберт Харди". Герой родился в 1896 году с головой между ног, гениталии у него росли из шеи. Он был очень похож на "очищенный банан".

Родители Альберта научили его ходить на руках и есть ногами. Только так у них получилось скрыть его половые органы под брюками. Половые органы были не таких размеров, как у парня из анекдота отца Траута про "дин-дин-дон". Соль была не в этом.

Моника Пеппер все сидела за своим столом за соседней дверью, но они все еще не встретились. Она, Дадли Принс и ее муж все верили, что рассказы в мусорный бак перед дверью кладет старуха, а уж она-то никак не может жить по соседству. Наиболее соответствовала действительности версия, что она живет в приюте для престарелых на Конвент-авеню или в центре по реабилитации алкоголиков при церкви Иоанна Богослова -- там ведь лечили и мужчин, и женщин.

Моника и Золтан жили в Тертл-Бей, на безопасном расстоянии в семь миль от академии, в доме, удобно расположенном по соседству со зданием Организации Объединенных Наций. Моника приезжала и уезжала с работы па своем собственном лимузине с шофером, переоборудованном так, чтобы в него помещалось кресло Золтана. Академия была сказочно богата. С деньгами не было никаких проблем. Благодаря щедрым пожертвованиям любителей старомодного искусства, сделанным в былые годы, она была богаче иных членов ООН, таких как, несомненно, Мали, Свазиленд и Люксембург.

В тот полдень на лимузине ехал Золтан. Он ехал забрать Моника. Она ждала приезда Золтана, когда произошел катаклизм. Он уже звонил в звонок у двери академии, когда его отбросило обратно в 17 февраля 1991 года. Он был на десять лет моложе и, главное, абсолютно цел.

Вот и говори, что в дверной звонок звони -- не звони, все равно ничего не добьешься!

Когда "подарочный червонец" завершился, и свобода воли снова взяла всех за жабры, все и вся оказались в тех же местах, где были, когда произошел катаклизм. И Золтан снова сидел парализованный в кресле-каталке и снова звонил в дверной звонок. Он еще не осознал, что произошло, и что теперь в его силах решать, что его палец будет делать в следующее мгновение. Его же палец, не получив от него никаких инструкций, продолжал давить на кнопку звонка, а тот продолжал трезвонить.

Вот так обстояли дела в тот момент, когда Золтана раздавила проезжавшая мимо пожарная машина. Водитель машины еще не успел понять, что теперь ему надо самому управлять этой штуковиной.

Как написал Траут в книге "Десять лет на автопилоте": "Весь вред принесла свобода воли. Катаклизм и его последствия не изменили в мире ничего, ни единой песчинки с места не сдвинули, а если это и произошло, то из-за действия какой-то другой силы".

Когда произошел катаклизм, Моника работала над бюджетом для Занаду. Деньги, на которые содержался этот дом для престарелых писателей в Пойнт-Зионе, штат Род-Айленд, принадлежали фонду Джулиуса Кинга Боуэна, а распорядилась ими академия. Джулиус Кинг Боуэн, ушедший в мир иной прежде, чем Моника родилась, был белым холостяком, который сделал миллионы в двадцатых и начале тридцатых годов своими рассказами о смешных до колик, но в то же время трогательных попытках черных жителей Америки подражать белым жителям, добившимся успеха в жизни, в надежде, что они тоже добьются успеха.

Чугунная доска на границе между общественным пляжем Пойнт-Зиона и Занаду гласила, что в здании, где теперь располагается дом для престарелых, Боуэн жил и работал с 1922 года до своей смерти в 1936 году. Президент Уоррен Гардинг называл Боуэна "Президентом Смеха Соединенных Штатов Америки, Великим Мастером Языка Черномазых, истинным Наследником Короны Короля Юмора, Которую Когда-то Носил Марк Твен".

Как сказал Траут, когда я прочел ему надпись на этой доске в 2001 году: "Уоррен Гардинг зачал незаконнорожденную дочь, извергнув семя во влагалище одной стенографистки в кладовке для метел в Белом доме".

23

Когда Траута отбросило обратно на улицу перед банком крови в Сан-Диего, штат Калифорния, в 1991 год, он помнил, чем кончился его рассказ о парне с головой между ног и "младшим братом" на шее, тот самый, "Альберт Харди". Но он десять лет не мог написать это окончание. Альберта Харди, солдата, разнесло на куски взрывом во время Второй Битвы на Сомме во время Первой мировой войны.

Личный знак Альберта Харди так и не нашли. Части его тела были собраны так же, как и у всех остальных, голову приложили к шее. Он не получил обратно своего "младшего брата". Говоря откровенно, его "младшего брата" не так уж тщательно искали.

Альберта Харди похоронят в могиле Неизвестного солдата под вечным огнем во Франции. "Там он наконец-то стал как все".

Я и сам был отброшен обратно в этот самый: дом на оконечности острова Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, где я сейчас и пишу, отмотав половину "подарочного червонца". В 1991 году, как и сейчас, я смотрел на список всех моих книг и дивился: "Господи, как мне это удалось?"

Я чувствовал себя так же, как чувствую сейчас, как чувствовали себя китобои Германа Мелвилла, когда они перестали друг с другом разговаривать. Они высказали друг другу все, что им на роду было написано сказать.

В 2001 году я рассказал Трауту о своем рыжеволосом друге детства Дэвиде Крейге, ныне строителе в Новом Орлеане, штат Луизиана, который в нашей с Траутом войне заработал Бронзовую Звезду за то, что подбил в Нормандии немецкий танк. Они с приятелем случайно набрали на этого стального монстра, одиноко стоявшего в лесу. Двигатель не работал. Вокруг не было ни души. Внутри по радио передавали популярную музыку.

Дейв и его приятель сходили за базукой. Когда они вернулись, танк все еще стоял на месте. По радио все еще передавали музыку. Они выстрелили из базуки по танку. Немцы не полезли наружу из башни. Радио перестало играть. Вот и все. Тем дело и кончилось.

Дейв и его приятель дали оттуда деру.

Траут сказал, что ему кажется, что мой друг детства честно заслужил свою Бронзовую Звезду. "Он почти наверняка убил людей, да и радио сломал, -- сказал он, -- и избавил их от многих лет разочарований и скуки в обычной жизни. Он подарил им возможность, говоря словами английского поэта А. Э. Хаусмена -- "умереть во славе и не увидеть старость".

Траут сделал паузу, поправил левой рукой свою верхнюю челюсть и продолжил: "Я мог бы написать бестселлер, если бы у меня было терпение создавать полнокровных персонажей. Возможно, Библия -- это Самая Великая Книга, но вот что я вам скажу -- ни одна книга не будет популярнее той, которая будет рассказывать о красивом мужчине и красивой женщине, которые отлично проводят время за занятиями любовью, не вступая при этом в брак, а потом по той или иной причине расходятся, пока они друг другу еще внове".

Рассказ Траута напомнил мне о Стиве Адамсе, одном из трех сыновей моей сестры Элли, которого мы с моей первой женой Джейн усыновили после того, как муж Элли, неудачник Джим, погиб в железнодорожной катастрофе в Нью-Джерси. Через два дня после этого Элли умерла от рака.

Когда Стив вернулся домой в Кейп-Код на рождественские каникулы после первого года в Дартмуте, он был весь в слезах. Он только что прочитал, по требованию своего учителя, "Прощай, оружие!" Эрнеста Хемингуэя.

Стив, ныне автор комедий для кино и телевидения, был настолько потрясен книгой, что я решил ее перечитать. Что могло так поразить его? "Прощай, оружие!" оказалось памфлетом против института брака. Герой Хемингуэя был ранен на войне. Он и его сиделка влюбились друг в друга. Их медовый месяц прошел вдали от поля боя, они ели лучшую еду и пили вино. Они еще не поженились. Она забеременела, тем самым подтвердив, как будто в этом были сомнения, что он настоящий мужчина.

Она и ребенок погибают, так что ему не приходится искать работу, покупать дом и страховку на случай смерти и прочее дерьмо, а еще у него остались прекрасные воспоминания.

Я сказал Стиву: "Слезы, которые заставил тебя пролить Хемингуэй, были слезами облегчения! Ведь казалось, сейчас парень женится и станет вести скучную жизнь. И вдруг он избавлен от этого! Вот так так! Как ему повезло!"

Траут сказал, что может припомнить только одну книгу, в которой браку достается столько же, сколько в "Прощай, оружие!"

"Это какая же?" -- спросил я.

Он сказал, что это роман Генри Дэвида Торо "Уолден".

"Моя любимая книга", -- ответил я.

24

В своих лекциях в 1996 году я говорил, что больше половины браков в Америке распадаются, поскольку у большинства из нас нет больших семей. Сейчас, когда вы женитесь, то получаете только одного человека.

Я утверждаю, что муж и жена ссорятся не из-за секса, не из-за денег и не из-за того, кто глава семьи. Вот что они хотят сказать друг другу на самом деле: "Тебя мне мало!"

Зигмунд Фрейд сказал, что не знает, чего хотят женщины. Я знаю, чего они хотят. Они хотят общаться с целой кучей народу.

Я поблагодарил Траута за изобретение супругочаса -- на манер человекочаса -- единицы измерения супружеской близости. Супругочас -- это промежуток времени длиной в час, когда муж и жена достаточно близки, чтобы заметить это, когда они говорят друг с другом, не переходя на крик -- если, конечно, они хотят говорить. В своем рассказе "Золотая свадьба" Траут пишет, что мужчине и женщине не нужно ничего говорить друг другу, чтобы честно провести вместе один супругочас.

"Золотая свадьба" -- это еще один рассказ, который Дадли Приме вырвал из объятий мусорного бака перед катаклизмом. В нем рассказывалось о торговце цветами, который пытался увеличить свои прибыли, убеждая супругов, которые вместе работают дома или имеют собственное дело, что они имеют полное право праздновать несколько годовщин свадьбы в течение одного года.

Он подсчитал, что в среднем супруги, работающие в разных местах, проводят вместе четыре супругочаса ежедневно по рабочим дням и шестнадцать -- в уик-энд. Сон в расчет не принимался. В результате выходит средняя супругонеделя в тридцать шесть супругочасов.

Он умножил это число на пятьдесят два. В результате он получил, округлив вверх, средний супругогод в тысячу восемьсот супругочасов. Он разместил рекламное объявление, что любая супружеская пара, которая провела вместе такое количество супругочасов, имеет право праздновать годовщину и дарить подарки и цветы, даже если на это им понадобилось всего двадцать недель.

Если бы пары накапливали супругочасы, как предлагал этот торговец и как делал я с обеими своими женами, они бы праздновали золотую свадьбу всего через двадцать лет, а бриллиантовую -- через двадцать пять!

Я не имею намерения рассказывать о том, как я их люблю. Я просто скажу, что до сих пор не могу спокойно смотреть на женщин -- как же это они так сделаны, а? -- и что я сойду в могилу с желанием тискать их груди и бедра. А еще я скажу, что, если честно, занятия любовью -- одна из лучших идей, вложенных Сатаной в Евино яблоко. Хотя, конечно, самая лучшая из них -- джаз.

25

Я говорил, что поезд, в котором ехал муж Элли Джим Адаме, упал в пропасть с разведенного разводного моста за два дня до того, как Элли умерла в больнице. Так вот -- это правда, так и было. Нарочно не придумаешь!

Джим изобрел игрушку и залез по уши в долги, пытаясь ее производить. Это был резиновый мячик, наполненный внутри мягкой глиной. Это была глина с кожей!

На мячике была нарисована клоунская физиономия. Вы могли пальцами широко открыть ему рот, или вытянуть нос, или глубоко вдавить ему глаза. Джим назвал игрушку Путти Пусс. Путти Пусс не пользовалась успехом. Больше того, из-за Путти Пусс Джим нес огромные убытки.

Элли и Джим были родом из Индианаполиса, а жили в Нью-Джерси, и у них было четверо детей, все мальчики. Одному не было и года, когда жители умерли. Никто из них не просил производить себя на свет. .

х х х

Мальчики и девочки в нашей семье имели врожденные таланты -- кто умел рисовать, кто лепить и т.д. Вот такая была и Элли. Две наши с Джейн дочери, Эдит и Нанетт, стали профессиональными художницами, им под сорок, у них проходят выставки, их картины продаются. То же можно сказать про нашего сына Марка, детского врача. То же можно сказать и обо мне. Можно было бы сказать и про Элли, если бы в свое время она захотела тяжело работать, а потом еще подсуетиться где надо. Но, как я где-то уже писал, у нее было следующее кредо: "Если у вас есть талант, это не значит, что вы обязаны им пользоваться".

В романе "Синяя борода" я сказал: "Бойтесь богов, дары приносящих". Когда я писал эти строки, я вспоминал об Элли, и когда в первой книге про катаклизм я заставил Моннику Пеплер написать поперек входной стальной двери академии слова "ИСКУССТВО -- В ЖОПУ!", я тоже вспоминал о ней. Элли не знала, что существуют заведения, подобные академии, я уверен в этом, но я уверен и в том, что она была бы рада увидеть такую надпись в любом месте.

Наш отец-архитектор просто не находил себе места от восторга, когда видел очередной рисунок маленькой Элли, он явно считал ее новым Микеланджело, и в конце концов ей стало очень стыдно. Она не была глупой, вкус у нее тоже был. Отец, без всякой задней мысли, своими восторгами на самом деле растолковывал ей, что дар ее ничтожен, и тем самым портил всякую, даже самую малую радость, которую она могла испытывать, рисуя.

Возможно, что Элли думала, будто к ней относятся снисходительно, осыпают ее похвалами только потому, что она симпатичная девочка. Только мужчины становятся великими художниками.

Как-то раз -- мне тогда было десять, Элли пятнадцать, а нашему старшему брату Берни, ученому, было двадцать -- я сказал за ужином, что в мире не было ни одной великой женщины. Даже лучшие повара и модельеры -- исключительно мужчины. Мама немедленно вылила мне на голову кувшин воды.

Но и мама была не без греха. Отец неумно восторгался ее рисунками, а мать вбила себе в голову, что Элли просто обязана выйти замуж за богача, что в этом -- смысл ее жизни. Во время Великой депрессии родители пошли на самые настоящие финансовые жертвы, чтобы отправить Элли в школу, где учились дети сливок нашего общества. Это была "Школа для девочек в Тюдор-Холле", или, как ее называли, "Кадка для дамочек с жалкой долей" -- муштровали там ого-го! Эта школа находилась в четырех кварталах к югу от Шортриджской школы, где она могла получить то же, что получил я, -- свободное, демократичное, по-настоящему хорошее образование и вдобавок преизряднейший объем знаний о противоположном поле.

Родители моей первой жены Джейн, Харви и Райа Кокс, поступили точно так же -- отправили свою единственную дочь в Тюдор-Холл, покупали ей роскошные

платья и отдавали последние деньги за членство в Вудстокском гольф-клубе ради того, чтобы она могла выйти замуж за человека из богатой и знатной семьи.

Когда закончились сначала Великая депрессия, а потом Вторая мировая война, мысль о том, что мужчина из богатой семьи, из высшего общества Индианаполиса может жениться на женщине за одни только ее аристократические манеры и закрыть глаза на то, что у ее родителей нет денег купить себе ночной горшок, стала казаться таким же полным абсурдом, как и мысль продавать мячики с глиной внутри.

Бизнес, сами понимаете.

Самое большее, на что могла рассчитывать Элли, -- это выйти замуж за Джима Адамса, красивого, очаровательного, смешного парня без шиша за душой и без профессии, который служил в воинском пресс-центре во время войны. Самое большее, на что могла рассчитывать Джейн -- ведь времена-то для незамужних были просто хуже некуда, -- это парень, который провалил в Корнелле буквально все экзамены, от нечего делать ушел на войну, вернулся с нее рядовым первого класса и не имел ни малейшего понятия, что ему теперь делать перед лицом свободы воли, которая снова взяла всех за жабры.

А теперь я вам вот что скажу: у Джейн не только были манеры аристократки, она не только носила роскошные платья. Она окончила Свартмор, где была членом ФБК^[17], и выдающимся членом!

Я еще думал, не стать ли мне каким-нибудь вшивым ученым -- у меня же было научное образование.

26

Третье издание Оксфордского словаря цитат приводит слова английского поэта Сэмюэла Кольриджа (1772--1834) о том, что надо "желать усыпить на миг дух сомнения, ибо иначе не быть поэзии". Во вздор нужно верить, без этого не получишь никакого удовольствия ни от стихов, ни от романов, ни от рассказов, да и от пьес тоже. Правда, слова иных писателей выглядят порой такой полной чушью, что поверить в них в самом деле затруднительно.

Кто, например, поверит Килгору Трауту, когда прочтет следующий отрывок из его книги "Десять лет на автопилоте": "В Солнечной системе есть планета, где живут просто ужасающие ослы. Миллион лет кряду они не могли догадаться, что у их планеты есть вторая половина. Они узнали об этом всего пятьсот лет назад! Каких-то несчастных пятьсот лет назад! А они еще величают себя Homo sapiens, человек разумный.

Нет-нет, погодите-ка! Вы говорите "ужасающие ослы"? Я вам еще не таких покажу. Народ на второй половине планеты не знал, что такое алфавит! Когда ужасающие ослы с первой половины их нашли, те еще не изобрели колесо!" Мистер Траут, хватит!

Кажется, главной мишенью для Траута служат американские аборигены. Они, думается, и так уже понесли наказание за свою глупость. Ноам Хомский^[18], профессор из Массачусетского технологического института, где мой брат, мой отец и мой дед получили высшее образование и откуда за неуспеваемость был отчислен мой дядя по матери Петер Либер, пишет: "По современным оценкам получается, что ко времени, когда Колумб "открыл" континент, автохтонное население Латинской Америки составляло примерно восемьдесят миллионов человек. По тем же оценкам, на землях севернее Рио-Гранде жили еще примерно на двенадцать--пятнадцать миллионов человек больше".

Хомский продолжает: "К 1650 году почти 95 процентов населения Латинской Америки было уничтожено, а ко времени установления континентальных границ Соединенных Штатов автохтонное население сократилось до примерно двухсот тысяч человек".

По моему мнению, Траут далек от мысли очередной раз унижить наших аборигенов. Я думаю, он ставит -- возможно, чересчур тонко -- вопрос о том, в самом ли деле великие открытия, как, например, открытие существования другого полушария или открытие атомной энергии, делают людей счастливее, чем они были прежде.

Я-то сам утверждаю, что атомная энергия сделала людей несчастнее, чем они были до ее открытия, а необходимость смириться с тем, что у планеты два полушария, сделала наших аборигенов еще несчастнее. Надо сказать, что и

вышеупомянутые "ужасающие ослы", все-таки знавшие алфавит и колесо, не стали больше радоваться жизни, открыв второе полушарие.

Впрочем, отмечу, что я -- максималист и зануда из древнего рода максималистов и зануд. Потому-то я и пишу так хорошо.

Вы думаете, два полушария лучше, чем одно? Я знаю, что факты из личной жизни с научной точки зрения не стоят выеденного яйца, но я вам расскажу все-таки одну историю. Мой прадедушка со стороны матери переехал из одного полушария в другое, подгадав так, чтобы успеть получить ранение в ногу за время нашей печально знаменитой Гражданской войны. Он был солдатом-юнионистом. Его звали Петер Либер. Он купил в Индианаполисе пивоварню, она процветала. Один сваренный им сорт выиграл Золотую медаль на Парижской выставке 1889 года. Назову вам секретную добавку, в которой было все дело. Это кофе.

Но потом Петер Либер передал дела своему сыну Альберту, моему деду по матери, и вернулся в родное полушарие. Он решил, что там ему было лучше. Еще кое-что. Как мне рассказывали, в наших школьных учебниках часто печатается фотография, где изображены высаживающиеся на берег иммигранты. Так вот, на самом деле они садятся на корабль, чтобы вернуться домой.

Полушарие, в котором я живу, -- не райские кущи. Здесь покончила с собой моя мать, здесь упал с моста поезд, в котором ехал муж моей сестры.

27

Первый рассказ, который Траут написал заново после того, как катаклизм отбросил его обратно в 1991 год, назывался "Корм для собак". Так мне говорил он сам. В рассказе шла речь о безумном ученом по имени Флеон Суноко, исследователе из Национального института здравоохранения в Бетесде, штат Мэриленд. Доктор Суноко был абсолютно убежден, что у всех одаренных людей в голове есть маленький радиоприемник. Несомненно, какие-то неизвестные существа передают через этот приемник все те блестящие идеи, что приносят одаренным людям славу и успех.

"Не может быть так, чтобы умникам кто-то не подсказывал", -- говорил мне Траут в Занаду. Траут изображал психа Суноко, и казалось, он и сам верит, что где-то есть большой компьютер, который по радио рассказал Пифагору о прямоугольных треугольниках, Ньютону -- о гравитации. Дарвину -- об эволюции, Пастеру -- о бактериях, Эйнштейну об относительности, и так далее.

"Этот компьютер, Бог его знает, где он находится и что это за штука, притворяется, будто помогает нам, а на самом деле он, может быть, пытается нас уничтожить. У нас же мозги лопнут думать о стольких вещах сразу", -- говорил Килгор Траут.

Траут сказал, что был не прочь написать заново "Корм для собак", а с ним и еще триста с таким рассказов. Он все их заново написал и заново выбросил в помойку прежде, чем свобода воли снова взяла всех за жабры. "Писать или переписывать -- мне все равно, -- сказал Траут. -- В свои восемьдесят четыре я все такой же, каким был в четырнадцать, когда я открыл, что если я прикоснусь пером к бумаге, то -- ба-бах! -- сам собой напишется рассказ. Я открыл это, я удивился, мне стало жутко интересно. И так по сию пору".

"Рассказать тебе, почему я говорю другим, что меня зовут Винсент ван Гог? -- спросил он. Тут непременно надо в скобках отметить, что настоящий Винсент ван Гог, голландский художник, жил и писал на юге Франции картины, которые в наши дни считаются одними из самых великих сокровищ в мире. При жизни же ему удалось продать всего две. -- Дело не только в том, что он, как я, плевал на свой внешний вид и презирал женщин, хотя, конечно, это тоже существенно", -- сказал Траут.

"Главное сходство между ван Гогом и мной, -- сказал Траут, -- состоит вот в чем. Он писал картины, которые поражали его своей значительностью и величием, хотя никто не давал за них ломаного гроша. Я пишу рассказы, которые поражают меня, хотя за них тоже никто не дает ломаного гроша".

"Какая удача, а?"

Траут был сам себе благодарной публикой, для нее он жил и писал. Другая ему была не нужна. Это помогло ему бесстрастно пережить катаклизм. Произошедшее просто лишний раз доказывало, что окружающий мир давно сошел с

ума. Он не заслуживал ни малейшего внимания с его стороны, как его не заслуживали войны, экономические кризисы, чума, цунами, кинозвезды и прочее фуфло.

Траут потому сумел стать настоящим столпом разума в окрестностях академии в тот момент, когда свобода воли снова взяла всех за жабры, что он, на мой взгляд, в отличие от всех остальных, не видел большой разницы между жизнью до катаклизма и после.

В книге "Десять лет на автопилоте" он делает одно замечание, которое позволяет оценить, как мало на него повлиял катаклизм в сравнении с другими людьми -- а для них он стал сущим адом: "Мне не нужен был катаклизм, чтобы понять, что жизнь -- дерьмо. Я знал это с детства, об этом рассказывали в церкви, об этом писали в исторических книгах".

Расскажу, пока не забыл: доктор Флеон Суноко сказочно богат, он нанимает грабителей могил, чтобы те выкапывали тела покойных членов клуба Менса, клуба для людей с высоким IQ, то есть коэффициентом интеллекта. Этот коэффициент определяется с помощью тестов на различные навыки. Этот коэффициент отличает членов клуба от всяких Джонов Нишишазадушой, то есть люмпен-пролетариев.

Его "наемные рабочие" выкапывали умников и отправляли Суноко их мозги. Еще они отправляли ему для сравнения мозги людей, погибших в результате какой-нибудь глупости, например, переходя улицу на красный свет или разводя на пикнике костер с помощью бензина, и так далее. Чтобы не возбуждать подозрений, они доставляли ему свежие мозги в корзинах, украденных из близлежащей закусочной под названием "Жареные цыплята из Кентукки". Разумеется, начальство Суноко не могло и вообразить, над чем он на самом деле корпит по ночам в своей лаборатории.

Они, конечно, отметили, что он очень любит жареных цыплят -- как же, он покупает их корзинами и вдобавок ни с кем не делится. Странным казалось и то, что при таком рационе он тощ как скелет. В свое обычное рабочее время он отработывал свои деньги, а именно создавал новый контрацептив со следующим принципом работы: если его принять, никакого удовольствия от секса получить будет нельзя, так что в итоге, предполагалось, тинэйджеры просто перестанут заниматься сексом.

А по ночам, когда вокруг никого не было, он нарезал слоями мозги отошедших в мир иной умников в поисках маленьких радиоприемничков. Он полагал, что членам клуба Менса не вживляют их хирургическим путем. Он думал, что люди рождаются с радиоприемничками в голове, а раз так, они должны быть из мяса. В своем секретном дневнике Суноко писал: "Невозможно полагать, чтобы человеческие мозги, которые, по сути, не что иное, как коры для собак, эти три с половиной фунта пропитанной кровью губки, могли без посторонней помощи написать "Звездную пыль", не говоря уже о Девятой симфонии Бетховена".

Однажды ночью он находит во внутреннем ухе члена клуба Менса, который еще школьником выигрывал одно соревнование по грамотности за другим, маленькую шишку цвета свежих соплей, размером с горчичное зернышко, функция которой науке неизвестна. Эврика!

Он заново проверяет внутреннее ухо одной идиотки, погибшей следующим образом: она каталась на роликах и попыталась схватиться за дверную ручку проезжавшего мимо на большой скорости автомобиля. Ни в одном внутреннем ухе у нее не было этой шишки цвета свежих соплей. Эврика!

Суноко исследовал еще пятьдесят мозгов, половина из них принадлежала людям настолько глупым, что в это невозможно поверить, другая половина -- людям настолько умным, что в это невозможно поверить. Скажем так, шишки имелись только в ушах ученых-ракетчиков. Несомненно, конечно, разумеется, именно в шишках крылся секрет успешного прохождения тестов на интеллект. Если бы этот маленький кусочек был просто куском мяса, он помог бы прохождению тестов не больше, чем прыщ на носу. Ну разумеется, это радиоприемник! Именно эти радиоприемнички передавали правильные ответы членам клуба Менса и ФБК и прочим умникам. Ответы эти могли быть туманны, но они же передавались!

Это открытие тянуло на Нобелевскую премию. И, еще не отослав статью в журнал, Флеон Суноко отправляется покупать себе костюм для поездки в Стокгольм.

Траут говорит: "Флеон Сунок покончил с собой на автостоянке Национального института здравоохранения. Он был одет в новый костюм, в котором он теперь уже не поедет в Стокгольм".

"Он вдруг понял, что не сам сделал это открытие. Само же открытие и доказывало этот факт. Он вырыл сам себе яму! Человек, сделавший такое удивительное открытие, как он, несомненно, не мог обойтись одним своим мозгом, одним лишь кормом для собак, которым набита его черепашка. Он мог это сделать лишь с посторонней помощью".

Когда, отдохнув десять лет, свобода воли снова взяла всех за жабры, Траут почти безболезненно перескочил из мира дежа-вю в мир неограниченных возможностей. Катаклизм перенес его обратно в ту точку в пространственно-временном континууме, где он снова сочинял рассказ об английском солдате, у которого голова и "младший брат" поменялись местами.

Тихо, без предупреждения, "подарочный червонец" закончился.

Каждый, кто управлял в тот момент каким-нибудь самоходным транспортным средством, каждый, кто был пассажиром такого транспортного средства, каждый, кто стоял у этого транспортного средства на пути, узнал тогда, что такое переизбыток адреналина в крови. Десять лет подряд машины, как и люди, повторяли то же самое, что делали, когда проживали эти десять лет в первый раз. Разумеется, зачастую эти действия оканчивались плачевно. Как писал Траут в книге "Десять лет на автопилоте": "До катаклизма, после катаклизма, суть одна: современный транспорт -- это русская рулетка". Однако в течение "подарочного червонца" за все отвечала снова побежавшая вперед Вселенная, а не люди. Могло казаться, что люди чем-то управляют, но в действительности это было не так. Они не могли ничем управлять.

Как писал Траут: "Лошадь знала дорогу домой". Но когда "подарочный червонец" закончился, лошадь -- под которой следует подразумевать все что угодно, от мотороллера до реактивного самолета -- забыла дорогу домой. Людям снова предстояло указать "лошадям", куда ехать, если они не желали становиться игрушкой в железных лапах ньютоновских законов движения.

Траут, сидя на своей койке в двух шагах от академии, не управлял ничем опасным. Он управлял обыкновенной шариковой ручкой. Когда свобода воли снова взяла всех за жабры, он просто продолжил писать. Он закончил рассказ. Крылья бюджета, стремившегося к концу, перенесли своего автора через то, что большинству из нас показалось разверзшейся пропастью.

Только после завершения неотложного дела по написанию рассказа у Траута появилась возможность осознать, что происходит в окружающем мире, или, точнее, Вселенной -- если, конечно, в ней что-то происходит. Как человек, живущий вне культуры и общества, он находился в уникальном положении: практически к любой ситуации он мог применить Бритву Оккама или, если хотите, закон экономии. Помните, как он звучит? Правильно: самое простое объяснение феномена в девяти случаях из десяти будет ближе к истине, чем надуманное.

Итак, по указанной причине пользующиеся все общим уважением мнения о том, что такое жизнь, что может и что не может происходить во Вселенной и так далее, никак не влияли на размышления Траута о том, как же ему удалось закончить рассказ при том, что ему так долго мешали. И поэтому старый писатель-фантаст мог сразу прийти к простому выводу: каждый переживает то же самое, что уже один раз переживал за последние десять лет, что никто не сошел с ума, что Вселенная вернулась немного назад, но затем снова стала расширяться, превратив всех и каждого в роботов. Так случайно подтвердился тот факт, что прошлое нельзя изменить. Кстати, формулируется это так:

За знаком знак чертит бессмертный Рок

Перстом своим. И ни одну из строк

Не умолить его ты зачеркнуть,

Не смоет буквы слез твоих поток^[19].

И тут, в полдень 13 февраля 2001 года, чертпоберикакаяжеэтоглушь 155-ю Западную улицу в Нью-Йорке и всю планету снова взяла за жабры свобода воли.

Мне тоже посчастливилось перескочить из мира дежа-вю в мир неограниченных возможностей так, что я этого не заметил. Посторонний

наблюдатель мог бы сказать, что я воспользовался свободой воли сразу же, как это стало возможным. А было вот что: за секунду до катаклизма я опрокинул чашку очень горячего куриного бульона себе на колени, выпрыгнул из кресла и руками стал стряхивать со своих брюк капли горячего супа и лапшу. Тем же самым я занимался и когда "подарочный червонец" закончился.

Когда меня снова взяла за жабры свобода воли, я просто продолжил счищать с себя суп, пока он не просочился сквозь брюки и не обжег меня. Траут возразил, и он был абсолютно прав, заявив, что мои действия были рефлекторными и не заслуживали называться проявлениями свободы воли.

"Если бы ты подумал, -- сказал он, -- то просто спустил бы штаны, ведь они и так уже испачканы супом. А так их сколько ни отряхивай, суп все равно просочится сквозь ткань".

Х Х Х

Траут, конечно, был одним из первых, кого свобода воли снова взяла за жабры. Первенство его не ограничивалось чертпоберикакаяжеэтоглушь 155-й улицей, в целом мире были единицы таких, как он. И его в отличие от многих других сей факт весьма заинтересовал. Всем остальным было плевать -- десять лет повторения ошибок, неудач и пирровых побед убедили их, по словам Траута, "что можно с прибором положить на настоящее вместе с будущим". Впоследствии это явление назовут посткатаклизменной апатией, или ПКА.

Траут провел опыт, который многие из нас пытались провести сразу после катаклизма. Он начал специально во весь голос выкрикивать разные бессмысленные слова, вроде "трам-тарарам-пам-пам, дзинь-дзинь, ля-ля-ля" и так далее. Все мы пытались произносить такие слова в 1991 году, куда нас отбросил катаклизм, пытаюсь убедить себя, что мы все еще можем говорить и делать, что хотим, если очень постараемся. Естественно, у нас ничего не выходило. Но когда "подарочный червонец" закончился, Трауту без малейших трудностей удалось сказать "синяя двухфокусная норка".

Легко!

В Европе, Азии и Африке в момент окончания "подарочного червонца" была ночь. Большинство народа спало и сидело в барах. Не так уж много людей споткнулось в том полушарии, не то что в нашем, где большинство народа уже проснулось.

В обоих полушариях любой, кто куда-то шел, пребывал в неравновесном состоянии -- тела у идущих наклонены в направлении движения, а вес тела распределен между точками опоры, то есть ногами, неравномерно. Когда "подарочный червонец" закончился, все шедшие, натурально, споткнулись и упали и так и остались лежать, даже если падение произошло посреди улицы с оживленным движением. А все посткатаклизменная апатия.

Можете себе представить, что творилось у подножий лестниц и эскалаторов, особенно в Западном полушарии, в момент, когда "подарочный червонец" закончился.

Вот тебе, бабушка, и "дивный новый мир"!

В реальной жизни -- она у нее продлилась всего сорок один год, упокой Господи ее душу -- моя сестра Элли считала, что нет ничего смешнее зрелища, когда кто-то падает. Нет, я не говорю о тех, кто падает от ударов, сердечных приступов, разрывов сухожилий и тому подобного. Я говорю о тех, кто ни с того ни с сего на ровном месте падает. Этому человеку может быть десять лет, а может быть и больше, у него может быть любой цвет кожи, он может быть мужчиной или женщиной, но нет ничего смешнее, когда он падает.

Даже когда дни Элли уже были сочтены, я все еще мог развеселить ее, даже осчастливить ее, если хотите, рассказав историю про то, как кто-то упал. Мой рассказ должен был быть настоящим. Это должен был быть рассказ о неумолимом действии силы тяжести, которому я был свидетелем.

Лишь один-единственный раз я видел, как падал профессиональный актер. Это случилось давно, когда мне посчастливилось посмотреть комедию на сцене Театра Аполлона в Индианаполисе. Один очень достойный человек, на мой взгляд -- просто святой, по ходу своей роли падал в оркестровую яму, а затем выбирался из нее с огромным бас-барабаном на шее.

Все остальные мои истории, которые Элли не уставала слушать до самой смерти, были о непрофессионалах.

Однажды -- Элли тогда было лет пятнадцать, мне десять -- она услышала, как кто-то падает вниз по ступенькам нашего подвала: буум, бум, бум. Она подумала, что это был я, и поэтому вышла поглядеть, что произошло, на верхнюю площадку лестницы, заливаясь от смеха. Вероятно, это было в 1932 году, уже третий год длилась Великая депрессия.

Но это был не я. Это был служащий газовой компании, пришедший снимать показания со счетчика. Тяжело стуча башмаками и ругаясь, он весь в синяках выбирался из подвала.

В другой раз мы с Элли ехали на машине, я был пассажиром, она была за рулем. По дороге мы увидели, как какая-то женщина выпала вниз головой из трамвая. Она зацепилась за что-то пяткой.

Я где-то уже писал, да и в интервью рассказы вал, что мы с Элли долгие годы надрывали себе животики, вспоминая случай с той женщиной

Она не пострадала. Она спокойно поднялась и пошла по своим делам.

Об одном случае Элли знала только из моих рассказов, но оттого смеялась не меньше. Как-то раз я увидел, как на одной вечеринке какой-то человек предложил одной красавице -- не своей жене -- научить ее танцевать танго. Вечеринка потихоньку двигалась к концу. Я не думаю, что на вечеринке была его жена. Я не думаю, что он бы предложил той красавице научить ее танцевать танго, если бы был там с женой. Там всего-то было человек десять, включая хозяина и хозяйку. Все это происходило во времена патефонов. Хозяин и хозяйка совершили тактическую ошибку, поставив пластинку с танго.

Красавица согласилась. И вот этот человек -- глаза горят, ноздри раздуваются -- обнимает эту красавицу за талию и падает.

Да, все люди, спотыкавшиеся в первой книге про катаклизм, а теперь и в этой книге, схожи кое в чем с надписью "ИСКУССТВО -- В ЖОПУ!" на стальной парадной двери академии. И то, и другое -- дань уважения моей сестре. Элли это заменяло порнографию. Ей нравилось смотреть, как сила тяжести ставит людей в дурацкое положение.

Вот песенка, которую очень часто пели во прими Великой депрессии:

Папа поздно пришел с работы,
"Где ты шлялся?" -- спросила мать.
Рухнул на пол нетрезвый папа --
Он не в силах был отвечать.

Инстинкт смеяться над вполне нормальными людьми, которые, несмотря на это, спотыкаются и падают, не у всего человечества является врожденным. В этой неприятной истине я убедился на балете "Лебединое озеро" в Королевском балетном театре в Лондоне. Я пошел на балет вместе с моей дочерью Нэнни, ей тогда было лет шестнадцать. Сейчас, летом 1996 года, ей сорок один. Ого! Так это было двадцать пять лет назад!

Так вот, по ходу действия одна балерина протанцевала на пуантах к кулисам. Так должно было быть по сюжету. Но едва она скрылась за кулисами, как раздался звук, как будто она надела на ногу железное ведро и начала в нем спускаться по железной лестнице.

Я заржал как лошадь.

Весь остальной зал хранил гробовое молчание.

Похожий случай произошел на концерте Симфонического оркестра Индианаполиса. Я тогда был ребенком. Случай произошел не со мной, смеяться тоже никто не смеялся. Оркестр играл одну вещь, где в одной из частей музыка должна была становиться все громче и громче, а потом неожиданно замолчать.

Так вот, со мной на одном ряду сидела одна женщина. Пока длилось крещендо, она что-то говорила своей подруге. Поскольку музыка становилась все громче и громче, ей тоже приходилось говорить все громче и громче. Музыка замолчала. И раздался женский крик: "А Я ЖАРИЮ НА МАСЛЕ!"

отправились в Вестминстерское аббатство. Когда мы подошли к могиле сэра Исаака Ньютона, Нэнни просто остолбенела. Окажись в ее возрасте на ее месте мой старший брат Верни, ученый от Бога, он бы, наверное, просто в штаны наложил от благоговейного страха.

То же самое произошло бы с любым образованным человеком, задумайся он о том, какие великие открытия сделал этот смертный, обходившийся, судя по всему, одним своим кормом для собак, своими собственными тремя с половиной фунтами пропитанной кровью губки. Эта обезьяна без перьев изобрела дифференциальное исчисление! Она изобрела телескоп-рефлектор! Она открыла и объяснила, как призма разлагает белый свет на цветные составляющие! Она открыла и записала ранее неизвестные законы движения, тяготения и оптики!

Хватит, хватит!

"Доктора Флеона Суноко к телефону, будьте добры! Доктор? Вот какое дело. Заточите-ка получше ваш скальпель! У нас есть для вас мозг!"

У моей дочери Нэнни есть сын Макс, в 1996 году ему исполнилось двенадцать лет. Он прожил половину "подарочного червонца". Когда умрет Килгор Траут, ему будет семнадцать. В апреле Макс написал в школе длиннущее сочинение о сэре Исааке Ньютоне, великом человеке, который выглядел совершенно обыкновенным. Когда я прочел его, то узнал кое-что новое -- номинальные научные руководители советовали Ньютону бросить научные изыскания и засесть за теологию.

Я подумал о том, что они давали этот совет не из глупости. Просто они хотели намекнуть, что сказки, в которые полагается верить простому верующему, очень помогают ему жить.

У Килгора Траута есть рассказ "Эмпайр Стейт Билдинг". В нем рассказывается о метеоре размером со знаменитый небоскреб, который приближается к Земле со скоростью пятьдесят четыре мили в час. Вот вам оттуда цитата: "Наука не сделала счастливее ни одного человека на Земле. Правда о человеческой доле слишком ужасна".

Человеческая доля никогда в истории не была ужаснее, чем в первую пару часов после того, как закончился "подарочный червонец". Ну конечно, ведь миллионы пешеходов лежали на земле, поскольку их вес был неравномерно распределен между точками опоры в тот момент, когда мир снова взяла за жабры свобода воли. Впрочем, большинство из них не пострадало, если не считать тех, кто споткнулся, спускаясь по лестнице или эскалатору. Все были в полном порядке.

Корень зла, как я уже сказал, был в различных самодвижущихся транспортных средствах, которых, естественно, в Музее американских индейцев не было. Там внутри все было тихо, а снаружи становились все громче и громче предсмертные крики раненых и задавленных.

Помните про "А я жарю на масле!"?

Бомжи, или, как их называет Траут, "жертвенная скотина", спокойно сидели или лежали, когда произошел катаклизм. В тех же позах они были и когда "подарочный червонец" закончился. Как могла повредить им свобода воли?

Траут позже сказал о них: "Они и до катаклизма проявляли симптомы, неотличимые от симптомов ПКА".

И один лишь Траут вскочил на ноги, когда пожарная машина на полной скорости саданула своим передним бампером, как берсерк^[20] топором, по двери в академию и понеслась дальше. Что было дальше, от людей не зависело, не могло от них зависеть. Мгновенное уменьшение скорости машины из-за удара об академию привело к тому, что ничего не соображающие пожарники были выброшены из машины в воздух со скоростью, равной той, что достигла пожарная машина, пока катилась от Бродвея к чертпоберикакаяжеэтогоглушь 155-й улице. Траут, проследив, докуда долетели пожарные, оценил ее в пятьдесят миль в час.

Оставшись без пассажиров и потеряв скорость, пожарная машина совершила крутой левый поворот к кладбищу на другой стороне улицы. Но там улица шла в гору. Машина немного не доехала до ворот кладбища и покатила под гору обратно. Почему? Потому что при ударе об академию вышибло передачу. Рычаг переключения стал в нейтраль.

В гору машину вытянул закон сохранения импульса. Мощный мотор ревел, потому что заклинило педаль газа. Но противодействие силе тяжести он мог оказать лишь в меру закона инерции и собственной массы, потому что стояла нейтраль. Двигатель не воздействовал на колеса!

Я скажу вам, что произошло. Сила тяжести потащила рычащего красного монстра обратно на 155-ю улицу, а по ней -- "задним ходом" напрямик в Гудзон.

Удар пожарной машины об академию был настолько сильным, что стал причиной падения хрустального канделябра на пол в фойе.

Осветительный прибор пролетел в каких-то дюймах от вооруженного охранника Дадли Принса. Если бы он не стоял прямо на ногах, если бы его вес не был равномерно распределен между точками опоры в тот момент, когда мир снова взяла за жабры свобода воли, он бы упал в том направлении, куда смотрел, головой к входной двери. Канделябр убил бы его!

Удача, говорите? Когда произошел катаклизм, Золтан, парализованный муж Моника Пеппер, сидел в своей инвалидной коляске снаружи и звонил в дверь. Дадли Принс собирался открыть дверь и впустить его. Но тут в картинной галерее сработал датчик задымления!

Дадли Принс застыл. Что сделать сначала?

Так что когда "подарочный червонец" закончился, Дадли Принс все так же находился в задумчивости. Сработавший датчик задымления спас ему жизнь!

Из-за ПКА одетый в форму бывший заключенный не слишком отличался от каменной статуи. Таким его и застал Килгор Траут, вбежавший внутрь через вход, который больше не защищала стальная дверь, спустя несколько минут после того, как во Вселенной были восстановлены права свободы воли. Траут кричал во весь голос: "Очнитесь! Ради Бога, очнитесь! Свобода воли! Свобода воли!"

Стальная входная дверь с загадочной надписью "СКУСТ ОПУ" лежала на полу, так что Трауту пришлось перепрыгнуть через нее, чтобы добраться до Принса. Она лежала на полу не в одиночестве. Она прочно висела на петлях дверной коробки и была заперта. Удар пожарной машины без труда вышиб коробку из дверного проема. Дверь, дверные петли, болты и глазок были как новенькие и годились для дальнейшего использования, ведь коробка не оказала почти ни какого сопротивления ужасному удару пожарной машины.

Рабочий, который устанавливал дверь и дверную коробку, схалтурил, когда вставлял коробку в дверной проем. Он был просто лентяй. Траут впоследствии говорил о нем, да и обо всех людях, которым лень делать свое дело хорошо: "Удивительно, как его не мучает бессонница по ночам!"

32

В своих лекциях в 1996 году, посередине "подарочного червонца", я говорил, что после Второй мировой войны я поступил на факультет антропологии в Чикагский университет. Я шучу, что мне не стоило этого делать, поскольку я не выношу отсталые народы, всяких там папуасов и бушменов! Они такие тупые! На самом деле на изучение человека как животного меня подвигло то обстоятельство, что моя жена Джейн Мэри Кокс Воннегут, впоследствии и до самой смерти Джейн Мэри Кокс Ярмолинская, родила мальчика по имени Марк. Стала ощущаться острая нужда в бабках.

Сама Джейн, член ФБК из Свартмора, была аспиранткой на кафедре русского языка и литературы в том же университете. Она забеременела и решила бросить учебу. Мы пошли к заведующему кафедрой. Я помню, мы нашли его в библиотеке, и Джейн сказала этому меланхолику, сбежавшему в Америку от ужасов сталинизма, что она уходит с кафедры, поскольку ее угораздило залететь.

Я никогда не забуду, что он ответил Джейн: "Дорогая моя миссис Воннегут, беременность -- это не конец жизни, а, наоборот, начало".

Однако я не об этом. Я вот о чем. Я записался на какой-то курс, по которому мне пришлось прочесть книгу "Постижение истории" английского историка Арнольда Тойнби, который теперь на небесах. Он писал о вызове и реакции. Он рассказывал, как различные цивилизации выживали или погибали в зависимости от того, могли ли они адекватно отреагировать на брошенный им вызов. Брошенная перчатка могла оказаться слишком тяжелой. Тойнби приводил примеры.

То же самое относится и к отдельным личностям, которые хотят быть героями, и особенно к Килгору Трауту. Если бы днем или вечером 13 февраля 2001 года, после того, как мир снова взяла за жабры свобода воли, он находился в районе Таймс-сквер^[21] или возле входа или выхода на мост или в туннель, или в аэропорту, где пилоты, как они привыкли за время "подарочного червонца", сидели и ничего не делали, ожидая, что их самолеты взлетят или сядут сами собой -- если бы Траут оказался в таком месте, он, да и любой другой, не смог бы поднять перчатку, брошенную свободой воли.

Конечно, зрелище, представшее перед глазами Траута, когда он вышел на

белый свет из приюта посмотреть, что там снаружи такое ухнуло, было ужасающим, но жертвы все же были немногочисленны. Нельзя сказать, чтобы Траут увидел горы трупов и раненых -- так, несколько одиноких представителей той и другой группы. На каждого можно было обратить, при желании, особое внимание. Живые или мертвые, но это все еще были личности, на их лицах все еще можно было прочесть их историю.

Движения в этой части чертпоберикакаяжеэтоглушь 155-й улицы, ведущей в никуда, в это время дня практически не было. Одна только ревущая пожарная машина под действием силы тяжести уносилась "задним ходом" напрямиком в Гудзон. Траут наблюдал за ней. Он был волен детально обдумать, что явилось причиной такого поведения пожарной машины. Ему было так вольно, что он не обращал внимания на шум, доносившийся с более оживленных улиц, и в полном спокойствии заключил, как он рассказал мне потом в Западу, что верно одно из трех: или на ней стоял задний ход или нейтраль, или вышел из строя карданный вал, или сломалось сцепление.

Он не поддавался панике. Работа корректировщиком огня в артиллерии научила его, что если удаваться панике, то будет хуже. В Западу он сказал: "В настоящей жизни, как и в опере, пение арий лишь превращает безнадежную ситуацию в фатальную".

Разумеется, он не поддавался панике. В то же самое время он понимал, что он единственный понимает, что к чему. Он мгновенно осознал, что Вселенная сначала сжалась, а теперь снова стала расширяться. Ну да это было только полдела. То, что происходило в реальности, если от этой самой реальности отвлечься, могло с легкостью быть написанным чернилами на бумаге предисловием к его собственному рассказу, который он написал, а затем порвал на кусочки и спустил в унитаз в туалете на автобусной станции много лет назад.

В отличие от Дадли Принса у Траута не было свидетельства о среднем образовании, но кое в чем он был очень похож на моего старшего брата Берни, доктора физической химии из Массачусетского технологического. Берни и Траут, оба, с самой юности, играли сами с собой в игры, в которых первым делом надо было задать себе вопрос: "Положим, в действительности дела обстоят так-то и так-то. Что из этого следует?"

Трауту не удалось сделать один вывод из данных ему условий -- произошедшего катаклизма и завершившегося "подарочного червонца". Именно он не догадался, что на несколько миль в округе ни один человек некоторое время не будет двигаться -- ни по причине собственной смерти, серьезного ранения или ПКА. Он потратил драгоценные минуты, ожидая прибытия "скорой помощи", полицейских, пожарных и других специалистов из Красного Креста и Федерального Агентства по Чрезвычайным Ситуациям, которые должны были бы взять на себя контроль за происходящим.

Ради Бога, не забывайте, пожалуйста, -- ему было, черт побери, восемьдесят четыре года! Он брился каждый день, и поэтому его чаще принимали за нищенку, нежели за нищего, даже без его головного платка из одеяла. Его вид не вызывал ни малейшей симпатии. Что до его сандалий, они-то были крепче некуда. Они были сделаны из тормозных колодок космического корабля "Аполлон-11", который доставил на Луну Нейла Армстронга, первого землянина, ступившего на ее поверхность в 1969 году.

Сандалии были подарком от правительства с войны во Вьетнаме, единственной войны, которую мы проиграли. Во время нее из армии дезертировал единственный сын Траута Леон. Во время этой войны американские солдаты, отправлявшиеся на патрулирование, надевали такие сандалии поверх своих легких ботинок. Они делали это потому, что враг понатыкал в землю на тропинках острые колья, вымазанные дерьмом, вызывавшим заражение крови.

Траут очень не хотел снова играть в русскую рулетку со свободой воли. В его ли возрасте? Тем более ставкой была жизнь других людей. Наконец он понял, что, хочет он того или нет, ему придется оторвать свою задницу от койки и перейти к действиям. Но что он мог сделать?

Да, я это вот к чему. Я хочу выдвинуть тезис о том, что величайшим английским поэтом за всю историю нашей литературы был Ланселот Эндрюс (1555--1626), а вовсе не Бард^[22] (1564--1616). В его времена все дышало поэзией. Взгляните на это:

Господь -- мой пастырь; не отступлю от него.

Он укладывает меня спать на зеленом пастбище, он ведет меня к тихим водам.

Он очищает мою душу: он ведет меня тропами праведников ради прославления своего имени.

Да, пускай я иду по долине, которую осеняет смерть, но не убоюсь я зла: ибо ты со мной; твой посох и твой жезл рядом, и я спокоен.

Ты готовишь мне пир, когда я окружен врагами, ты помазуешь мою голову

миром; моя чаша переполнена.

Доброта и милосердие будут сопутствовать мне все дни моей жизни; и я вечно буду жить и доме Господа.

Ланселот Эндрюс был главным переводчиком среди тех великих людей, которые подарили нам Библию короля Иакова^[23].

Писал ли Килгор Траут стихи? Насколько мне известно, он написал только одно стихотворение. Он сделал это в предпоследний день своей жизни. Он знал, что дни его сочтены и скоро за ним явится Курносая. Предварительно следует отметить, что в Занаду между зданием дома престарелых и гаражом растет тис.

Вот что Трауту накропалось:

Когда срубят тис

И снесут вниз,

Я вернусь домой

И скажу "кис-кис".

34

У матерей моей первой жены Джейн и моей сестры Элли было одно сходство -- у них время от времени ехала крыша. Джейн и Элли окончили Тюдор-Холл. Они были две самые красивые и умные девушки во всем Вудстокском гольф-клубе. Кстати, у всех писателей-мужчин, будь они даже банкроты, жены -- красавицы. Надо кому-нибудь провести исследование на эту тему.

Джейн и Элли не увидели катаклизм, слава Богу. Мне кажется, что Джейн нашла бы в "подарочном червонце" что-нибудь хорошее. Элли бы точно с ней не согласилась. Джейн любила жизнь и была оптимисткой, она до самого конца боролась с раком. Последние слова Элли выражали облегчение, и больше -- ничего. Я уже где-то писал об этом. Вот ее последние слова: "Не болит, не болит". Я не слышал, как она произнесла их, да и мой брат Берни тоже не слышал. Нам передал эти слова по телефону говоривший с иностранным акцентом санитар больницы.

Я не знаю, какими могли бы быть последние слова Джейн. В то время она уже была не моей женой, а женой Адама Ярмолинского, и я спрашивал его, какие были ее последние слова. Судя по всему, Джейн умерла, не сказав последнего слова, не понимая, что ей уже больше не придется ничего говорить. На ее отпевании в Епископальной церкви в Вашингтоне, округ Колумбия, Адам сказал собравшимся, что ее любимым высказыванием было: "Ну когда же?!"

Чего, спросите вы, так ждала Джейн? Некоего события в жизни одного или нескольких наших детей, уже взрослых, растящих собственных детей: в жизни столяра-краснодеревщика, писателя, детского врача, художника, летчика и печатника.

Я не выступал на ее отпевании. Мне не хотелось. Все, что я хотел сказать, предназначалось лишь для нее одной. Последний наш разговор произошел за две недели до ее смерти, мы беседовали как двое старых друзей из Индианаполиса. Она была в Вашингтоне, округ Колумбия, где у Ярмолинских был дом. Я был на Манхэттене. Моей женой была фотограф и писательница Джилл Кременц, она и сейчас моя жена. Мы говорили с Джейн по телефону.

Я не помню, кто из нас кому позвонил, кому это пришло в голову. Могло прийти любому из нас. Так вот, кому бы она ни пришла в голову, вышло так, что разговор стал нашим прощанием.

Наш сын Марк, детский врач, сказал после ее смерти, что сам бы никогда не пошел на все медицинские процедуры, которые она прошла, чтобы до последнего оставаться в живых, чтобы иметь возможность взглянуть на нас своими сияющими глазами и сказать: "Ну когда же?!"

Последний наш разговор был очень личным. Джейн спросила меня, как будто я мог это знать, какое событие вызовет ее смерть. Она, наверное, чувствовала себя персонажем какой-нибудь моей книги. В некотором смысле так и было. За время нашего двадцатидвухлетнего супружества именно я решал, что мы будем делать дальше -- отправимся ли в Чикаго, в Скенектади или в Кейп-Код. Моя работа определяла, что мы будем делать дальше. Джейн нигде и никогда не работала. Она воспитывала шестерых детей.

Я ответил ей, какое. Я сказал ей, что перед тем, как она умрет, один загорелый, беспутный, надоедливый, но счастливый десятилетний мальчишка, которого мы знать не знаем, выйдет на гравийную насыпь у лодочной пристани у начала Скаддерс-Лейн. Он будет смотреть вокруг, на птиц, на лодки или на что-то еще, что есть в гавани Барнстэбла, мыс Кейп-Код.

В начале Скаддерс-Лейн, на трассе 6А, в одной десятой мили от лодочной пристани, стоит большой старый дом, где мы растили нашего сына, двух наших дочерей и трех сыновей моей сестры. Теперь там живут наша дочь Эдит, ее муж-строитель Джон Сквибб и их маленькие дети, мальчики по имени Уилл и Бак.

Я сказал Джейн, что от нечего делать этот мальчик поднимет с земли камешек. Так обычно поступают мальчишки. Он кинет его далеко-далеко в море. И в миг, когда камень упадет в воду, она умрет.

Джейн всем сердцем верила во все, что делало жизнь волшебной в ее глазах. В этом была ее сила. Она выросла в семье квакеров, но перестала ходить на собрания Друзей^[24] после четырех счастливых лет в Свартморе. Выйдя замуж за Адама, она стала ходить в Епископальную церковь, а он как был, так и остался иудеем. Она умерла, веря в Троицу, Рай, Ад и все остальное. Я очень этому рад. Почему? Потому что я любил ее.

35

Сочинители историй, написанных чернилами на бумаге, делятся на каратистов и боксеров. Впрочем, сочинители давно уже никого не интересуют. Так вот. Боксеры пишут рассказы быстро, наспех, как Бог на душу положит. Затем они набрасываются на них снова, переписывая то, что просто ужасно или не подходит, и исправляя остальное. Каратисты пишут по одному предложению, шлифуя его прежде, чем приступить к следующему. Когда они заканчивают писать, рассказ действительно закончен.

Я -- каратист. Большинство мужчин -- каратисты, а большинство женщин -- боксеры. Снова скажу: надо кому-нибудь провести исследование на эту тему. Может быть, писателю на роду написано быть каратистом или боксером. Недавно я был в Рокфеллеровском университете, там ищут и находят все больше и больше генов, которые заставляют нас действовать тем или иным способом, точно так же, как нас заставлял катаклизм. Еще до моего визита в этот университет я заметил, что мои с Джейн дети и дети Элли и Джима стали совсем разными людьми, но при этом каждый стал именно тем, кем ему предопределено было стать.

У всех шестерых жизнь налажена.

Но, с другой стороны, у всех шестерых были бесчисленные возможности наладить свою жизнь. Если вы верите тому, что пишут в газетах, тому, что говорят по радио, тому, что показывают по телевизору, что читаете в Интернете, -- что ж, вы сильно отличаетесь от других.

Мне кажется, что писатели-боксеры находят удивительным, что люди бывают смешными, грустными или какими-нибудь еще, и об этом и рассказывают, не задумываясь, почему или по какой причине люди вообще живут.

Каратисты творят одно предложение за другим, продираясь через воображаемые двери и заборы, прорезая себе путь через заросли колючей проволоки под шквальным огнем, дыша горчичным газом, и все для того, чтобы найти ответ на эти вечные вопросы: "Что, черт подери, нам делать? Что, черт подери, происходит в этом мире?"

Каратистам все мало. Каратист Вольтер говорил: "Нужно возделывать свой сад", но каратисты хотят еще заниматься правами человека. Вот о них и

поговорим. Я начну с двух правдивых историй, произошедших и конце нашей с Траутом войны в Европе.

Дело обстоит так. 7 мая 1945 года^[25] Германия, прямо или косвенно ответственная за смерть при мерно сорока миллионов человек, капитулировала. Еще несколько дней спустя к югу от Дрездена, близ границы с Чехией, оставался очаг анархии, который впоследствии вошел в оккупационный сектор Советского Союза. Я был в этом месте и немного рассказал о тех днях в книге "Синяя борода". Из лагерей были освобождены и брошены на произвол судьбы тысячи военнопленных, таких как я, а так же выжившие в концлагерях люди с номерами, вы татуированными на руках, сумасшедшие, уголовники, цыгане и Бог знает, кто еще.

И вот что я вам скажу. Там были и немецкие войска, сломленные, но вооруженные. Они искали, кому бы сдаться -- только не Советскому Союзу. Мы с моим фронтовым другом Бернардом В. О'Хара поговорили кое с кем из них. О'Хара, адвокат и прокурор в разные периоды своей жизни, сейчас на небесах. А тогда мы оба слышали слова немцев. Они говорили, что Америке следовало делать то же самое, что делали они, -- воевать с безбожниками-коммунистами.

Мы ответили, что нам так не кажется. Мы ожидали, что СССР постарается стать похожим на США, со свободой печати и вероисповедания, праведными судами и честными выборами, и так далее. А США, в свою очередь, постараются воплотить то, что воплощено -- так говорили -- в СССР, именно распределение благ по справедливости. "От каждого -- по способностям, каждому -- по потребностям". Вроде того.

Бритва Оккама.

А затем О'Хара и я, ну точно как дети, зашли в один амбар. Стояла замечательная весна. Мы искали, чего бы поесть. Нам бы сошло все что угодно. Но на сеновале мы нашли тяжело раненого капитана печально известных своей жестокостью СС. Судя по всему, он был при смерти. Он с легкостью мог быть организатором пыток и уничтожения людей в каком-нибудь лагере смерти неподалеку.

Как у всех членов СС, и как и у всех людей, сидевших в лагерях смерти, у капитана на руке был вытатуирован личный номер. Как тут можно визировать, скажете? После окончания войны все было очень иронично. Он попросил нас с О'Харой уйти. Он сказал, скоро умрет, и что никак не может этого дождаться. Когда мы приготовились уйти, не думая о нем, он прокашлялся. Он давал нам знак, что хочет сказать что-то еще. Да-да, снова последние слова. Он хотел что-то сказать, и кто, кроме нас, мог его услышать?

"Я только что понял, что впустую потратил последние десять лет своей жизни". Вот что он сказал.

Катаклизм, братцы! .

36

Моя жена думает, что я крутой парень. Она ошибается. Я не думаю, что я такой уж крутой.

Я безмерно уважаю Джорджа Бернарда Шоу. Он был социалист, а еще умный и забавный драматург. Разменяв девятый десяток, он сказал, что его, конечно, считают умным, а он всегда жалел тех, кого считали глупыми. Он сказал, что, прожив такую долгую жизнь, может, как ему кажется, считать себя достаточно смьшленным, чтобы успешно работать мальчиком на посылках.

Я о себе того же мнения.

Когда муниципалитет Лондона хотел вручить Шоу орден "За заслуги", он поблагодарил городские власти, но сказал, что уже давно вручил себе этот орден сам.

А я бы принял такую награду. Я, разумеется, понял бы, что у меня есть возможность потрясающе пошутить, но я никогда не позволял себе отпускать подобные шутки. Я не хочу, чтобы из-за меня кто бы то ни было чувствовал себя как последнее дерьмо.

Пусть это будет моей эпитафией.

Сейчас лето 1996 года, и я спрашиваю себя, были ли у меня в молодости какие-нибудь идеи, от которых я бы теперь открестился. Передо мной был пример моего единственного дяди, дяди Алекса, бездетного страхового агента из Индианаполиса, окончившего Гарвард. Это он заставил меня прочесть

писателей-социалистов, таких, как Шоу, Норман Томас, Юджин Дебс и Джон Дос Пассос, когда мне не было и двадцати, а заодно научил делать модели самолетов и дрочить. После окончания Второй мировой войны дядя Алекс стал консерватором покруче архангела Гавриила.

Но мне до сих пор нравится то, что мы с О'Харой ответили немецким солдатам после нашего освобождения: что Америка станет более социалистической, будет стараться дать всем работу, обеспечить наших детей, чтобы по крайней мере они не мерзли, не голодали, умели читать и писать и не были перепуганы до смерти.

Раскатали губу.

В каждом выступлении я цитирую Юджина Дебса (1855--1926) из Терре-Хота, штат Индиана, пятикратного кандидата в президенты от социалистической партии:

"Пока существует низший класс -- я к нему отношусь, пока есть преступники -- я один из них, пока хоть одна душа томится в тюрьме -- я не свободен".

В прошедшие годы я посчитал благоразумным говорить перед цитатой, что ее надо воспринимать всерьез. В противном случае аудитория начинает смеяться. Они смеются без злобы, они знают, что я люблю быть смешным. Но их смех говорит о том, что это эхо Нагорной проповеди начинают воспринимать как устаревшую, полностью дискредитировавшую себя чушь.

Это не так.

37

Под грубыми сандалиями Килгора Траута хрустели осколки разбившегося хрустального канделябра, пока он вприпрыжку бежал через упавшую стальную дверь с загадочной надписью "СКУСТ ОПУ". Поскольку осколки канделябра были на двери и раме вместо того, чтобы быть под ними, судебный эксперт, который будет давать показания в суде, если на ленивого рабочего подадут в суд, подтвердит, что изделие ленивца упало первым. Канделябр должен был замереть на секунду перед тем, как позволить силе тяжести сделать с ним то, что она, без сомнения, желает сделать со всем на свете.

Датчик задымления в картинной галерее продолжал звенеть. "Предположительно, -- позже сказал Траут, -- продолжал это делать по своей собственной воле". Он шутил, по своему обыкновению, высмеивая мысль, что у кого-то где-то когда-то вообще была свобода воли, до ли катаклизма, после ли.

Дверной звонок заткнулся в тот момент, когда пожарная машина сбила Золтана Пеппера. Вот как говорил об этом Траут: "А звонок себе молчит, все потом нам объяснит".

Сам Траут, как я уже говорил, тем не менее пользовался свободой воли, когда входил в академию и призывал иудео-христианского Бога словами: "Очнитесь! Ради Бога, очнитесь! Свобода воли! Свобода воли!"

В Занаду он скажет, что если даже в тот день и ночь он был героем, то в академию вошел "из редкостной трусости". Он "притворялся Полем Ревером^[26] в пространственно-временном континууме".

Он искал убежища от нарастающего грохота на Бродвее, что в полуквартале оттуда, от звуков по-настоящему серьезных взрывов в других частях города. В полутора милях к югу, возле Мемориала Гранта, массивный грузовик, принадлежавший Департаменту здравоохранения, из-за потери управления пропахал вестибюль одного здания и въехал в кабинет коменданта. Он своротил газовую плиту. Прорванная труба массивного бытового прибора наполнила лестницы и лифтовую шахту шестиэтажного здания метаном, смешанным с секретом желез скунса. Большинство жителей дома были пенсионеры.

А затем БА-БАХ!

"Катастрофа, ждавшая своего часа", -- сказал Траут в Занаду.

х х х

Старый писатель-фантаст хотел привести в чувство одетого в форму вооруженного охранника Дадли Принса для того, как он сам впоследствии признался, чтобы самому больше ничего не делать. Он орал Принсу на ухо: "Свобода воли! Свобода воли! Пожар! Пожар!"

Принс не пошевелил и мускулом. Он хлопал глазами, но это был лишь рефлекс, а не проявление свободы воли. Вспомните историю про куриный суп. Принс, по его собственному утверждению, думал лишь об одном -- а что, если он пошевелит хоть мускулом и вследствие этого снова окажется в 1991 году в Исправительной тюрьме строгого режима для совершеннолетних, что в Афинах, штат Нью-Йорк.

Что ж, его можно понять!

Траут оставил Принса на некоторое время в покое. По его собственному признанию, он огляделся вокруг в поисках, кого бы запрячь поработать. Адски громко выл датчик задымления. Если здание действительно горит и огонь нельзя погасить, он отправится искать какое-нибудь место, где гражданин в летах может пересидеть происходящее снаружи.

В галерее он обнаружил зажженную сигару, лежащую на блюдце. Зажженная сигара, при том, что сигары были запрещены во всем штате Нью-Йорк, не угрожала никому, кроме себя. Ее середина находилась над центром блюдца, так что она не могла никуда упасть, когда догорит. Но датчик задымления все вопил о том, что наступил конец мира, как мы его знали.

Траут в книге "Десять лет на автопилоте" сформулировал то, что в тот день хотел сказать датчику задымления: "Чушь собачья! А ну заткнись, безмозглый невротик!"

Вот в чем была мистика: в галерее никого, кроме Траута, не было!

Неужели в Американской академии искусств и словесности водятся привидения?

38

Сегодня, в пятницу, 23 августа 1996 года, я получил доброе письмо от юного незнакомца по имени Джефф Михалич, видимо, серба или хорвата по происхождению, который специализируется по физике в Университете штата Иллинойс в Урбане. Джефф писал, что ему нравился курс физики в школе, и он получал хорошие оценки, но "с того момента, как я изучаю физику в университете, у меня с ней возникло много проблем. Это большой удар для меня, поскольку в школе у меня все получалось. Я думал, что нет ничего, чего бы я не сделал, если как следует этого захочу".

Вот мой ответ: "Вам следует прочесть плутовской роман Сола Беллоу "Приключения Оджи Марча". Мораль в конце, насколько я помню, состоит в том, что нам не следует решать вселенские проблемы, а скорее заниматься делами, которые нам интересны и естественны, делать дела, которые мы можем сделать.

Относительно очарования физикой. Два самых интересных предмета, которые преподают в школе и колледже, -- это механика и оптика. Однако за этими игровыми дисциплинами стоит игра ума. Для того же, чтобы играть в нее, нужен врожденный талант, вроде того, что нужен для игры на валторне или в шахматы.

В своих выступлениях и говорю о врожденных талантах: "Если вы отправляетесь в большой город, а университет -- это большой город, вы непременно встретите Вольфганга Амадея Моцарта. Сидите дома, сидите дома".

Другими словами. Не важно, что та или иная подрастающая личность думает о том, что он или она умеет делать. Он или она рано или поздно столкнется с человеком, который, что называется, отымеет его или ее.

Мой друг детства Уильям Х. К. Фейли, по прозвищу Скип, четыре месяца как покойный -- теперь он на небесах, -- в свою бытность студентом-второкурсником имел все основания считать себя настоящим мастером настольного тенниса. Я неплохо играю в настольный теннис, но со Скипом играть не стану. Он так закручивал мяч на своей подаче, что как бы я ни пытался вернуть мяч, я знал, что моя полетит мне в нос, или в окно, или на фабрику, где его изготовили, но никак не на стол.

Но когда Скип учился на первом курсе, он сыграл с нашим однокурсником Роджером Даунсом. После этого Скип сказал: "Он меня отымел".

Спустя тридцать пять лет я читал лекции в университете в Колорадо, и в зале сидел не кто иной, как Роджер Даунс. Роджер занялся бизнесом. Попутно он стал уважаемым соперником на турнирах Мужского теннисного клуба. Я поздравил его с тем, что много лет назад он преподавал Скипу урок настольного тенниса.

Роджер хотел услышать, что после этого позора сказал Скип. Я ответил: "Скип сказал, что ты его отымел".

Роджер был в высшей степени доволен.

Я не спрашивал, но он явно понял, что Скип имел в виду. Ведь жизнь -- это дарвиновский естественный отбор, или, как ее любит называть Траут, дерьмо. Роджер сам много раз вылетал с теннисных турниров, когда его, как когда-то он Скипа, имели. Удар приходится по самоуважению.

В этот августовский день пришли и другие новости. Мой старший брат Берни, ученый от бога, который знал об электрической природе гроз больше, чем кто-либо другой, оказывается, неизлечимо болен раком. Болезнь слишком запущена, чтобы Три Всадника Онкологического Апокалипсиса -- Хирургия, Химиотерапия и Рентген -- могли ее обуздать.

Берни все еще прекрасно себя чувствует.

Рано еще об этом говорить, но, когда он умрет, прости Господи, я не думаю, что его прах надо закопать на кладбище Краунхилл вместе с Джоном Уиткомбом Райли и Джоном Диллинджером. Они принадлежат только Индиане. Берни принадлежит всему миру.

Его пепел надо развеять над огромным грозовым облаком.

39

Итак, там, в Колорадо, был Роджер Даунс из Индианаполиса. Здесь, в Саут-Форке на Лонг-Айленде, есть я, я тоже из Индианаполиса. Пепел моей индианаполисской жены Джейн Мэри Кокс смешан с корнями безымянной цветущей вишни в Барнстэбл-Вилидж в Массачусетсе. Ветви этого дерева видны из флигеля, который выстроил Тед Адлер и после этого спросил: "Господи, как мне это удалось?"

Свидетель на нашей с Джейн свадьбе в Индианаполисе, Венджамен Д. Хиц из Индианаполиса, теперь вдовец и живет в Санта-Барбаре в Калифорнии. Той весной Бен ухаживал за моей двоюродной сестрой. Теперь она -- вдова и живет на побережье Мэриленда, а моя сестра умерла в Нью-Джерси, мой же брат умирает, хотя еще не чувствует этого, в Олбани, штат Нью-Йорк.

Мой друг детства Дэвид Крейг, заставивший замолчать радио в немецком танке во время Второй мировой войны, работает строителем в Новом Орлеане. Моя двоюродная сестра Эмми -- это ее отец сказал мне, когда я вернулся с войны, что я наконец стал мужчиной, -- с которой я вместе делал лабораторные работы по физике в школе в Шортридже, живет всего в тридцати милях восточнее Дейва в Луизиане. Самая настоящая диаспора!

Почему столь многие из нас покинули город наших предков, город, где наши семьи пользуются уважением, где улицы и речи так нам знакомы, и где, как я сказал в Батлерском университете в июне прошлого года, одновременно собралось все лучшее и все худшее, что есть в западной цивилизации?

Жажда приключений!

Но, может быть, еще и потому, что мы хотели спастись от могущественного притяжения -- нет, не нашей планеты, а кладбища Краунхилл.

Краунхилл заполучило мою сестру Элли. Оно не заполучило Джейн. Оно не получит моего старшего брата Берни. Оно не получит меня.

В 1990 году я читал лекции в одном университете в южном Огайо. Меня поселили в мотеле неподалеку. После лекции я вернулся в мотель и заказал в баре свой обычный виски с содовой, после которого я сплю как ребенок, а я люблю спать как ребенок. Бар в основном был заполнен местными пожилыми людьми, похожими друг на друга. Им было над чем посмеяться.

Я спросил бармена, что это за люди собрались. Он сказал, что это пятидесятая встреча выпускников Зенсвилльской школы 1940 года. Это было потрясающе. Это было правильно. Я был выпускником шортриджской школы 1940 года. Так что на самом деле я пропускал нашу собственную встречу.

Эти люди могли бы стать персонажами пьесы Торнтон Уайлдера "Наш городок", самой прекрасной пьесы на свете.

Они и я были настолько пожилыми, что помнили времена, когда на твои финансовые перспективы особенно не влияло, поступил ты в колледж или не поступил. Так или иначе ты бы на что-то стоился. И я так и сказал тогда своему отцу, что не хочу быть химиком, как мой старший брат Берни. Я сэкономлю ему кучу денег, если вместо этого устроюсь работать в газету.

Поймите, я мог пойти в колледж только при условии, что буду ходить на те же курсы, что и Берни. Отец и Берни так решили. Все прочие виды высшего

образования они оба называли декоративными. Они смеялись над дядей Алексом -- страховым агентом, -- поскольку в Гарварде он получил такое декоративное образование.

Отец сказал, что мне надо поговорить с его близким другом Фредом Бейтсом Джонсоном, юристом, который в молодые годы был репортером ныне закрытой демократической ежедневной газеты "Индианаполис тайме".

Х Х Х

Я неплохо знал мистера Джонсона. Мы с отцом вместе с ним любили охотиться на птиц и кроликов в округе Браун. Это, конечно, было до того, как Элли достала нас своими просьбами прекратить этим заниматься. Он принял меня в своем офисе. Откинувшись на вращающемся стуле и прищулив глаза, он спросил, какой я вижу свою карьеру журналиста.

"Сэр, -- сказал я, -- я думаю, что мне удастся получить работу в "Калвер ситизен" и поработать там три-четыре года. Я неплохо знаю этот район". Калвер находится на озере Максинкуки в северной части Индианы. У нас возле этого озера был летний домик.

"А потом?" -- спросил он.

"С полученным опытом, -- сказал я, -- я смогу получить работу в намного более крупной газете, может быть, в Ричмонде или Кокомо^[27]".

"А потом?" -- спросил он.

"После пяти лет в такой газете, -- ответил я, -- я думаю, что буду готов попытаться счастья в Индианаполисе".

"Прошу меня простить, -- сказал он, -- но мне нужно позвонить".

"Разумеется", -- сказал я.

Он развернулся на вращающемся стуле и сидел спиной ко мне, пока говорил по телефону. Он говорил тихо, и я не пытался подслушивать. Я считал, что это не мое дело.

Он повесил телефонную трубку и повернулся ко мне лицом. "Поздравляю! -- произнес он. -- Ты получил работу в "Индианаполис таймс"".

40

Вместо того чтобы начать работать в "Индианаполис таймс", я отправился в колледж в далекую Итаку, штат Нью-Йорк. С тех пор я, как Бланш Дюбуа в "Трамвае "Желание", всегда зависел от чужой доброты.

Сейчас, когда до пикника в Занаду осталось всего пять лет, я думаю о том, кем бы я мог стать, если бы провел свою взрослую жизнь с теми, с кем учился в школе, со своими родителями, бабушками и дедушками, в своем родном городе.

Таким человеком я мог бы стать. Но не стал! Поезд ушел!

Отец твой спит на дне морском,

Он тиною затянут;

И станет плоть его песком,

Кораллом кости станут.

Он не исчезнет, будет он

Лишь в дивной форме воплощен^[28].

Такой человек знал бы несколько шуток, известных мне, например, ту, которую однажды рассказал Фред Бейтс Джонсон. Он рассказал мне ее, когда он, отец и я, совсем еще маленький, и еще другие люди отправились на охоту в округ Браун. По словам Фреда, команда парней вроде нас пошла охотиться на оленей и американских лосей в Канаде. Кто-то должен был готовить еду, иначе бы они умерли с голоду.

Они тянули соломинки, чтобы узнать, кто же будет готовить, пока остальные будут с утра до вечера охотиться. Чтобы сразу стало все ясно, Фред сказал, что короткая соломинка досталась отцу. Отец умел готовить. Мать -- нет. Она гордилась тем, что не умеет готовить, не умеет мыть посуду, и так далее. Я любил ходить в гости к другим детям, у которых мамы готовили и мыли посуду.

Охотники договорились, что тот, кто скажет хоть слово против отцовской стряпни, сам станет поваром. Поэтому отец готовил все хуже и хуже, пока остальные прекрасно проводили время в лесу. Но, насколько бы противен ни был ужин, охотники его хваливали и аплодировали отцу.

Когда однажды утром они ушли, отец нашел кучку свежего лосиного дерьма. Он пожарил его на моторном масле и подал в тот вечер в качестве пирожков на

пару.

Первый, кто их попробовал, сразу же сплюнул. Он просто не мог иначе. Он пролепетал: "О господи! На вкус это лосиное дерьмо, жаренное на моторном масле!"

Но затем добавил: "Но приготовлено отлично, отлично!"

х х х

Я думаю, что мама выросла такой неумехой, поскольку ее отец, Альберт Либер, пивовар и биржевой делец, полагал, что Америка движется к аристократии европейского типа. В Европе -- и так, полагал он, будет и в Америке -- принадлежность к аристократии определялась тем, что жены и дочери у аристократов были декоративные.

41

Мне не кажется, что я прогадал, не написав роман об Альберте Либере, о том, что именно на нем в огромной мере лежит ответственность за самоубийство моей матери, случившееся накануне 8 марта в 1944 году. Не сказать, чтобы американец немецкого происхождения, осевший в Индианаполисе, воспринимался как сколько-нибудь типичный персонаж. Ни в одной книге не было таких персонажей, их не выводили ни героями, ни негодьями. Этот характер мне пришлось бы описывать с нуля.

Флаг в руки!

Известный критик Х.Л.Менкен, сам -- американец немецкого происхождения, проживший всю свою жизнь в Балтиморе, штат Мэриленд, признавал, что не в силах читать романы Уиллы Кейтера. Он старался изо всех сил, но не смог заставить себя сопереживать тяжелой жизни чешских иммигрантов в Небраске.

Та же история.

Пока не забыл, скажу, что Элис, урожденная Варус, тезка моей сестры Элли, первая жена моего деда Альберта Либера, умерла при родах своего третьего ребенка -- дяди Руди. Моя мать была первым ребенком. Вторым был дядя Пит, исключенный из Массачусетского технологического института, но тем не менее произведший на свет физика-ядерщика -- моего двоюродного брата Альберта, живущего в Дель-Маре, штат Калифорния. Кузен Альберт недавно сообщил мне, что потерял зрение.

Он ослеп не из-за радиации, а из-за чего-то другого. Такое может произойти с любым, ученый он или нет. Кузен Альберт родил не физика-ядерщика, а компьютерного гения.

Согласимся с Траутом: "Жизнь продолжается!" Он любит время от времени выкрикивать эту фразу.

Я вот к чему. Отец моей матери, пивовар, большая шишка среди республиканцев и бонвиван из новой аристократии, после смерти своей первой жены женился на скрипачке. Как выяснилось, она была сумасшедшая, клинический случай. Да, так оно и было! У некоторых женщин бывает! Она страстно ненавидела его детей. Она ревновала их к нему. Она хотела быть единственной! С женщинами порой случается такое.

Эта адская фурия, умевшая играть на скрипке как бог, унижала маму, дядю Пита и дядю Руди в детстве и физически, и морально, пока дедушка Либер, разведясь с ней, не положил этому конец. Она унижала их так жестоко, что они никогда не смогли этого забыть.

Если бы существовали люди, которых интересуется жизнь богатых американцев немецкого происхождения, осевших в Индианаполисе, я бы с полпинка написал целую эпопею, в которой доказал бы, что на самом деле мою мать убил мой дед, хотя убивал он ее медленно. Началось это с его предательства.

"Дин-дин-дон, мать твою так!"

Рабочее название -- "Унесенные ветром".

Когда мать выходила замуж за отца, молодого небогатого архитектора, политики, хозяйки салонов -- короче, все сливки общества американцев немецкого происхождения, осевших в Индианаполисе, дарили им на свадьбу настоящие сокровища: хрусталь, изысканные ткани, китайский фарфор, серебро и даже золото.

Шехерезада!

Кто мог тогда усомниться, что в Индиане есть своя собственная наследственная аристократия, которая владеет стольким, что может поспорничать со своими собратьями из другого полушария?

Во время Великой депрессии вся эта аристократия стала казаться мне, моему брату, моей сестре и даже нашему отцу порядочным сбродом. Ищи-свищи теперь этих людей по разным концам Америки. С ними случилось то же, что с выпускниками Шортриджской школы 1940 года.

Auf Wiedersehen^[29].

42

У меня всегда были проблемы с тем, как закончить рассказ так, чтобы это всем понравилось. В реальной жизни, как и во время "подарочного червонца", последовавшего за катаклизмом, люди не меняются, не делают никаких выводов из своих ошибок и не извиняются. В рассказах по крайней мере две трети персонажей поступают так. Если же это не так, вы выбросите этот рассказ в мусорный бак без крышки, прикованный к пожарному гидранту перед Американской академией искусств и словесности.

Ладно уж, с этим я смирился. Но даже после того, как я заставил персонажа измениться, или познать что-нибудь, или извиниться, все слушатели стоят вокруг меня и мнутя. Никак читателю не объяснишь, что представление закончено.

В пору юности я был наивен, но поскольку не просил, чтобы меня произвели на свет, то спросил совета у своего тогдашнего литературного агента -- как закончить рассказ, не перебив всех героев. Мой агент работал литературным редактором в толстом журнале и, кроме того, был консультантом по сценариям в Голливуде.

Он сказал: "Нет ничего проще, мой мальчик, -- герой садится на лошадь и уезжает за горизонт, освещенный закатным солнцем".

Спустя много лет он в здравом уме и твердой памяти покончит с собой, застрелится из дробовика двенадцатого калибра.

Один его друг -- и клиент, как я -- сказал, что он никак не мог покончить с собой, это было на него так непохоже.

Я ответил: "Даже пройдя военную подготовку, человек не сможет случайно снести себе череп из дробовика".

Задолго до этого, в свою бытность студентом в Чикагском университете, я как-то заговорил со своим научным руководителем об искусстве. Об искусстве вообще. В то время у меня и мысли не было, что я буду заниматься одним из искусств.

Он спросил: "Вы знаете, кто такие художники?"

Я не знал.

"Художники, -- сказал он, -- это люди, которые говорят: "Я не могу исправить мою страну, мой штат или мой город, даже свою семью. Но, ей-богу, я могу сделать этот квадрат холста или вот этот кусок бумаги размером восемь с половиной на одиннадцать дюймов^[30], или этот кусок глины, или двенадцать нотных линий точно такими, какими они должны быть!"

Спустя пять лет после этого он проделал то же, что проделали гитлеровский министр пропаганды, его жена и их дети в конце Второй мировой войны. Он проглотил ампулу с цианистым калием.

Я написал его вдове письмо, рассказав, как много для меня значили его советы. Я не получил ответа. Может быть, она не могла писать, сломленная горем. А может, она проклинала его за то, что он избрал такой легкий способ вырваться изо всего этого.

Этим летом я спросил писателя Уильяма Стайрона в китайском ресторане, у скольких людей на всей планете есть то, что есть у нас, именно жизнь, которую стоит жить. Между нами говоря, мы сошлись на семнадцати процентах.

На следующий день я отправился на прогулку по среднему Манхэттену вместе со своим давним другом, врачом, который лечит всяких разных наркоманов в больнице Бельвю. Многие его пациенты -- бездомные, у многих -- СПИД. Я рассказал ему о наших со Стайроном семнадцати процентах. Он с нами согласился.

Как я писал где-то в другом месте, это святой человек. Я считаю святым любого, кто ведет себя порядочно, живя в непорядочном обществе.

Я спросил его -- почему половина из его пациентов не покончила с собой. Он сказал, что сам задавал себе этот вопрос. Иногда он спрашивал их, хотя это не относилось к обычной медицинской практике при лечении наркоманов, нет ли у них мысли о самоубийстве. Он сказал, что почти все -- исключений было ничтожно мало -- были удивлены и оскорблены этим вопросом. Идея совершить ТАКОЕ никогда не приходила им в голову.

Тут мы случайно встретили одного его бывшего пациента. Он шел, неся пластиковую сумку, полную собранных им алюминиевых банок. Он был одним из тех, кого Килгор Траут называет "жертвенной скотиной". На него было удивительно приятно смотреть, хотя он был нищий.

"Привет, док", -- сказал он.

43

Вопрос: Что это за белое вещество в птичьей дерьме?

Ответ: Это тоже птичье дерьмо.

Вот вам и наука, вот как она помогает в нашу эпоху экологических катастроф. Детская коляска из Хиросимы давно остыла, Чернобыль все еще теплится. Дезодоранты, которыми мы прыскаем себе под мышки, прогрызли дыры в озоновом слое.

Это искусство или нет?

А теперь вот что. Мой старший брат Берни, который никогда ничего не рисовал -- не умел, -- который говорил, что не любит картины, поскольку они ничего не делают -- худшее оскорбление в его языке, -- а только год за годом висят на стене, этим летом стал художником!

Я вас не обманываю! Этот доктор физико-химических наук из Массачусетского технологического теперь Джексон Поллок^[31] людей со средними доходами. Он сдавливал комки красок различных цветов и плотностей между двух плоских листов чего-нибудь твердого, стекла или плитки. Затем он разнимает листы, и вот оно! Он занялся этим не потому, что у него рак. Когда он начал этим заниматься, он еще не знал, что болен, да и в любом случае у него поражены легкие, а не мозг. Просто как-то раз ему нечего было делать, жены у него -- вдовца -- не было, так что она не могла задать ему сакраментальный вопрос: "Чем это ты занялся? У тебя крыша поехала?" И вот вам результат! Лучше поздно, чем никогда. Он отправил мне несколько ксерокопий его давленных миниатюр. Обычно похоже на что-то древовидное, может, это деревья или кустарники, а может, грибы или дырявые зонтики. Как бы то ни было, есть на что посмотреть. Если бы кто меня спросил, как мне его произведения, я бы ответил: "Ничего", как когда-то ответил мне мой сын на мой вопрос, хорошо ли я танцую. Потом Берни переслал мне цветные оригиналы, они мне понравились еще больше.

Однако в письме, посланном мне вместе с ксерокопиями, не говорилось о внезапно обретенном счастье. Это был вызов старого технократа поделщикукам от искусства, а я был ярким представителем последних. "Так это искусство или нет?" -- спрашивал он. Он не смог бы задать столь едкий вопрос пятьдесят лет назад, до того, как сформировалась единственная чисто американская школа живописи, абстрактный экспрессионизм, до того, как Джек Разбрызгиватель, Джексон Поллок, был возведен в ранг бога. Вся штука в том, что Джексон Поллок тоже не умел рисовать.

Берни еще сказал, что заодно он изучил интересный научный феномен, а именно, как ведут себя комки, когда их давят тем или иным способом, при том, что краска может расползаться только в стороны. Если всяким буонарроти-ни-черта-на-обороте его картины не понравятся, то он думает, что его работы, например, смогут указать путь к созданию более качественных смазочных материалов, мазелей для загара и Бог знает чего еще.

Он заявлял, что не будет подписывать свои картины, и не признает прилюдно, что создал их, и не расскажет, как он их делает. Он просто хочет, чтобы у напыщенных критиков расплавились мозги, когда он задаст им свой коварный вопрос: "Это искусство или нет?"

Я был рад ответить откровенно мстительным посланием. Я мстил Берни за то, что он и отец лишили меня возможности учиться в колледже свободным искусством. "Дорогой брат, я буду говорить вещи общеизвестные, -- начал я.

-- Есть много добрых людей, на которых положительно воздействуют некоторые, хотя и не все, цветовые пятна и формы, нанесенные людьми на плоские поверхности. Сами по себе эти цветовые пятна не имеют смысла.

Тебе самому доставляет удовольствие кое-какая музыка, то есть сложные шумы, которые тоже сами по себе не имеют смысла. Если я столкну ведро вниз по ступеням, а затем скажу, что шум, созданный мной, находится с точки зрения философии на одной ступени с "Волшебной флейтой", со мной никто не станет оживленно спорить. Ты бы мне ответил так: "Мне нравится то, что сделал Моцарт, и не нравится то, что сделало ведро". И ты был бы абсолютно прав. Это правильный ответ.

Созерцание произведения искусства -- это особый род социальной активности. Или вы в результате считаете, что не зря провели время, или ваше мнение прямо противоположное. Потратив это время, не обязательно задавать вопрос почему. Вообще не надо ничего говорить.

Братишка, ты ведь известный экспериментатор. Если тебе действительно интересно, "искусство или нет" твои картины, как ты говоришь, то выстави их где-нибудь на всеобщее обозрение и посмотри, будут ли люди на них смотреть. Таковы правила игры. Потом расскажи мне, как все было".

Я продолжал: "Люди, способные получать удовольствие от рисунков, отпечатков или тому подобного, редко получают его, если ничего не знают об их авторе. Ситуация снова становится скорее общественной, нежели научной. Любое произведение искусства наполовину состоит из разговора между двумя человеческими существами. В разговоре часто излишне знать, с кем разговариваешь. Известен ли твой собеседник как человек серьезный, верующий, страдающий, похотливый, буйный, искренний, остроумный?

Практически не существует признанных произведений искусства, созданных людьми, о которых ничего не известно. Даже о тех, кто создавал рисунки в пещерах под Ласко во Франции, мы кое-что можем предполагать.

Я отважусь заявить, что ни одна картина не может привлечь к себе серьезного внимания без некоего образа своего автора, связанного с картиной в мозгу человека, смотрящего на нее. Если ты не желаешь ставить подпись под своими картинами и не хочешь говорить, почему ты думаешь, что другие найдут в них что-то стоящее, то твой выстрел бьет мимо цели.

Картины знамениты своей человечностью, а не своей картинностью".

х х х

Я продолжал: "Есть еще вопрос мастерства. Настоящие ценители картин любят, скажем так, следить за работой художника, пристально разглядывать холст, пытаться понять, как была создана иллюзия. Если ты не хочешь говорить, как ты создаешь картины, то твой выстрел снова бьет мимо цели.

Всего наилучшего. Я люблю тебя", -- написал я. И подписался.

44

Я сам рисую черными индийскими чернилами на искусственном шелке. Художник вдвое моложе меня, Джо Петро Третий^[32], живущий в Лексингтоне в штате Кентукки, печатает их с помощью шелкографии. Я рисую на куске шелка черными чернилами часть рисунка, которая должна иметь такой-то цвет, и так для каждого цвета. Я не вижу своих рисунков в цвете, пока Джо не напечатает их, по одному цвету за проход.

Я делаю негативы, он -- позитивы.

Может быть, есть более легкий, быстрый и дешевый способ создавать картины. Он может оставлять нам больше времени на гольф, на изготовление моделей самолетов и на подрочить. Надо нам провести исследование на эту тему. Мастерская Джо похожа на средневековую типографию

Я так благодарен Джо за то, что он предложил мне делать негативы как раз тогда, когда маленький радиоприемник у меня в мозгу перестал получать сообщения оттуда, откуда приходят блестящие идеи. Искусство так затягивает.

Оно как пылесос.

х х х

Вот что я вам расскажу. Три недели назад (отсчитывать от момента, когда я это пишу), 6 сентября 1996 года, мы с Джо открыли выставку из двадцати шести наших отпечатков в Галерее 1/1 в Денвере, штат Колорадо. Небольшая пивоварня под названием "Уинкоп" выпустила по этому случаю специальное пиво. На этикетке был один из моих автопортретов. Пиво называлось "Куртов ячмень в миллю длиной".

Вы думаете, это не смешно? А я вам вот что расскажу. В это пиво, по моей подсказке, добавили немного кофе. Что в этом такого? С одной стороны, оно действительно вкусное, а с другой -- это дань памяти моему дедушке по матери Альберту Либеру, который был пивоваром, пока ему не связал руки Сухой закон 1920 года. Секретным ингредиентом в придуманном им сорте -- он завоевал для Пивной Компании Индианаполиса Золотую медаль на Парижской выставке 1889 года -- был именно кофе.

Дин-дин-дон!

Вы все еще думаете, что этого недостаточно, чтобы развеселить денверскую публику? Отлично, а как насчет того, что владельца Пивоваренной Компании Уинкоп, ровесника Джо, звали Джон Хикенлупер? Что в этом такого? А вот что. Когда пятьдесят шесть лет назад я поступил в Корнелльский университет, чтобы стать химиком, я вступил в студенческое общество вместе с человеком по имени Джон Хикенлупер.

Дин-дин-дон?

Мой пивовар был его сыном! Мой друг по студенческому обществу умер, когда его сыну было всего семь лет. Я знал о нем больше, чем его сын. Я мог рассказать этому молодому пивовару о том, что его отец вместе с еще одним членом того же студенческого общества, Джоном Локком, продавал конфеты, прохладительные напитки и сигареты в большом туалете на втором этаже дома, где было наше общество.

Мы называли его Пакетбот Хикенлупера. Мы называли его еще Пакетлуп Хикенбопера, Хикенпак Ботетлупера, Хикетбот Пакенлупера и так далее.

Счастливые деньки! Мы думали, мы будем жить вечно.

Старое пиво в новые бутылки. Старые шутки слышишь от новых людей.

Я рассказал молодому Джону Хикенлуперу шутку, которой меня научил его отец. Шутка такая. Мы договорились, что, если его отец говорил мне, не важно, где мы с ним были, "Уж не член ли ты Черепашьего Клуба?", я был обязан заорать как можно громче: "КЛЯНУСЬ СВОЕЙ ЗАДНИЦЕЙ, ДА!"

Я имел право проделать то же самое с его отцом. Воспользовавшись каким-нибудь весьма торжественным случаем -- зачастую на церемонии принятия новых членов в общество, -- я мог прошептать ему на ухо: "Уж не член ли ты Черепашьего Клуба?" Он был обязан заорать как можно громче: "КЛЯНУСЬ СВОЕЙ ЗАДНИЦЕЙ, ДА!"

45

Вот еще одна старая шутка. "Привет, меня зовут Сполдинг. Думаю, вы держали в руках мои яйца". Ее больше никто не понимает, поскольку Сполдинг больше не является крупнейшим в Индианаполисе поставщиком куриных яиц, так же как питье Золотого Пива Либеры больше не является любимым видом отдыха на Среднем Западе, так же как компания "Скобяные изделия Воннегута" больше не является производителем и продавцом качественных и полезных в хозяйстве вещей.

Компания по производству скобяных изделий разорилась под влиянием конкурентов. Пивная компания Индианаполиса была закрыта по 18-й поправке к Конституции Соединенных Штатов, принятой в 1919 году. Она гласила, что производство, продажа и транспортировка спиртных напитков объявляются на территории США незаконными.

Юморист Кин Хаббард из Индианаполиса сказал, что сухой закон -- это даже лучше, "чем если бы спиртного вовсе не существовало". Спиртные напитки оставались под запретом до 1933 года. К тому моменту бутлегер^[33] Аль Капоне прибрал к рукам весь Чикаго, а Джозеф П. Кеннеди, отец убитого президента, стал мультимиллионером.

В полдень того дня, когда в Денвере открывали нашу с Джо Петро Третьим выставку -- это было воскресенье, -- я в одиночестве проснулся в комнате самого старого тамошнего отеля под названием "Оксфорд". Я знал, где я нахожусь и как я сюда попал. Это было удивительно, потому что накануне я

нализался дедовским пивом до синих соплей.

Я оделся и вышел. Никто еще не проснулся. По улице никто не ехал. Если бы свобода воли снова взяла мир за жабры в этот момент, я бы потерял равновесие и упал, но меня никто бы не задавил.

Когда свобода воли снова возьмет всех за жабры, лучше всего быть пигмеем из племени мбути и сидеть в дождливых африканских джунглях в Заире.

В двухстах ярдах от моего отеля находились остатки того, что когда-то было центром, бьющимся сердцем города. Я имею в виду железнодорожный вокзал. Он был построен в 1880 году. В наши дни на нем останавливается лишь два поезда в день.

Я и сам был достаточно похож на ископаемое животное, раз мог вспомнить ужасную музыку шипения и грохота паровозов, их скорбные свистки, их ритмичный перестук колес на стыках ре'льсов, звуки колокольчиков на переездах, приближающиеся и удаляющиеся согласно эффекту Доплера.

Я помню и историю рабочего движения, ведь именно железнодорожники впервые добились забастовками увеличения заработной платы и более безопасных условий труда. Только потом это удалось шахтерам, литейщикам, текстильщикам и так далее. Море крови было пролито в этих битвах, казавшихся большинству американских писателей моего поколения не менее достойными, чем битвы с иноземными врагами.

Оптимизм, которым пропитано большинство наших произведений, основан на нашей вере, что после Великой Хартии Вольностей, Декларации Независимости, Билля о Правах и Девятнадцатой поправки к Конституции, которая в 1920 году дала женщинам право голоса, мы просто обязаны создать некую систему экономической справедливости. Это было бы вполне логичным следующим шагом.

И сегодня, в 1996 году, я в своих выступлениях предлагаю следующие поправки к Конституции.

Поправка XXVIII: Каждый новорожденный должен быть желанным и о нем следует заботиться до его совершеннолетия.

Поправка XXIX: Каждому совершеннолетнему, если он нуждается в этом, будет предоставлена интересная работа с доходом не меньше прожиточного минимума.

Вместо этого мы -- покупатели, наемные рабочие, инвесторы -- создали такие горы ценной бумаги, что горстка людей, за них отвечающая, может класть миллионы в собственный карман так, что никто этого не заметит.

Мое поколение в большинстве своем разочаровано.

46

Вы не поверите! Килгор Траут, который до своего попадания в Запад не видел ни одного спектакля, не только написал пьесу после своего возвращения со Второй мировой войны, но и зарегистрировал авторские права на нее. Я недавно нашел ее в электронных хранилищах библиотеки конгресса. Она называется "Старый сморщенный слуга семьи".

Это -- словно подарок на день рождения от моего компьютера мне, который сидит здесь, в Занаду, в номере имени Синклера Льюиса. Ура! Вчера было 11 ноября 2010 года. Мне исполнилось восемьдесят восемь, или девяносто восемь, если считать "подарочный червонец". Моя жена, Моника Пеппер Воннегут, говорит, что восемьдесят восемь -- это счастливое число, но и девяносто восемь тоже неплохо. Она с головой ушла в нумерологию.

Моей дорогой дочери Лили 15 декабря исполнится двадцать восемь. Кто бы мог подумать, что я доживу до этого?

х х х

"Старый сморщенный слуга семьи" -- о свадьбе. Невеста -- Мирабиле Дикту^[34], девственница. Жених -- Флагранте Деликто^[35], бессердечный бабник.

Сотто Воче^[36] -- гость, стоящий с краю, тихо обращается к своему соседу: "Я не люблю мучаться с этими свадьбами. Я просто нахожу женщину, которая меня ненавидит, и даю ей дом".

Наблюдая, как жених целует невесту, собеседник Сотто Воче отвечает: "Все женщины -- психопатки. Все мужчины -- сопляки".

Почтенного старого слугу семьи, плачущего горячими слезами за пальмой в

кадке, зовут Скротум^[37].

Монику до сих пор мучает загадка, кто же оставил зажженную сигару под датчиком задымления в картинной галерее академии за несколько минут до того, как закончился "подарочный червонец". Это было девять с лишним лет назад! Кто знает? Что будет, если мы это узнаем? А что будет, если мы узнаем, что такое белое вещество в птичьей дерьме?

Что Килгор Траут сделал с сигарой? Он потушил ее, раздавил о блюдце. Он давил и давил ее, как будто она была в ответе не только за включение датчика задымления, но и за все то, что творилось снаружи. Так сам Траут объяснял Монике и мне.

"Смазывают то колесо, которое громче скрипит", -- сказал он.

Он сказал, что осознал абсурдность того, что делает, лишь тогда, когда снял со стены картину, чтобы сбить углом рамы датчик. В этот самый момент датчик замолчал по собственной воле.

Траут повесил картину обратно и даже проверил, висит ли она ровно. "Мне почему-то казалось важным повесить картину ровно, -- сказал он, -- на правильном расстоянии от остальных. Так я мог внести хоть малость порядка в эту беспорядочную Вселенную. Я был рад, что мне выпала такая возможность".

Он возвратился в холл, надеясь, что вооруженный охранник пришел в себя. Но Дадли Принс по-прежнему стоял как истукан, все еще полагая, что если он пошевелится, то снова окажется в тюрьме.

Траут снова обратился к нему: "Очнись! Очнись! У тебя снова есть свобода воли, а надо столько сделать!" В таком вот роде.

Ноль эффекта.

Тут на Траута снизошло вдохновение. Вместо того чтобы рекламировать свободу воли, в которую он сам не верил, он сказал вот что: "Ты был болен! Теперь ты снова здоров. Ты был очень болен! Теперь ты снова в порядке".

Эта мантра сработала.

Траут мог бы стать великим рекламным агентом. То же самое говорили об Иисусе Христе. Основой любой рекламной кампании служит обещание, в которое можно поверить. Иисус обещал лучшую жизнь после смерти. Траут обещал то же самое здесь и сейчас.

Дадли Принс начал медленно превращаться из истукана в человека. Траут помогал ему в этом, советуя стибать руки и ноги, высовывать язык, качать головой и так далее.

Траут, у которого никогда не было свидетельства о среднем образовании, тем не менее стал настоящим доктором Франкенштейном!

47

У моего дяди Алекса Воннегута, который говорил, что, когда мы счастливы, нам следует громко выражать свой восторг, была жена, тетя Рей. Она считала его круглым идиотом. Идиотом его, вероятно, считали и в Гарварде, с самого первого курса. На первом курсе дяде Алексу задали сочинение на тему "Почему я приехал учиться в Гарвард из такого далекого Индианаполиса". Дядя обожал рассказывать, что главная мысль его опуса сводилась к следующему: "Потому что мой старший брат учится в Массачусетском технологическом".

У него не было детей. Он не держал дома оружие. Зато у него было много книг, и он все время покупал новые и давал мне почитать те, которые считал достойными. Когда он хотел прочесть мне вслух тот или иной особенно удачный отрывок из какой-нибудь книги, ему приходилось устраивать многочасовые поиски. Дело было вот в чем: его жена, тетя Рей, о которой говорили, что в ней есть что-то от художника, расставляла книги по полкам так, чтобы совпадали размеры томов, цвет обложки и тиснение на корешке.

О сборнике эссе своего возлюбленного Х.Л.Менкена он мог бы сказать: "Кажется, книга была зеленая, примерно такой высоты".

Его сестра, а для меня тетя Ирма, однажды сказала мне -- я уже был достаточно взрослый: "Все мужчины в семье Воннегутов до смерти боятся женщин". Ее братья боялись ее как огня, это уж точно.

Послушайте. То, что мой дядя Алекс закончил Гарвард, не было для него победой в дарвиновской войне с братьями по виду. Его отец -- архитектор Бернارد Воннегут -- отправил его туда просто, чтобы он "окультурился", и ему

это, безусловно, удалось, хотя потом он и оказался под каблуком у жены и стал всего лишь страховым агентом.

Я бесконечно благодарен ему, а также -- опосредованно -- тому, чем был когда-то Гарвард, за то, что я умею находить в хороших книгах, иной раз очень смешных, что-то, что придает жизни смысл, несмотря ни на что.

Складывается представление, что книги, какими их любили я и дядя Алекс -- незапертые коробки на петлях, в которых лежат листы бумаги с чернильными пятнышками, -- устарели. Мои внуки уже многое прочитывают с видеозэкрана.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, подождите минуточку!

Когда книги только что придумали, они были такими же практичными приспособлениями для хранения и передачи информации, как и последние чудеса из Силиконовой долины, хотя они и были изготовлены из едва-едва обработанных растений, растущих в лесах и полях, и шкур животных. Но по чистой случайности -- ведь никто ничего не рассчитывал заранее -- оказалось, что их вес, их внешний вид, что у них нужно переворачивать страницы, заставляют наши руки и глаза, а затем уже и ум и душу отправляться в некое духовное приключение. Мне было бы жаль, если мои внуки не смогут туда отправляться.

48

Мне кажется очень симптоматичным, что величайший поэт и величайший драматург нашего столетия в один голос отрицали, что они родом со Среднего Запада, и особенно, что они родом из Сент-Луиса, штат Миссури, Я имею в виду Т. С. Элиота, который под конец жизни говорил и писал как вылитый архиепископ Кентерберийский, и Теннесси Уильямса, выпускника Вашингтонского университета Сент-Луиса и Университета Айовы, который под конец жизни говорил и писал как вылитый Эшли Уилкс из "Унесенных ветром".

Нет, конечно, Теннесси Уильяме родился в Миссисипи, но семи лет от роду он переехал в Сент-Луис. И он сам взял себе имя Теннесси, когда ему исполнилось двадцать семь лет. До этого его звали Том.

Килгор Траут родился в больнице на Бермудах. Там его отец Реймонд собирал материал к своей докторской диссертации о бермудских орланах-белохвостах. Единственное сохранившееся гнездовье этих огромных синих птиц, самых больших из всех морских летающих хищников, находилось на Скале Мертвеца, лавовом островке в самом центре знаменитого Бермудского треугольника. Кроме орланов, на острове никто не жил. Траут был зачат именно на Скале Мертвеца -- там его родители провели медовый месяц.

Самое интересное с этими орланами было то, что в ускоренном сокращении их популяции были виновны самки орланов, а не, скажем, люди. Дело происходило так. На протяжении примерно тысячи лет самки откладывали яйца, высиживали их, а потом учили птенцов летать, спихивая их со скалы.

Но когда на остров приехал соискатель ученой степени доктора биологических наук Реймонд Траут со своей супругой, он обнаружил, что самки решили ускорить процесс. Они так же спихивали птенцов со скалы, но теперь делали это прежде, чем те успевали вылупиться.

Так отец Килгора Траута по счастливой случайности стал благодаря инициативе самок бермудского орлана-белохвоста специалистом по механизмам эволюции, управляющим судьбой видов, механизмам иным, нежели бритва Оккама или дарвиновский естественный отбор.

Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы семья Траутов не провела лето 1926 года на берегу озера Разочарование в провинции Новая Шотландия^[38] вместе с маленьким Килгором. Ему тогда было девять лет. В тех местах жила особая популяция дятлов Далхузи. Эти дятлы бросили долбить деревья -- это же такой тяжкий труд -- и вместо этого стали питаться мушками, живущими на оленях и лосях.

Дятлы Далхузи -- это самые обыкновенные дятлы. Ареал распространения -- восток Канады, от Ньюфаундленда до Манитобы и от Гудзонова залива до Детройта, штат Мичиган. Но только дятлы с озера Разочарование, с такими же хохолками, спинками и окрасом, как и у остальных, перестали по старинке добывать жучков "в поте лица своего", выклеывая их по одному из ходов, которые жучки прогрызают в стволах деревьев.

Впервые дятлов застали за поеданием мушек в 1916 году, когда в другом полушарии бушевала Первая мировая война. С тех пор никто не исследовал дятлов Далхузи с озера Разочарование. Причина этому следующая. Облака

прожорливых мушек, по словам Траута, очень похожие на смерчи в миниатюре, сделали место обитания дятлов Далхузи непригодным для жизни человека.

Итак, семья Траута провела лето именно там. С утра до ночи, какой бы жаркой ни была погода, они не снимали с себя одежду пчеловодов -- перчатки, рубашки с длинным рукавом, подвязанные на запястьях, длинные штаны, подвязанные на коленях, широкополые шляпы с сетками. Им нужно было защитить свои головы и шеи. Отец, мать и сын таскали оборудование, тяжелую камеру для съемок и треногу по болотистыми участкам, впрягшись в телегу.

Доктор Траут собирался заснять самых обычных дятлов Далхузи, совершенно таких же по виду, как остальные, но долбящих спины оленей и лосей, а не стволы деревьев. Уже этих съемок будет достаточно, чтобы доказать, что низшие животные могут эволюционировать не только биологически, но и культурно. Рассматривая отснятое Траутом, можно было подумать, что какая-то птица из стаи была своего рода Альбертом Эйнштейном среди дятлов. Она хорошенько подумала и доказала, что мушки ничуть не менее съедобны, чем то, что можно вытащить из древесных стволов.

Ну да не тут-то было! Доктора Траута ждал грандиозный сюрприз. Мало того, что дятлы с озера Разочарование были до тошноты жирные и поэтому служили легкой добычей для хищников. Они еще и взрывались! Споры древесных грибов, росших рядом с гнездами дятлов Далхузи, стали источником новой болезни кишечного тракта разжиревших птиц. Они реагировали с некоторыми химическими элементами, содержащимися в телах поедаемых дятлами мушек.

Гриб начинал жить внутри птиц, и в какой-то момент количество выделяемой им двуокиси углерода достигало критической точки, и птица взрывалась! Один такой дятел, возможно последний из тех, что Траут наблюдал во время своего эксперимента на озере Разочарование, взорвался спустя год в центральном парке города Детройт, штат Мичиган, спровоцировав беспорядки, которых давно уже не видели в Автомобильном городе^[39].

49

Однажды Траут написал рассказ о беспорядках. Они происходили на планете, вдвое большей, чем Земля, вращавшейся вокруг звезды под названием Пьюк, белого гиганта. Было это два миллиона лет назад.

Как-то я и мой старший брат Берни зашли в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Было это за много лет до катаклизма. Я спросил его тогда, верит ли он в дарвиновскую теорию эволюции. Он сказал, что верит. Я спросил почему, и он ответил: "Потому что больше ничего не остается".

Реплика Берни напомнила один очень старый анекдот сродни анекдоту про "Дин-дин-дон, мать твою так!". Один парень собрался пойти поиграть в карты, а его друг говорит ему, что играть с ним будут нечестно. Парень отвечает: "Да, я знаю, но больше ничего не остается".

Я слишком ленив, чтобы привести точную цитату, но английский астроном Фред Хойл сказал что-то вроде того, что вера в дарвиновскую теорию эволюции мало отличается от веры в то, что если на заводском складе поднимется ураган, то из летающих в воздухе запчастей может сам собой собраться "Боинг747".

Не важно, как уж там с теорией эволюции, но скажу вам, что жирафы и носороги выглядят по-дурацки.

По-дурацки выглядят и люди с мозгами, "младшим братом" и другими частями тела. Потому выглядят, что они ненавидят жизнь, хотя притворяются, что любят ее, и ведут себя соответственно. "Пристрелите меня кто-нибудь, пока я счастлив!!!"

Килгор Траут, сын орнитолога, написал в книге "Десять лет на автопилоте": "Фидуциарий -- это выдуманная птица. Она никогда не существовала в природе, никогда не могла существовать, и не будет никогда существовать".

Траут был единственным человеком, которым говорил, что фидуциарий -- это птица. Существовательное (от латинского *fiducia* -- доверие, вера) на самом деле определяет особь вида *Homo sapiens*, которая хранит имущество, в настоящее время и основном бумажные или электронные эквиваленты сокровищ, принадлежащее другим людям, а также средства, принадлежащие правительствам.

Такая особь не может существовать, и все из-за мозгов, "младшего брата" и прочего. Поэтому сейчас, летом 1996 года, вне зависимости, до катаклизма, после ли, среди нас живут бесчестные держатели капитала, мультимиллионеры и мультимиллиардеры, которым интереснее бросать деньги на ветер, чем тратить их на создание рабочих мест, на обучение людей, которые могли бы работать на этих местах, на воспитание молодежи и заботу о стариках, на то, чтобы все чувствовали себя удобно и в безопасности.

Ради Бога, давайте поможем нашим перепуганным до смерти собратьям пройти через это, что бы это ни было.

Зачем тратить деньги на решение проблем? Затем, что деньги для этого придуманы.

Надо ли перераспределить заново богатство нации? Оно каждую секунду заново перераспределяется между очень небольшим числом людей, причем самым бесполезным образом.

Отмечу, что мы с Траутом никогда не использовали точку с запятой^[40]. Она ничего не делает, ничего не значит. Она -- гермафродит-трансвестит.

Да, и любая мечта о заботе о людях может оказаться таким же гермафродитом-трансвеститом, не имеющим понятия, как поддержать человека, как стать ему другом. А в большой семье это возможно, в большой семье сочувствие и жалость к ближнему приживаются, чего нельзя сказать о великих нациях, в большой семье фидуциарий вовсе не такая выдуманная птица, как птица Рок или птица Феникс.

50

Я настолько стар, что помню времена, когда слово "срать" казалось настолько неприличным, что ни одно приличное издательство его бы не напечатало.

Таким же неприличным, да еще и подрывным словом, которое, впрочем, можно было произносить в приличной компании -- при условии, что в тоне говорящего звучали неприкрытый страх и отвращение, -- было слово коммунизм. Оно означало вид деятельности, которой представители отсталых народов занимаются не реже, чем срут.

Поэтому можно прямо сказать, что сатирик Пол Краснер проявил редкое остроумие, когда во время Вьетнамской войны, которая была откровенным сумасшествием, стал печатать красно-бело-синие наклейки на бамперы с надписью "КОММУНИСТЫ ПРООРУТ!" Кто бы еще нашим ханжам-патриотам подложил такую свинью!

Я, конечно, понимаю, что широко распространенное по сию пору и, возможно, пребудущее во веки веков отвращение к слову коммунизм является здоровой реакцией на жестокости и идиотизм советских диктаторов, которые называли себя -- как-как? -- коммунистами, видимо, по примеру Гитлера, который называл себя -- как-как? -- христианином.

Однако мне, как и всем тем, чье детство пришлось на Великую депрессию, все еще кажется очень несправедливым объявлять это слово неприличным только из-за того, что те, кто называл себя коммунистами, были кровавыми преступниками. Для нас это слово означало только лишь возможный достойный ответ на зверства людей с Уолл-стрит.

Кстати, слово социалист дало третье С в СССР, так что и со словом социализм нам следует проститься, как прежде со словом коммунизм, и вместе с ним проститься с душой Юджина Дебса из Терре-Хота, штат Индиана, где лунный свет залил Уобаш^[41]. С полей доносится запах свежего сена.

"Пока хоть одна душа томится в тюрьме -- я не свободен".

Великая депрессия была временем, пригодным для обсуждения всех вариантов альтернативы зверствам людей с Уолл-стрит. Они неожиданно разорили массу фирм, в том числе и банки. Крах Уоллстрит оставил миллионы и миллионы американцев без денег. Им не на что было есть, не на что купить одежду, нечем заплатить за ночлег.

И что с того?

Это было почти сто лет назад, если считать "подарочный червонец".

Следствие окончено, забудьте! Почти все, кто был тогда жив, сейчас -- мертвее дохлой кошки. Счастливого социализма в рай!

Что важно, так это то, что днем 13 февраля 2001 года Килгор Траут излечил Дадли Принса от посткатаклизменной апатии. Траут пытался заставить его сказать хоть что-нибудь, хотя бы что-нибудь бессмысленное. Траут предложил ему попытаться сказать "Я клянусь в верности флагу" или еще что-нибудь, чтобы Дадли смог убедиться, что его судьба снова у него в руках.

Поначалу у Принса заплетался язык. Он не стал клясться в верности флагу, он дал понять, что пытается разобраться в том, что сказал ему Траут за последние минуты. Дадли сказал: "Ты говорил, что у меня что-то есть".

"Ты был болен, но теперь ты снова в порядке, и надо столько сделать", -- сказал Траут.

"Нет, до этого, -- сказал Принс. -- Ты говорил, что у меня что-то есть".

"Забудь об этом, -- сказал Траут. -- Я был не в себе. Это не важно".

"Я все-таки хочу знать, что такое у меня есть", -- сказал Принс.

"Я сказал, что теперь у тебя снова есть свобода воли", -- сказал Траут.

"Свобода воли, свобода воли, свобода воли, -- повторил Принс со странным изумлением на лице. -- Я все пытался понять, что у меня такое есть. Теперь я знаю, как это называется".

"Пожалуйста, забудь о том, что я сказал, -- сказал Траут. -- Надо спасти людей!"

"Знаешь, что я попрошу тебя сделать с этой свободой воли?" -- спросил Принс.

"Нет", -- ответил Траут.

"Засунь ее себе в задницу", -- сказал Принс.

51

Когда я сравнил Траута, приводящего в чувство Дадли Принса в холле Американской академии искусств и словесности, с доктором Франкенштейном, я, естественно, имел в виду антигероя романа "Франкенштейн, или Современный Прометей" Мери Уоллстонкрафт Шелли, второй жены английского поэта Перси Биши Шелли. В этой книге ученый Франкенштейн сшил вместе куски тел разных людей. Получился человек.

Франкенштейн пытался оживить его с помощью электрического тока. Результаты, описанные в книге, прямо противоположны тем, которые достигаются в реальности в американских тюрьмах с помощью настоящих электрических стульев. Большинство людей думают, что Франкенштейн -- это монстр. Монстра зовут иначе. А Франкенштейн -- ученый.

В греческой мифологии Прометей сотворил из глины первого человека. Он украд с небес огонь и дал его людям, чтобы они могли обогреться и приготовить еду, а вовсе не для того, как полагают некоторые, чтобы взрывать к такой-то матери этих маленьких желтых ублюдков в японских городах Хиросима и Нагасаки.

Во второй главе моей чудесной книги, которую вы сейчас читаете, я упоминал о памятной церемонии в церкви Чикагского университета, посвященной пятидесятой годовщине атомной бомбардировки Хиросимы. Я сказал тогда, что не могу не уважать мнение своего друга Уильяма Стайрона, который считает, что бомбардировка Хиросимы спасла ему жизнь. Когда сбросили бомбу, Стайрон служил на американском морском флоте, отрабатывая действия по вторжению на Японские острова.

Но я не мог не сказать еще одну вещь. Я сказал, что знаю одно слово, которое доказывает, что наше демократическое правительство способно грязно, жестоко, по-расистски убивать безоружных мужчин, женщин и детей, убивать просто так, ни по какой военной необходимости, Я произнес это слово. Это было иностранное слово. Это было слово Нагасаки,

Вернемся к нашим баранам. В конце концов бомбу сбросили давным-давно, даже за десять лет до "давным-давно", если считать "подарочный червонец". Что я хотел бы отметить, так это слова, которые вывели из ступора Дадли Принса, известные как "Кредо Килгора Траута". Эти слова не потеряли свою актуальность и сейчас, спустя годы после возвращения свободы воли. Эти слова все еще про нас. Вот эти слова: "Ты был болен, но теперь ты снова в порядке, и надо столько сделать".

Я слышал, как учителя в государственных школах каждый день повторяют

школьникам Кредо Траута вслед за Клятвой верности и Отче наш. Учителя говорят, что это помогает.

Один мой друг сказал мне, что на прошлой неделе был на свадьбе, где в конце церемонии священник сказал: "Вы были больны, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать. Объявляю вас мужем и женой".

Одна моя подруга, биохимик в фирме, производящей еду для кошек, рассказала, как однажды она остановилась в одном отеле в Торонто, Канада. Она попросила портье разбудить ее утром. На следующее утро она подняла трубку, и телефонист сказал: "Вам было плохо, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать. Сейчас семь часов утра, температура на улице -- 32 градуса по Фаренгейту или 0 по Цельсию".

В течение двух недель, прошедших с полудня 13 февраля 2001 года, Кредо Траута сделало для спасения жизни на Земле столько же, сколько поколением раньше эйнштейновское $E=mc^{[2]}$ сделало для ее уничтожения.

Траут научил этим волшебным словам Дадли Принса, и он произнес их двум другим вооруженным охранникам в академии. Они отправились и бывший Музей американских индейцев и произнесли их сидевшим там без движения бомжам. Около трети ожившей жертвенной скотины сразу стали ярыми борцами с ПКА. Вооруженные одним лишь Кредо Траута, эти тертые ветераны безработицы градом рассыпались по окрестностям, возвращая живые статуи к жизни, полной смысла, -- они могли помочь раненым или, по крайней мере найти себе крышу над головой, чтобы к этакой матери не замерзнуть.

"Бог кроется в мелочах", -- гласит цитата из шестнадцатого издания "Знаменитых цитат Бартлетта". Вот вам одна мелочь относительно того, что стало с бронированным лимузином, который доставил Золтана Пеппера, который был впоследствии раздавлен пожарной машиной, пока звонил в звонок у двери академии. Стало с ним вот что. Водитель лимузина Джерри Риверс высадил своего парализованного пассажира в инвалидной коляске, отъехал на пятьдесят метров от академии в сторону реки Гудзон и припарковался.

Он сделал все это прежде, чем закончился "подарочный червонец". Никогда, ни до катаклизма, ни после, Джерри не парковал свой лимузин перед академией. Он не делал этого для того, чтобы никто не заподозрил, что академия не какое-то заброшенное здание, а что-то еще. Если бы порядок был иной, лимузин бы принял на себя удар пожарной машины, и, возможно, Золтан Пеппер, звонивший в звонок, остался бы в живых.

Но какую цену заплатил бы за это мир? Дверь в академию осталась бы цела, и Килгор Траут не смог бы добраться до Дадли Принса и других вооруженных охранников. Траут бы не смог надеть найденный им запасной комплект формы, который придал ему вид начальника. Он не смог бы вооружиться базуккой, хранившейся в академии, и не смог бы с ее помощью отключать разбушевавшуюся сигнализацию в автомобилях, брошенных на стоянках хозяевами.

52

В Американской академии искусств и словесности была базука, поскольку вояки, разгромившие Колумбийский университет, в своем авангарде имели танк, украденный из дивизии Национальной гвардии. Они были такие наглые, что сделали своим знаменем Старую славу, Звезды и Полосы^[42].

Возможно, что вояки, с которыми никто не желал связываться, как и с десятью крупнейшими корпорациями, считали себя воплощением Америки. "Америка, -- написал в книге ДЛНА Килгор Траут, -- это взаимодействие трехсот миллионов свежейизобретенных машин Руба Голдберга".

"Нужно обязательно жить в большой семье", -- добавил он, хотя сам обходился без нее со дня, когда его демобилизовали из армии, то есть с 11 сентября 1945 года по 1 марта 2001 года, когда он, Моника Пеппер, Дадли Принс и Джерри Риверс прибыли в Занаду на бронированном лимузине с набитым до отказа трейлером-прицепом.

Руб Голдберг был газетным карикатуристом. Он жил в последнем столетии предпоследнего тысячелетия по христианскому летосчислению. Он рисовал абсурдные и не всегда работающие машины, где деталями механизмов были прялки, ловушки, бубенцы, свистульки, домашние животные в упряжи, огнетушители, почтальоны, электрические лампочки, хлопущки, зеркала, радиоприемники, граммофоны, пистолеты, стреляющие холостыми патронами, и так далее. Все это добро обычно предназначалось для автоматизации какого-нибудь

пустячного действия, например, такая машина могла закрывать окно.

Траут, как и я сам, не уставал сверлить нам, людям, мозги про то, что нам, людям, нужны большие семьи, потому что нам, людям, они так же необходимы, как белки, углеводы, жиры, витамины и минеральные вещества.

Я только что прочитал об одном молодом отце, который забил своего ребенка до смерти из-за того, что тот не умел еще контролировать мышцы анального сфинктера и все время плакал. В большой семье рядом с ним были бы другие люди, которые бы спасли и успокоили ребенка, да и его отца тоже.

Если бы этот папа вырос в большой семье, то он не был бы таким плохим отцом, а может быть и вовсе не был бы отцом, поскольку был еще слишком молод для того, чтобы быть хорошим отцом, а может быть, и никогда бы не стал отцом, потому что был слишком глупым, чтобы стать им.

В 1970 году, задолго до катаклизма, я был в южной Нигерии. Война с Биафрой шла к концу. Биафра проигрывала, на ее стороне были люди из племени ибо, и еще я. Я встретил человека из племени ибо, у него только что родился ребенок. У него было четыреста родственников! Несмотря на то, что еще шла война, они с женой собирались в путешествие, чтобы показать ребенка всем своим родным.

Когда армии Биафры потребовалось пополнение, большие семьи ибо встретились, чтобы решить, кому следует идти на войну. В мирное время семьи решали, кому следует отправляться в колледж, часто это оказывался Калифорнийский технологический, Оксфорд или Гарвард -- в общем, не ближний свет. После этого вся семья скидывалась, чтобы оплатить путешествие, обучение и одежду, так чтобы член семьи чувствовал себя удобно в тамошнем климате и обществе.

Там, в Нигерии, я встретил писателя из племени ибо по имени Чинуа Ачебе. Он преподавал и писал в Бард-Колледже в Эннандейле-на-Гудзоне, штат Нью-Йорк, индекс 12504. Я спросил его, как сейчас поживают люди из племени ибо. Дело в том, что в Нигерии тогда правила военная хунта, регулярно отправляющая своих критиков на виселицу за переизбыток свободы воли.

Чинуа сказал, что никто из ибо не входит в правительство, да никто и не хочет. Он сказал, что племя ибо выжило за счет малого бизнеса, так что оно не имеет поводов для конфликтов с правительством или с его сторонниками, а в их число входили представители корпорации "Ройял датч шелл".

У них, должно быть, было много встреч, на которых они обсуждали, как себя вести, чтобы выжить.

И они по-прежнему отправляют своих лучших детей в лучшие университеты, до которых ой как далеко.

Когда я прославляю идею семьи и семейных ценностей, я не имею в виду мужчину, женщину и их детей, недавно приехавших в город, перепуганных до смерти, не знающих, где находится туалет, ослепленных экономическим, технологическим, экологическим и политическим хаосом. Я говорю о том, чего так неистово желают все американцы -- и что было у меня в Индианаполисе перед Второй мировой войной, что было у персонажей "Нашего городка" Торнтон Уайлдера, и что есть у племени ибо.

В сорок пятой главе я предложил две поправки к Конституции. Вот еще две. Вы же не скажете, что я многого хочу от жизни, я хочу не больше, чем дает Билль о Правах:

Поправка XXX: Каждый человек по достижении установленного законом возраста объявляется взрослым по прохождении соответствующей публичной церемонии, во время которой он или она должен принять на себя обязанности по отношению к обществу и связанное с этим достоинство.

Поправка XXXI: Все возможные усилия должны быть обращены на то, чтобы каждый человек чувствовал, что по нему будут горько плакать, когда он или она умрет.

Такие вещи, естественно, могут надежно обеспечиваться только большими семьями.

Монстр во "Франкенштейне, или Современном Прометее" становится злым из-за того, что понимает, как плохо жить, если ты такой урод. Он убил

Франкенштейна -- ученого, напомню еще раз. И тут я быстренько сделаю одно замечание. Мой старший брат Берни никогда не был ученым вроде Франкенштейна, он никогда не работал и не будет работать над приборами, которые предназначены только для разрушения. Он не был Пандорой, не распространил новые яды, новые болезни и тому подобное.

По греческой мифологии Пандора была первой женщиной. Ее создали боги, рассердившиеся на Прометея за то, что он создал из глины первого мужчину, а затем украл у них огонь. Создание женщины было их мстью. Они дали Пандоре ящик. Прометей просил его не открывать. Она его открыла. Оттуда вырвалось все зло, с тех пор пребывающее в человеке.

Последней в ящике лежала надежда. Она улетела.

Х Х Х

Это не я придумал. И не Килгор Траут. Это придумали древние греки. Я вот к чему. Франкенштейнов монстр был несчастным и злобным, тогда как люди, которых оживил Траут, были бодры духом и добры, хотя большинство из них не получили бы первого приза на конкурсе красоты.

Я сказал большинство из них не получили бы призов на конкурсе красоты. Там была по крайней мере одна поразительно красивая женщина. Она работала в академии. Ее звали Клара Зайн. Моника Пеппер была уверена, что именно Клара Зайн курила сигару, которая заставила сработать датчик задымления в картинной галерее. Когда Моника обвинила ее в этом, Клара Зайн сказала, что за всю свою жизнь никогда не курила сигар, что она ненавидит сигары, и тут же исчезла.

Я не представляю, что с ней было потом.

Клара Зайн и Моника делали перевязку раненым в бывшем Музее американских индейцев, который Траут превратил в госпиталь. Вот тогда Моника и спросила у Клары насчет сигары, а Клара испарилась.

Траут, сопровождаемый Дадли Принсом и двумя другими вооруженными охранниками, с присвоенной базукой в руках выгнал всех бродяг, которые еще оставались в ночлежке. Это он сделал ради того, чтобы освободить кровати для людей со сломанными конечностями, проломленными черепами и тому подобным, которые нуждались в теплом помещении больше, чем бомжи. Это была сортировка больных по степени тяжести. Траут видел, как это делали на полях сражений Второй мировой войны. "Я сожалею лишь о том, что у меня нет второй жизни. Я бы отдал ее за свою страну", -- говорил американский патриот Натан Хейл. "Бомжи, в жопу!" -- говорил американский патриот Килгор Траут.

Джерри Риверсу, водителю длинного лимузина Пеппера, досталась честь проехать на своей машине мечты по улицам Нью-Йорка, объезжая разбитые автомобили и их жертвы, и добраться до студии телекомпании Коламбия Бродкастинг Системе, что на 52й улице. Он разбудил персонал фразой: "Вы были больны, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать". А после этого он передал эту фразу по радио и телевидению по всей стране от побережья до побережья.

Чтобы убедить телевизионщиков это сделать, он солгал им. Он сказал, что все приходят в себя после атаки нервно-паралитическим газом, которую совершили неизвестные. И первый вариант Кредо Траута, достигший ушей миллионов американцев, а затем -- миллиардов по всему миру, был таков: "Эксклюзивное сообщение Си-би-эс! Неизвестные лица совершили нападение с помощью нервно-паралитического газа. Вы были больны, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать. Удостоверьтесь, что все дети и пожилые люди находятся в безопасности".

54

Ну разумеется! Без ошибок не обошлось! Нет, выстрелы Траута из базуки по автомобильной сигнализации не были ошибкой. Пели писать руководство по поведению в городских районах на случай еще одного катаклизма, следует порекомендовать, чтобы в каждом квартале была базука и были назначены ответственные, знающие, как с ней обращаться.

Ошибки? В руководстве следует указать, что машины сами по себе не отвечают за те повреждения, которые наносят, вне зависимости от того, управляют ими или нет. Наказывать автомобили, словно бы они были беглыми

рабами, пустая трата времени! Автомобили, грузовики и автобусы в нормальном состоянии не должны становиться козлами отпущения только потому, что они -- автомобили. К тому же спасательным командам и беженцам нужен транспорт.

Траут в "ДЛНА" дает такой совет: "Если вы расколотите габаритные огни припаркованного у тротуара "доджа", вы получите временное облегчение. Когда же, однако, все закончится, окажется, что вы просто сделали жизнь его владельца еще большим дерьмом, чем она была. Поступайте с чужими автомобилями так, как желаете, чтобы поступали с вашим.

Мнение, согласно которому автомобиль с выключенным зажиганием может заработать сам, без помощи человека -- чистой воды суеверие, -- продолжает он. -- Если после того, как свобода воли снова возьмет вас за жабры, вы станете вынимать ключи зажигания из брошенных автомобилей, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, бросайте их в почтовый ящик, а не в сточную канаву или мусорный бак".

Самой большим ошибкой, которую совершил Траут, было, вероятно, превращение Американской академии искусств и словесности в морг. Стальная входная дверь и ее рама были водружены на свое место, так что внутри сохранялось тепло. Трупы было бы более правильно хранить на улице -- температура была ниже нуля.

От Траута нельзя было ожидать, что он на чертпоберикакаяжеэтоглушь 155й улице задумается о том, что еще есть самолеты, летящие на автопилоте. Но какой-нибудь пришедший в себя член Федерального управления авиации, разобравшись со всеми авариями, произошедшими на земле, мог бы об этом задуматься. Команды и пассажиры этих самолетов все еще страдали ПКА, и им было абсолютно плевать, что будет, когда закончится топливо.

А меж тем через десять минут, а может быть -- через час, через три часа, или когда-то еще, но их летательный аппарат тяжелее воздуха, летящий на высоте шести миль, станет братской могилой для всех, кто находится на борту.

Для мбути, пигмеев из джунглей Заира в Африке, день 13 февраля 2001 года, по всей видимости, ничем не отличался от любого другого дня, если, конечно, им на голову не упал бандитский самолет после того, как "подарочный червонец" закончился.

Когда свобода воли снопа Перст мир за жабры, хуже всего приходится вертолетам, или вертопрахам, винтокрылым машинам, которые впервые нарисовал Леонардо да Винчи (1452--1519), гений. Вертопрахи не могут парить. Кто вам сказал, что эти штуки вообще должны летать?

Намного безопаснее сидеть в санках или на колесе обозрения.

Когда в Нью-Йорке было объявлено военное положение, бывший Музей американских индейцев был превращен в казарму и у Траута отобрали его базуку. Офис академии был превращен в офицерский клуб, а Моника Пеппер, Дадли Принс и Джерри Риверс сели в лимузин и отправились в Занаду.

Траут, экс-бомж, получил отменную одежду, включая ботинки, носки, белье и запонки для рубашки. Гардероб был под стать гардеробу Золтана Пеппера. Все согласились, что мужу Монике стало лучше, когда он умер. Что бы ему пришлось делать теперь?

Траут нашел на улице раздавленную инвалидную коляску Золтана. Он прислонил ее к дереву и сказал, что это -- произведение искусства, современного, как его принято называть. Два колеса были смяты в одно. Траут сказал, что это -- шестифутовый богомол из алюминия и кожи, пытающийся прокатиться на одноколесном велосипеде.

Он назвал свое творение "Дух двадцать первого века".

55

Год назад на дерби в Кентукки я встретил писателя Дика Фрэнсиса. Я знал, что он был жокей и побеждал в стипль-чезе. Я сказал ему, что представлял его себе менее массивным. В ответ он сказал, что для того чтобы "лошадь на стипль-чезе не развалилась на части", жокей должен быть массивным. Его метафора крепко засела у меня в голове. Я думаю, это потому, что она взята из самой жизни. Ведь что такое жизнь? Это задача не дать чувству собственного достоинства развалиться на части, пока оно скачет через барьеры и овраги.

Моя любимая тринадцатилетняя дочь Лили, выросшая в прекрасную девушку,

как мне кажется, только тем и занята -- а с ней и вся молодая Америка, -- что старается не дать чувству собственного достоинства развалиться на части. Нынешний стипль-чез стал чересчур опасным.

Выпускникам Батлеровского университета этого года -- они ненамного старше Лили -- я сказал, что они принадлежат Поколению Икс, имея в виду, что осталось всего две буквы от конца, но что они не в меньшей степени Поколение А, к которому относились Адам и Ева. Вот уж сморозил так сморозил!

Ох и крепок же я задним умом! Но лучше поздно, чем никогда! Я было уже стал писать следующее предложение, как вдруг понял, насколько пустым для моей юной аудитории был образ Райского Сада. Мир для них -- это толпы таких же до смерти перепуганных людей и волчьи ямы на каждом шагу.

А теперь напишем следующее предложение. Мне следовало бы сказать им, что они похожи на Дика Фрэнсиса в молодости. Они, как он когда-то, сидят верхом на гордом перепуганном скакуне и ждут старта стипль-чеза.

Еще одна штука. Если скаковая лошадь раз за разом перестает брать барьеры, ее отправляют на пастбище отдохнуть. Чувство собственного достоинства большинства средних американцев моего возраста и тех, кто старше, отправилось попасть на лужок. Не такое уж это плохое место. Чувство собственного достоинства чавкает и жует жвачку.

Если чувство собственного достоинства ломает ногу, его уже не вылечишь. Владельцу надо чувство собственного достоинства пристрелить. На ум приходят моя мать, Эрнест Хемингуэй, мой бывший литературный агент. Ежи Козинский, мой научный руководитель в Чикагском университете и Ева Браун.

Килгор Траут па ум не приходит. Что я больше всего любил в Килгоре Трауте, так это его чувство собственного достоинства. Оно не ломается. Мужчинам случается любить мужчин, и на войне, и в мирное время. Я любил еще своего фронтового друга Бернарда В. О'Хару.

Многие люди терпят неудачи из-за того, что их мозг, их три с половиной фунта пропитанной кровью губки, их корм для собак не работает как следует. Такой вот простой причиной могут объясняться все неудачи. Некоторым людям просто фатально не везет! Такие дела.

У меня есть кузен, мой ровесник. Он тоже учился в Шортриджской школе, и учился из рук вон плохо. Он был несчастный двоечник, очень добрый человек. Как-то раз он пришел домой с совершенно ужасными оценками. Его отец просмотрел дневник и спросил: "Что это, черт возьми, означает?" Мой кузен ответил: "Разве ты не знаешь, папа? Я -- тупой, я -- просто тупой .."

Чтобы вы не расслаблялись, расскажу вам еще одну историю. Мой двоюродный дедушка по матери Карл Барус был основателем и президентом Американского физического общества. Многие годы дедушка был профессором. Я никогда не встречался с ним. А вот мой брат встречался. До лета 1996 года мы с Берни считали его безобидным человеком, прилагавшим свои скромные усилия к тому, чтобы род людской сделал очередной шаг в понимании природы.

И вот в прошедшем июне я попросил Берни рассказать мне, какие конкретно, пусть небольшие, открытия сделал наш знаменитый предок, чьи гены Берни в столь полной мере унаследовал. Берни глубоко задумался, Берни несколько часов морщил лоб. Берни был ошеломлен. Он понял, что дядя Карл, чей пример вдохновил его стать физиком, ни разу не рассказал ему, что он сам открыл. Берни был вдвойне ошеломлен тем, что понял это так поздно.

"Я поищу его работы", -- сказал Берни.

А вот теперь держитесь!

Штука вот в чем. Примерно в 1900 году дядя Карл экспериментировал с рентгеновским излучением и радиоактивностью при конденсации в пузырьковой камере, деревянном цилиндре, наполненном туманом. Туман делал сам дядя Карл. Он все исследовал и опубликовал статью, где утверждалось, что ионизация относительно мало влияла на процесс конденсации.

Примерно в то же время, друзья и сограждане, шотландский физик Чарльз Томсон Риис Вильсон провел похожие эксперименты с пузырьковой камерой, сделанной из стекла. Он выяснил, что ионы, возникшие под влиянием рентгеновского излучения и радиоактивности, оказывают преизрядное влияние на конденсацию. Он напечатал работу, в которой уничтожил дядю Карла. Тот, оказывается, игнорировал грязь, отстававшую от деревянных стенок его камеры, туман делал допотопными методами и к тому же не защищал его от электрического поля рентгеновского аппарата.

Вильсон продолжил свою работу и достиг того, что траектории заряженных частиц стали видны в его камере, которую с тех пор называли камерой Вильсона, невооруженным глазом. В 1927 году он получил за эту работу

Нобелевскую премию по физике.

Наверняка дядя Карл чувствовал себя, как последнее дерьмо!

56

Как истинный луддит, каким были Килгор Траут и сам Нед Лудд -- вероятно, вымышленный рабочий, который громил машины, предположительно, в городе Лейчестере, Англия, в начале девятнадцатого века, -- я все так же пишу на механической пишущей машинке. Но даже так я на несколько поколений опережаю, с технологической точки зрения, Уильяма Стайрона и Стивена Кинга, которые, как и Траут, пишут ручками на желтой бумаге.

Я правлю написанное ручкой или карандашом. Я приехал на Манхэттен по делу, я звоню женщине, которая многие годы перепечатывает мои рукописи. У нее тоже нет компьютера. Подарить ей его, что ли? Она переехала из города в глубинку. Я спросил ее о погоде и тому подобным мелочам, например, прилетали ли к ее кормушке новые птицы, пробрались ли к ней белки и так далее.

Да, белки нашли новый способ добираться до кормушки. Если понадобится, они выделывают штуки почище цирковых акробатов.

Когда-то у нее болела спина. Я спросил у нее, как она себя чувствует. Она ответила, что в порядке. Она спросила меня, как поживает моя дочь Лили. Я ответил, что Лили в порядке. Она спросила меня, сколько ей сейчас лет, и я ответил, что в декабре ей будет четырнадцать.

Она сказала: "Четырнадцать! Боже мой. Боже мой. Мне кажется, что еще вчера она была грудным ребенком".

Я сказал, что у меня есть для нее несколько страниц. Она сказала: "Хорошо". Я отправлю их ей по почте, поскольку у нее нет факса. Ага, вот оно снова -- подарить ей его, что ли?

Я все еще стою на третьем этаже нашего дома. Лифта у нас нет. И вот я иду вниз со своими страницами, топ, топ, топ. Я спускаюсь на первый этаж, где находится офис моей жены. Когда она была в возрасте Лили, ее любимым чтивом были рассказы о девочке-детективе Нэнси Дрю.

Нэнси Дрю для Джилл -- это то же самое, что для меня Килгор Траут, и поэтому Джилл спрашивает: "Куда ты собрался?"

Я отвечаю: "Иду на почту отправить письмо".

Она говорит: "Ты же вроде бы не бедствуешь. Почему бы тебе не купить тысячу-другую конвертов и не держать их у себя в ящике стола?" Она думает, что в ее словах есть логика. У нее есть компьютер. У нее есть факс. У нее есть автоответчик, и поэтому она узнает все важное вовремя. У нее есть ксерокс. У нее есть все это барахло.

Я говорю: "Я скоро вернусь"

х х х

И вот я выхожу в окружающий мир! Кого там только нет! Голубые! Охотники за автографами! Наркоманы! Люди, делающие настоящее дело! Может быть, девица, которую я в два счета соблазню! Сотрудники ООН и дипломаты!

Наш дом находится неподалеку от ООН, и поэтому вокруг много людей, похожих на иностранцев. Они садятся в неправильно припаркованные лимузины или вылезают из них, пытаются изо всех сил, как и все мы, сохранить свое чувство собственного достоинства. Пока я медленно проходил полквартала к газетному киоску на Второй авеню -- там еще продаются всякие канцелярские товары, -- я мог бы, если бы захотел, почувствовать себя Хэмфри Богартом или Петером Лорре из "Касабланки"^[43], третьего самого великого фильма за всю историю кино. Почему? Потому что вокруг все эти иностранцы.

Самый великий фильм, как знают все, у кого хотя бы полчерепа набито мозгами, это "Моя собачья жизнь"^[44]. Второй фильм -- это "Все о Еве"^[45].

Тем не менее есть шанс, что я увижу Кэтрин Хэпберн, настоящую кинозвезду. Она живет в одном квартале от нас. Когда я с ней здороваюсь и представляюсь, она всегда отвечает: "О, так вы тот самый друг моего брата". Я не знаком с ее братом.

Нет, сегодня не повезло, ну и черт с ним. Я -- философ. Кем же мне еще быть.

Я иду в газетный киоск. Небогатые люди, проживающие свои жизни, не

стоящие того, стоят в очереди за лотерейными билетами. Все хранят свое достоинство. Они притворяются, что не знают меня. Как же, поверил я. Я знаменитость, меня все знают.

Киоском владеет семейная пара. Они индусы, честное слово! Индусы. У женщины между глаз крошечный рубин. Ради того, чтобы на это посмотреть, стоило пройти квартал. Кому здесь конверт?

Вам следует помнить -- поцелуй все еще поцелуй, а вздох -- все еще вздох

Я знаю этот индусский киоск не хуже его хозяев. Не зря я изучал антропологию. Без помощи хозяйки я нахожу конверт восемь на двенадцать, одновременно с этим вспоминаю шутку о бейсбольной команде "Чикагские псы". Ходили слухи, что "Псы" переезжают на Филиппинские острова, где их переименуют в "Манильские листовертки". Насчет "Бостонских красных гетр" это тоже была бы неплохая шуточка.

х х х

Я встаю в конец очереди и начинаю болтать с покупателями. Они тоже пришли не за лотерейными билетами. Подсевшие на лотерейные билеты люди -- надежда и нумерология давно спустили с них семь шкур, -- если судить по их поведению, вполне могут страдать ПКА. Вы можете задавить такого большегрузным грузовиком. Он не заметит.

57

Я отхожу от киоска и прохожу еще один квартал на юг до почты. Я тайно влюблен и женщину, сидящую за прилавком. Я уже положил свои страницы в конверт. Я надписал адрес и встал в конец другой длинной очереди. Теперь мне нужна марка.

Женщина, в которую я влюблен, не знает об этом. Знаете, что такое "профессиональное выражение лица"? Как у игрока в покер, например? Так вот, эта девушка смотрит па меня, как ребенок на кремовый торт.

Она сидит за высоким прилавком и одета в форменную одежду. Поэтому я ее не видел целиком, только то, что выше шеи. Этого достаточно! Выше шеи она словно шашлык из баранины! Я не имею в виду, что она похожа на шашлык из баранины. Я имею в виду, что, глядя на нее, я чувствую то же, что когда гляжу на лежащий на моей тарелке шашлык из баранины. Надо ее заняться! Надо ею заняться!

Я уверен, даже если снять с нее сережки и косметику, все равно ее шея, лицо, уши и волосы будут словно шашлык из баранины. Каждый день на ее шее и ушах болтаются новые украшения. Иногда прическа поднята вверх, иногда -- опущена вниз. Иногда волосы накручены, иногда -- прямые. Что она только не делает со своими губами и глазами! Однажды я покупал марку у дочери графа Дракулы! А на следующий день меня встречала Дева Мария.

В этот раз она была Ингрид Бергман из "Стромболи"^[46]. Но она все еще далеко от меня. Передо мной в очереди стоит множество старых развалин, не могущих уже сосчитать сдачу, и иммигрантов, которые говорят бог знает на чем, воображая, что это и есть английский.

Один раз я обнаружил, что на почте у меня обчистили карманы. Кто бы это мог быть?

Я с толком использую ожидание. Я узнаю массу сведений о глупых начальниках, о делах, которыми мне уже не заняться, о частях света, которые я не увижу, о болезнях, с которыми, надеюсь, никогда не познакомлюсь, о различных породах собак, которых люди держат у себя дома, и так далее. Через компьютер, спросите вы? Да нет. Я проделал это с помощью забытого искусства беседы.

Наконец мой конверт взвешен и проштампован той единственной женщиной в мире, которая могла бы сделать меня по-настоящему счастливым. С нею мне не нужно было бы подделывать счастье.

Я иду домой. Я неплохо провел время. Послушайте: мы здесь, на Земле, для того, чтобы бродить, где хотим, не забывая при этом как следует пернуть. Если кто-нибудь будет утверждать что-то иное, пошлите его к дьяволу!

58

Я учил людей писать в течение своих семидесяти трех лет на автопилоте, до ли катаклизма, после ли, Я начал это делать в 1965 году в Университете Айова. После этого был Гарвард и Сити-Колледж в Нью-Йорке. Сейчас я это бросил.

Я учил, как общаться с помощью чернил и бумаги. Я говорил своим студентам, чтобы, когда они пишут, они воображали себя на свидании, в путешествии, а если им хочется, воображали, будто они в огромном публичном доме, набитом битком, хотя на самом деле они сидят в полном одиночестве. Я сказал, что рассчитываю на то, что они будут заниматься этим только при помощи двадцати шести фонетических символов, десяти цифр и восьми или около того знаков препинания, хитрым образом составленных в последовательности, поделенные на части, расположенные горизонтально одна под другой, поскольку так поступали до них.

В 1996 году, когда фильмы и телевидение полностью завладели вниманием как грамотных, так и неграмотных, мне приходится задавать себе вопрос -- а чего стоит моя очень странная, если хорошенько задуматься, метода преподавания. Вот что получается. Умение соблазнять одними лишь словами на бумаге сэкономит кучу денег для будущих "Дон Жуанов" и "Клеопатр". Не надо будет платить деньги актеру или актрисе, чтобы воплотить свою идею, не нужно будет платить деньги режиссеру, и так далее, не надо будет платить кучу денег всяким маниакально-депрессивным экспертам на тему того, чего же хочет большинство людей.

Но все же, зачем я учу? Вот нам мой ответ. Очень многим людям смертельно нужно услышать от кого-нибудь такие слова: "Я чувствую и думаю так же, как и ты, тревожусь о том же, что и ты, хотя большинству народа на это плевать. Ты не один".

Стив Адамс, один из моих трех усыновленных племянников, одно время писал сценарии телевизионных комедий. Это было несколько лет назад, он тогда жил в Лос-Анджелесе. Его старший брат Джим был когда-то солдатом-миротворцем, а теперь он медбрат в психиатрической клинике. Его младший брат Курт -- пилот Континентальных авиалиний со стажем, золотые желуды на кокарде и золотые галуны на рукавах. Младший брат Стива всю жизнь мечтал только о том, чтобы летать. Мечта сбылась!

Стив набил себе много шишек, пока понял, что все его шутки должны быть про телепередачи, и только про те, которые вышли совсем недавно. Если шутка была о том, чего не было на телевидении месяц или больше, зрители не улавливали ход мысли, даже если за кадром раздавался механический смех. Они не понимали, над чем они сами хотели бы посмеяться.

Знаете почему? Телевидение -- это средство для прочистки мозгов.

Если вам регулярно прочищают мозги, удаляют воспоминания о том, что было, то, вероятно, вам в самом деле будет легче проходить через это, что бы это ни было. Моя первая жена Джейн получила свой членский билет в ФБК в Свартморе вопреки противодействию исторического факультета. Она написала работу, а затем выступила с ней на устном экзамене, где говорилось, что все, что можно узнать из истории, -- это то, что вся история сама по себе -- абсолютная чушь, так что лучше изучать что-нибудь другое, например, музыку.

Я согласился с ней. Согласился бы с ней и Килгор Траут. Но в те времена историю еще не вычистили из мозгов. И когда я начинал писать, я мог упоминать события и людей из прошлого, даже из отдаленного прошлого, будучи уверенным, что огромное количество читателей как-то отреагирует, не важно -- положительно или отрицательно -- на мое упоминание.

Я вот про что. Я про убийство величайшего президента, избранного нашими согражданами на этот пост, Авраама Линкольна. Сделал это двадцатилетний театральный актер Джон Уилкс Бут.

Это убийство -- центральное событие в первой книге про катаклизм. Эй, есть кто-нибудь на этом свете, кому еще нет шестидесяти, кто не работает на историческом факультете и кому это что-нибудь говорит?

В первой книге про катаклизм был персонаж по имени Элиас Пембрук, вымышленный корабельный инженер из Род-Айленда, бывший во время Гражданской войны у Авраама Линкольна помощником министра по морским делам. Я говорил, что он много сделал для создания турбины броненосца "Монитор". Я говорил, что он не уделял много внимания своей жене Джулии, так что она влюбилась в красавца, молодого актера и повесу по имени Джон Уилкс Бут.

Джулия писала Буту письма. Свидание было назначено на 14 апреля 1863 года, за два года до того, как Бут выстрелил Линкольну в спину из пистолета. Она отправилась из Вашингтона в Нью-Йорк вместе с компаньонкой, женой одного адмирала, алкоголичкой. Они якобы ехали за покупками. Также был выставлен предлог, что в осажденной столице она плохо себя чувствует. Они поселились в отеле, где остановился Бут и посетили спектакль, где он играл Марка Антония в трагедии Шекспира "Юлий Цезарь".

В роли Марки Антония есть такие слова: "Переживает нас то зло, что мы свершили"^[47]. Бут произнес их, и они оказались для него пророческими.

Джулия и ее компаньонка после спектакля отправились за кулисы и поздравили Джона Уилкса и вместе с ним его братьев, Джуниуса, игравшего Брута, и Эдвина, игравшего Кассия. Три брата-американца, среди них младший -- Джон Уилкс, вместе со своим отцом англичанином Джуниусом Брутом Бутот были величайшей династией актеров-трагиков в истории англоговорящей сцены.

Джон Уилкс галантно поцеловал руку Джулии, как если бы они встретились впервые, и незаметно передал ей пакетик с кристаллами хлоралгидрата. Эти кристаллы надо было подсыпать в чай компаньонке.

Бут дал понять Джулии, что все, что произойдет между ними, когда она придет в его номер в гостинице, -- это один лишь бокал шампанского и единственный поцелуй, который она будет помнить всю свою жизнь. Война окончится, она вернется в Род-Айленд, но ее жизнь не будет пустой -- она будет помнить его поцелуй. "Мадам Бовари"!

Джулия не предполагала, что Бут подсыплет ей в шампанское точно такой же хлоралгидрат, который она подсыплет в чай своей компаньонке.

Дин-дин-дон!

Она залетела! У нее еще не было детей. У ее мужа было что-то не так с его "младшим братом". Ей было тридцать один! Актеру было двадцать четыре!

Невероятно, а?

Ее муж был доволен. Она беременна? Ага, значит, все-таки с "младшим братом" помощника министра по морским делам Элиаса Пембрука все в порядке! Отдать швартовы!

Джулия вернулась в Пембрук, штат Род-Айленд, в город, названный в честь предка ее мужа, и родила там ребенка. Она до смерти боялась, что у ее ребенка будут острые уши, острые, как у дьявола, -- уши Джона Уилкса Бута. Но у ребенка были нормальные уши. Это был мальчик. Его назвали Авраам Линкольн Пембрук.

Целых два года после того, как Бут изверг семя во влагалище Джулии, спящей как убитая, никто не думал, какая ирония окажется заключена в том, что единственный потомок самого эгоистичного и грязного негодяя в истории Америки будет носить такое имя. Но спустя два года после той ночи Бут послал Линкольну кусок свинца в его корм для собак, в его мозг.

В 2001 году в Занаду я спросил Килгора Траута, что он думает о Джоне Уилксе Буте. Он сказал, что выступление Бута в театре Форда в Вашингтоне вечером в пятницу, 14 апреля 1865 года, когда он выстрелил в Линкольна, а затем прыгнул из ложи на сцену и сломал себе ногу, было ярким примером того, что бывает, когда "актер пишет самому себе сценарий".

60

Джулия никому не раскрыла свою тайну. Сожалела ли она? Конечно, она сожалела, но не о том. О том, что она влюбилась, она не сожалела. В 1882 году, когда ей было пятьдесят, она основала в память о своем единственном романе, пусть кратком и несчастливом, любительскую актерскую труппу, Пембрукский клуб маски и парика. Она не сказала, в память о ком она это сделала.

Авраам Линкольн Пембрук не знал, чьим сыном он был на самом деле. В 1899 году он основал фабрику Индиан Хед Миллс, которая была крупнейшей текстильной фабрикой в Новой Англии, пока в 1947 году Авраам Линкольн Пембрук Третий не объявил локаут своим бастующим рабочим и не перенес фабрику в Северную Каролину. Впоследствии Авраам Линкольн Пембрук Четвертый продал ее международному концерну, который перенес фабрику в Индонезию. Сам Авраам Линкольн Пембрук Четвертый умер от пьянства.

Ни один не стал актером. Ни один не стал убийцей. И уши у всех были круглые.

Перед тем как покинуть город Пембрук и уехать в Северную Каролину, Авраам Линкольн Пембрук Третий сделал так, что залетела незамужняя афроамериканка Розмари Смит, работавшая у него прислужкой. Он сполна заплатил ей за молчание. Когда у нее родился сын по имени Фрэнк Смит, его настоящий отец уже был далеко.

А теперь держитесь!

У Фрэнка Смита были заостренные уши! Фрэнк Смит стал одним из величайших актеров в истории любительских театров! Он был наполовину черным, наполовину -- белым, ростом всего пять футов десять дюймов. Но летом 2001 года он играл главную роль в удивительно хорошем дневном спектакле Пембрукского клуба маски и парика под названием "Эйб Линкольн в Иллинойсе". Сценарий написал Роберт И. Шервуд. Звуковые эффекты делал Килгор Траут!

После представления труппа отправилась на пикник. Его устроили на берегу недалеко от дома престарелых писателей под названием Занаду. Словно в последней сцене "Восемь с половиной", фильма Федерико Феллини, там собрались все-все. Не все присутствовали лично, но каждому нашелся двойник. Моника Пеппер была похожа на мою сестру Элли. Булочник, которому платили за устройство таких летних пикников, был похож на моего покойного издателя Сеймура Лоуренса (1926--1993), который заставил читателя вспомнить обо мне, опубликовав "Бойню номер пять", а затем переиздав под своим крылом все мои более ранние книги.

Килгор Траут был похож на моего отца.

В пьесе был один-единственный звуковой эффект. Его нужно было сделать в последний момент последнего акта пьесы. Траут называл пьесы "искусственными катаклизмами". У Траута был ископаемый паровой гудок с фабрики Индиан Хед Миллс. Водопроводчик, член клуба, очень похожий на моего брата, привинтил радостно-печальный гудок к баллону со сжатым воздухом, заполненному наполовину. "Радостно-печальный" -- таким был и Траут в то утро.

Естественно, было много членов клуба, не занятых в пьесе "Эйб Линкольн в Иллинойсе", кто с удовольствием нажал бы на эту огромную медную дуру. Все очень захотели это сделать, как только увидели ее, а потом вдобавок услышали, как она ревет. Это водопроводчик нажал на гудок на репетиции. Но больше всего члены клуба хотели, чтобы Траут почувствовал, что у него наконец есть дом, что он -- важный член большой семьи.

Не только члены клуба, домашняя прислуга в Занаду, члены обществ анонимных алкоголиков и анонимных игроков, которые пришли в Занаду на танцы, несчастные женщины и дети и старики, нашедшие в Занаду приют, были благодарны ему за его мантру, которая излечивала и вселяла бодрость духа, которая заставляла забыть о плохих временах: "Ты был болен, но теперь ты снова и порядке, и надо столько сделать". Весь мир был ему благодарен.

61

Чтобы Траут не пропустил момент, когда надо нажать на гудок -- а этого он очень боялся, ведь тогда он испортит праздник своей семье, -- водопроводчик, похожий на моего брата, стоял за спиной Траута и держал руки у него на плечах. Он мягко нажмет на плечи, когда придет время Трауту совершить свой дебют в шоу-бизнесе.

Последняя сцена пьесы происходила на задворках железнодорожной станции в Спрингфилде, штат Иллинойс. Было 11 февраля 1861 года. Авраам Линкольн, которого в этот раз играл праправнук Джона Уилкса Бута полуафро-американского происхождения, только что был избран президентом Соединенных Штатов. Для США наступал самый темный час их истории. Авраам Линкольн должен был отправиться по железной дороге из своего родного города в Вашингтон, округ Колумбия, да поможет ему Бог.

Он произнес слова, которые Линкольн и в самом деле произнес: "Никто из

вас -- ибо никто из вас не был на моем месте -- не может почувствовать, как печально мне расставаться с вами. Я всем обязан этому месту и вашей доброте, люди мои. Я прожил здесь четверть века, из юноши стал пожилым человеком. Здесь родились мои дети, и один из них здесь похоронен. Теперь я уезжаю, и не знаю, когда вернусь, и вернусь ли вообще.

Меня избрали на пост президента в то время, когда одиннадцать штатов нашего государства объявили о своем намерении отделиться, когда угрозы начать войну становятся яростнее день ото дня.

Я принимаю на себя тяжкий груз ответственности. Я хотел к этому подготовиться, и потому пытался узнать, в чем состоит тот великий принцип или идеал, который удерживал наши штаты вместе так долго? И я верю в то, что этот принцип -- не просто желание колоний отделиться от родины, но тот дух Декларации Независимости, что дает свободу людям этой страны и надежду всему миру. Этот дух был воплощением древней мечты, которую люди пронесли сквозь века. Люди мечтали, им снилось, как однажды они сбросят свои цепи и обретут свободу, и станут братьями. Мы добились демократии, и теперь вопрос в том, сумеет ли она выжить.

Возможно, настал ужасный день, когда сон закончился, и нам следует проснуться. Если это так, то я боюсь, что больше никогда мы не увидим этот сон. Я не могу поверить в то, что когда-нибудь у людей снова появится возможность, которая была у нас, когда мы принимали Декларацию Независимости. Возможно, нам следует согласиться и признать, что наши идеалы свободы и равенства устарели, что они обречены. Я слышал, что один восточный правитель приказал мудрецам придумать ему слова, которые были бы истинны всегда, во все времена. Мудрецы сказали ему, что это такие слова: "И это тоже пройдет".

В наше горькое время эта мысль -- "и это тоже пройдет" -- помогает пережить страдания. Но все же -- давайте верить, что это ложь! Давайте жить и доказывать, что мы можем возделывать природу вокруг нас, и тот мир мысли и этики, который находится внутри нас, что мы можем обеспечить процветание отдельной личности, всего общества и государства. Наш путь лежит вперед, и пока Земля вертится, да будет так...

Я отдаю вас в руки Всевышнего и надеюсь, что в своих молитвах вы будете меня вспоминать... Прощайте, друзья и сограждане".

Актер, игравший роль Каванага, офицера, сказал: "Пора отправляться, господин президент. Садитесь в вагон".

Линкольн садится в поезд, а толпа в это время поет "Тело Джона Брауна".

Другой актер, игравший кондуктора, поднял свой фонарь.

Вот в этот момент Траут должен был нажать на гудок, и он это сделал.

Когда опустился занавес, за сценой кто-то всхлипнул. Этого не было в пьесе. Это был экспромт. Это было красиво. Это всхлипнул Килгор Траут.

62

Все наши слова на пикнике на берегу поначалу были нерешительными, извиняющимися, как будто английский язык не был нашим родным. Мы оплакивали не только Линкольна, мы оплакивали кончину американского красноречия.

Еще одним двойником была Розмари Смит, костюмер из Клуба маски и парика и мать Фрэнка Смита, суперзвезды. Она напоминала Иду Янг, внучку бывших рабов, которая работала у нас в Индианаполисе, когда я был маленьким. Ида Янг и дядя Алекс сделали для моего воспитания почти столько же, сколько мои родители.

У дяди Алекса не было двойника. Он не любил мою писанину. Я посвятил ему "Сирены Титана", а дядя Алекс сказал: "Надеюсь, молодежи это понравится". Никто не был похож на мою тетю Элли Воннегут Стюарт, двоюродную сестру моего отца. Она и ее муж Керфьют владели книжным магазином в Луисвилле, штат Кентукки. Они не продавали мои книги, поскольку считали, что я пишу непристойности. Так оно и было в те годы, когда я начинал.

Среди других отбывших на небеса душ, которых я не возвратил бы к жизни, если бы у меня была возможность, некоторые были представлены двойниками. Были девять моих учителей из Шортриджской школы, был Феб Херти, который нанял меня, когда я учился в школе, чтобы я придумал рекламу детской одежды для универмага Блока, была моя первая жена Джейн, была моя мать, мой дядя Джон Раух, муж еще одной двоюродной сестры отца. Дядя Джон рассказал мне все про американскую ветвь нашей семьи. Я включил его рассказ в книгу "Пальмовое

воскресенье".

Двойник Джейн, смазливая юная девушка, преподающая биохимию в Университете Род-Айленда, недалеко от Кингстона, сказала по поводу театрального представления и заката: "Ну когда же?!" Она сказала это в воздух, но я услышал.

Двойники на том пикнике в 2001 году были только у умерших. Артур Гарвей Ульм, поэт и постоянный секретарь в Занаду, служащий Американской академии искусств и словесности, был небольшого роста и с огромным носом. Точь-в-точь как мой фронтовой друг Бернард В. О'Хара.

Моя жена Джилл, благодарение Богу, была среди живых и присутствовала на пикнике во плоти, и вместе с ней Нокс Бургер, мой одноклассник из Корнелла. После окончания второй неудачной попытки западной цивилизации покончить с собой Нокс стал литературным редактором в "Колльерс", где еженедельно печаталось по пять рассказов. Нокс подыскал мне хорошего литературного агента, полковника Кеннета Литтауэра, первого пилота, который в Первую мировую войну научился сбрасывать бомбы в окопы на бреющем полете.

Кстати, в книге "Десять лет на автопилоте" Траут высказал мнение, что было бы неплохо нумеровать катаклизмы так же, как мы нумеруем мировые войны и суперкубки по американскому футболу.

Полковник Литтауэр продал с дюжину моих рассказов, несколько, кстати, Ноксу, и тем дал мне возможность уйти с моей работы в "Дженерал электрик" и уехать с Джейн и двумя нашими детьми в Кейп-Код и стать свободным художником. Когда телевидение разорило газеты, Нокс стал издателем. Он издал три мои книги: "Сирены Титана", "Канарейки в кошачьем доме" и "Мать ночь".

Нокс вывел меня на старт, а затем помогал мне двигаться вперед, пока у него были силы. И тогда мне на помощь пришел Сеймур Лоуренс.

Еще пять человек, вдвое моложе меня, помогавших мне в годы моего заката, потому что моя работа была им интересна, тоже присутствовали на пикнике во плоти. Они не ко мне приехали. Они хотели наконец-то посмотреть на Килгора Траута. Это были Роберт Уэйд, который летом 1996 года снял фильм по моей книге "Мать ночь" в Монреале, Марк Лидс, который написал и издал остроумную энциклопедию моей жизни и моих книг, Эса Пиратт и Джером Клинович, которые составляли мою библиографию и писали обо мне эссе, и еще Джо Петро Третий, с номером, как у мировой войны, который научил меня шелкографии.

Там был и мой самый близкий партнер, адвокат и литературный агент Дон Фарбер вместе со своей дорогой женой Энн. Там был мой близкий приятель Сидней Оффит. Там был критик Джон Леонард, академики Питер Рид и Лори Рэкстроу, фотограф Клифф Маккарти, и другие добрые незнакомцы. Их было слишком много, чтобы можно было назвать всех.

Там были и профессиональные актеры Кевин Маккарти и Ник Нолт.

Там не было моих детей и внуков. Это было нормально, вполне понятно. Был не мой день рождения, я не был почетным гостем. Чествовали в тот вечер Фрэнк Смит и Килгора Траута. У моих детей и детей моих детей были другие дела. А может, у них были книги, или вареные раки на обед, или шум в голове.

Да какая разница!

Поймите меня правильно! Вспомните дядю Карла Баруса, и вы поймете меня правильно!

63

Это -- не готический роман. Мой друг Борден Дил, первоклассный писатель, южанин, попросил своих издателей не посылать экземпляры его книг для рецензий ни в какие населенные пункты, находящиеся севернее линии Мэйсон -- Диксон^[48]. Еще он писал готические романы под женским псевдонимом. Я попросил его дать определение готического романа. Он сказал: "Молодая женщина заходит в старый дом и мгновенно пишет в трусики от страха".

Как-то Борден и я были в Вене, в Австрии, на конгрессе Международного пен-клуба, писательской организации, основанной после Первой мировой войны. Тогда-то он мне и рассказал про готический роман. А еще мы говорили о немецком писателе Леопольде фон Захер-Мазохе, который получал ни с чем не сравнимое удовольствие от унижений и боли и рассказал об этом на бумаге. Благодаря ему в современный язык вошло слово "мазохизм".

Борден писал не только серьезные романы и готику. Он писал музыку в стиле кантри. У него была в номере гитара. Он работал, по его словам, над песней под названием "Я в Вене вальс еще не танцевал". Мне его не хватает. Мне бы хотелось, чтобы на пикнике был двойник Бордена, а еще чтобы в маленькой лодке недалеко от берега сидели два невезучих рыбака, похожих на святых Стенли Лорела и Оливера Харди. Да будет так.

Мы с Борденом говорили о писателях, подобных Мазоху и маркизу де Саду, которые умышленно или случайно создали новые слова. "Садизм", естественно, -- это удовольствие от причинения боли другим. "Садомазохизм" означает, что кто-то тащится от того, что ему делают больно, пока он сам причиняет боль другим. Сюда же самоистязание.

Борден сказал, что теперь язык не может без этих слов. Изъять их из обращения не проще, чем изъять из обращения слова "пиво" и "вода".

А есть ли современные писатели, придумавшие новое слово? Мы с Борденом вспомнили одного-единственного. И он вовсе не был знаменитым извращением. Это Джозеф Хеллер. Название его первого романа, "Уловка-22", теперь слово в словарях. "Академический словарь Вебстера", стоящий у меня на полке, дает следующее определение "уловки-22": "Сложная ситуация, единственное возможное решение которой невозможно провести в жизнь из-за ряда обстоятельств необходимо привносимых ей самом".

Прочтите эту книгу!

Я рассказал Бордену о том, что сказал Хеллер в одном интервью, когда его спросили, боится ли он смерти. Хеллер сказал, что ему никогда не удаляли зубной нерв. А многим его знакомым удаляли. Из их рассказов, сказал Хеллер, он сделал вывод, что, если придется, он, судя по всему, вынесет эту операцию.

"И со смертью такая же история". -- сказал он.

Это воскрешает в моей памяти сцену из пьесы Джорджа Бернарда Шоу, искусственного катаклизма под названием "Назад к Мафусаилу". Весь спектакль длится десять часов! Последний раз ее играли на сцене целиком в 1922 году. В этот год я родился.

Вот сцена. Адам и Ева, которым уже много лет, ждут у ворот их процветающей, красивой фермы ежегодного приезда хозяина арендуемой ими земли, Бога. Во все предшествующие визиты, а их уже были сотни, они говорили ему только, что все замечательно и что они ему благодарны.

Однако в этот раз Адам и Ева подготовились. Они испуганы, но горды. Они хотели поговорить с Богом о чем-то неожиданном. Итак, Бог появляется перед ними, веселый, дородный, добросердечный, просто вылитый пивовар Альберт Либер, мой дедушка. Он спрашивает, все ли в порядке, думая, что знает ответ, ведь он все создал абсолютно совершенным, ибо он сам совершенен.

Сейчас Адам и Ева любят друг друга как еще никогда друг друга не любили, и они говорят ему, что любят жизнь, но что они любили бы ее еще больше, если бы знали, что она когда-нибудь закончится.

Чикаго лучше Нью-Йорка, поскольку в Чикаго есть аллеи с деревьями. В Чикаго мусор не выбрасывают на тротуары. В Чикаго машины, доставляющие в магазины товары, не создают пробок на главных улицах.

В 1966 году мы все вели курсы на писательском семинаре в Университете Айова. На одном семинаре американский писатель Нельсон Альгрэн, ныне покойный, сказал чилийскому писателю Хосе Допозо, ныне покойному: "Наверное, замечательно вести свой род из такой длинной и узкой страны, как ваша".

Вы думаете, что древние римляне были умные? Посмотрите, сколько их было. По одной теории, они все вымерли из-за того, что их водопроводы были из свинца. От отравления свинцом человек становится глупым и ленивым.

Какие у вас оправдания на этот счет?

Некоторое время назад я получил письмо от одной глупой женщины. Она знала, что я тоже глупый, то есть северянин и демократ. Она была беременна и хотела знать, хорошо ли, что невинное маленькое дитя попадет в такой отвратительный мир.

Я ответил ей, что смысл и ценность в мою жизнь приносили только святые, которых я встречал. Святые -- это люди, которые приносят пользу и поступают бескорыстно. Я встречал их и самых неожиданных местах. Возможно, вы, дорогой читатель, являетесь или окажетесь тем святым, который встретится ее ребенку.

Я верю в первородный грех. А еще я верю в первородную добродетель.

Оглядитесь вокруг себя!

Ксантиппа думала, что ее муж -- Сократ -- дурак. Тетя Рей думала, что дядя Алекс -- дурак. Мать думала, что отец -- дурак. Моя жена думает, что я -- дурак.

Я снова дикий, обманутый, плачущий, улыбающийся ребенок. Я заморожен, устал и удивлен -- вот каков я.

На пикнике Килгор Траут сказал, сидя в лодке вместе с Лорелом и Харли всего в пятидесяти ярдах от берега, что молодежь любит фильмы со стрельбой, потому что в них смерть никому не причиняет боли, потому что в них люди с ружьями просто "свободные анестезиологи".

Он был так счастлив! Он был в центре внимания! Он был всем интересен! На нем был смокинг, накрахмаленная рубашка, малиновый пояс и галстук, принадлежавший когда-то Золтану Пепперу. В его комнате я встал у него за спиной и завязал ему галстук, точь-в-точь, как мой брат завязывал его мне, пока я не научился делать это сам.

Там, на берегу, было так: что бы Траут ни говорил, все смеялись и хлопали. Он не мог в это поверить. Он говорил, что пирамиды и Стоунхендж были построены во времена очень слабой гравитации, когда бульжниками можно драться, словно диванными подушками, и слушателям это понравилось. Они попросили, чтобы он рассказал что-нибудь еще. Он процитировал им "Поцелуй меня еще раз": "Красивая женщина и пары секунд не может пробыть такой, какой должна бы при такой красоте. Дин-дин-дон?" Люди сказали, что он остроумен, как Оскар Уайльд!

Поймите, что самой большой аудиторией, перед которой прежде говорил этот человек, был личный состав артиллерийской батареи, где он во время Второй мировой войны служил корректировщиком огня.

"Дин-дин-дон! Если это не прекрасно, то что же?" -- спрашивал он у всех нас.

Я обратился к нему из задних рядов: "Вы были больны, мистер Траут, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать".

Там был и другой мой агент, Джанет Косби.

В десять часов вечера старый и забытый писатель-фантаст объявил, что ему пора спать. Но он еще хотел кое-что сказать нам, своей семье. Словно иллюзионист, ищущий добровольца среди зрителей, он попросил кого-нибудь встать рядом с ним и сделать то, что он скажет. "Можно я, пожалуйста", -- сказал я.

Толпа затихла, когда я занял свое место справа от него.

"Вселенная очень сильно расширилась. -- сказал он. -- То, через что она заставила нас недавно, пройти, ничего для нее не значит, она продолжает расширяться. Поэтому свет теперь недостаточно быстр, чтобы проделывать путешествия, которые надо проделать. Ему теперь не хватит и бесконечно долгого времени. Когда-то свет был самой быстрой штукой на свете, а теперь его место на свалке истории вместе с дилижансами.

И теперь я прошу этого храбреца, осмелившегося стать рядом со мной, выбрать две мерцающие светящиеся точки в небе над нами. Не имеет значения, что это будет, важно то, что они должны мерцать. Если они не мерцают, значит, это -- планеты или спутники. Сегодня они нас не интересуют".

Я показал на две светящиеся точки примерно в десяти футах друг от друга. Одна точка была Полярной звездой. Про вторую я ничего не знал. Это легко могла оказаться звезда Пьюк, белый гигант Килгора Траута.

-- Они мерцают? -- спросил он.

-- Да, -- ответил я.

-- Точно? -- спросил он.

-- Клянусь, -- ответил я.

-- Отлично! Дин-дин-дон! -- сказал он. -- Теперь вот что. Какие бы небесные тела ни скрывались за этими двумя точками, можно быть уверенным, что Вселенная стала настолько разреженной, что свету от одной точки до другой нужно добираться тысячи или миллионы лет. Дин-дин-дон? А теперь я попрошу вас посмотреть, со всем возможным безразличием, сначала на одну, а затем на другую.

-- Хорошо, -- сказал я. -- Я это сделал.

-- Это заняло одну секунду, не так ли? -- спросил Траут.

-- Не больше, -- сказал я.

-- Даже если бы это заняло час, -- сказал он, -- существует нечто, что, говоря консервативным языком, преодолело расстояние между этими небесными телами в миллион раз быстрее света.

-- Что же это было? -- спросил я.

-- Твое сознание, -- ответил он. -- Это -- новое свойство Вселенной,

оно существует только потому, что существуют люди. Отныне физики, исследующие тайны Космоса, должны принимать во внимание не только энергию, материю и время, но нечто новое и прекрасное -- человеческое сознание.

Траут сделал паузу, проверяя большим пальцем левой руки, не шатается ли его верхняя вставная челюсть, не помешает ли она ему сказать нам свои последние слова в этот волшебный вечер.

С его челюстью было все в порядке. И вот -- финал: "Я придумал слово получше слова "сознание", -- сказал он. -- Это слово -- "душа". -- Он сделал паузу.

"Дин-дин-дон?" -- спросил он.

Эпилог

Мой старший брат Берни, мой единственный брат, вдовец с двадцатипятилетним стажем, после продолжительной борьбы с раком умер утром 25 апреля 1997 года, четыре дня назад, в возрасте восьмидесяти двух лет. Он не испытывал сильной боли. Он был старшим научным сотрудником в Научном центре по исследованию атмосферы в Университете штата Нью-Йорк в Олбани. У него было пять замечательных сыновей.

Мне было в этот момент семьдесят четыре. Нашей сестре Элли было бы семьдесят девять. После того, как она умерла в свои сорок один, я сказал: "Какой чудесной старой леди могла бы быть Элли". Не случилось.

Нам с Бернардом повезло. Он умер любимым, добрым, интеллигентным стариком со странностями, каким и должен был стать. В самом конце жизни он с особым восхищением перечитывал подборку цитат из Альберта Эйнштейна. Вот одна из них: "Самое прекрасное, что нам доводится испытывать, -- это таинственное. Таинственное -- источник всего искусства и науки". Вот еще одна: "Понятия теоретической физики -- это исключительно создания человеческого разума. Однако из фактов окружающего мира можно вывести и другие, столь же обоснованные, понятия, так что не стоит абсолютизировать те, которыми мы пользуемся".

Самое знаменитое высказывание Эйнштейна: "Я никогда не поверю, что Бог играет в кости". Бернард же был настолько открыт разным взглядам на устройство Вселенной, что полагал, что в иных критических ситуациях будут помогать и молитвы. Когда у его сына Терри обнаружили рак горла, Берни, этот экспериментатор, молился о его исцелении. Терри и в самом деле выжил.

Так было и с йодидом серебра. Берни все думал, не могут ли кристаллы этого вещества, так похожие на кристаллы льда, превращать переохлажденную воду в облаках в лед и снег. Он попробовал. Получилось.

Он провел последние десять лет своей профессиональной карьеры в попытках дискредитировать очень старую и заезженную теорию о том, как в грозном облаке возникают электрические заряды и как они себя ведут и почему. Он встретил сопротивление. Последняя из его более чем ста пятидесяти статей, которая выйдет посмертно, описывает эксперименты, которые с абсолютной убедительностью показывают, кто прав.

Он в любом случае выигрывал. Каков бы ни был исход экспериментов, он нашел бы результаты в высшей степени интересными. В любом случае он: бы хохотал так, что вылетали бы стекла..

Он был остроумнее, чем я. Во время Великой депрессии меня учили шутить Берни, кинофильмы и радиопередачи. Берни говорил мне, что я тоже смешной. Это была для меня большая честь. Выяснилось даже, что у него есть небольшая коллекция моих забавных опусов. В коллекции было, например, письмо моему дяде Алексу, которое я написал двадцати пяти лет от роду. В то время у меня не вышло еще ни одной книги, но уже были жена и сын. Я только-только переехал из Чикаго, штат Иллинойс, в Скенектади, штат Нью-Йорк, получив работу в "Дженерал электрик".

Меня взяли туда благодаря Берни. Он прославился на всю фирму своими экспериментами с рассеиванием облаков, поставленными в исследовательской лаборатории "Дженерал электрик" вместе с Ирвином Лэнгмюром и Винсентом Шефером. А тут как раз фирма решила нанять специального пресс-секретаря с опытом работы в газете. По предложению Берни "Дженерал электрик" "украдал" меня из Городского бюро новостей Чикаго, куда я поставлял новости о всяких ужасах, творящихся вокруг. Одновременно я делал диссертацию по антропологии в Чикагском университете.

Я думал, что дядя Алекс знал, что мы вместе с Берни в то время работали в "Дженерал электрик" и что я -- пресс-секретарь фирмы. Он не знал!

И вот однажды дядя Алекс увидел в "Скенектади газетт" фотографию Берни.

Он написал в газету, что "он очень горд" за своего племянника и хотел бы получить копию фотографии. К письму он приложил доллар. Но фотографию предоставила "Газетт" фирма "Дженерал электрик", и поэтому редактор переслал просьбу моему новому работодателю. Мой начальник, естественно, передал письмо дяди мне.

Я напечатал на официальном синем бланке "Дженерал электрик" нижеследующий ответ и подписался "Гай Фокс". Кто в англоговорящей мире не знает, кто такой Гай Фокс^[49]?

GENERAL ELECTRIC COMPANY

1 Риверроуд
Скенектади, Нью-Йорк
28 ноября 1947 года

г-ну Алексу Воннегуту
701 Гаранти Билдинг
Индианаполис, 4, Индиана

Уважаемый г-н Воннегут,

Г-н Эдвард Тасмак, главный редактор "СКЕНЕКТАДИ ГАЗЕТТ", переслал мне Ваше письмо от 26 ноября.

Фотография доктора Бернарда Воннегута из "Дженерал электрик" действительно была предоставлена газете нашей компанией. Однако у нас больше не осталось копий, а негатив находится в руках Американского комитета по печати и средствам массовой информации. Кроме того, надеюсь, Вы не думаете, что нам больше нечего делать, кроме как, потеть над Вашими просьбами, от которых прибыли -- что от козла молока.

У нас есть несколько других фотографий Вашего максвеллоподобного родственника, и я могу их Вам отослать, потратив на это кучу своего драгоценного времени. Только не торопите меня. "Я очень горд"! Хе-хе, да как же иначе! Ну разумеется,! Ха-ха! Воннегут! Ха-ха! Ваш племянник ни гроша не стоит без нашей фирмы, мы можем его раздавить в момент -- как таракана. Так что не гоношиться, коли в течение недели-другой не получите фотографию.

Ах да, чуть не забыл. Вообразите -- в проливной дождь некто идет по улице, и Вы так удачно подгадали, что написали с крыши ему на голову? Думаете, он заметил? Вот то же самое с Вашим долларом и компанией "Дженерал электрик". Так что вот вам Ваш бакс обратно. Не описайтесь.

Искренне Ваш,
Гай Фокс,

Отдел прессы. Служба по связям с общественностью компании "Дженерал электрик".

Прочтя это письмо, дядя Алекс изорвался, как триста тонн тротила. Он пошел с письмом к адвокату. Он хотел предпринять все возможные шаги, чтобы заставить какое-нибудь очень высокое должностное лицо в компании слезно извиняться перед ним, да такое высокое, чтобы оно потом выгнало автора письма с работы поганой метлой. Он собирался написать президенту "Дженерал электрик" и рассказать ему, что у него есть сотрудники, не знающие цену доллару.

Прежде чем он успел предпринять эти шаги, кто-то напомнил ему, кто Такой Гай Фокс и что за роль он сыграл в английской истории, а заодно рассказал, где я работаю, и убедил, что письмо настолько вычурное, что это, скорее всего, моя шутка. Дядя хотел меня убить за то, что я его так одурачил. Не думаю, что он меня простил. А ведь я всего-то и хотел, чтобы дядя покраснел, как рак.

Если бы он отправил мое письмо с требованием возмещения морального ущерба в "Дженерал электрик", меня бы уволили. Я не знаю, что бы тогда стало со мной, моей женой и моим сыном. Мне не попал бы в руки материал для моих романов "Механическое пианино" и "Колыбель для кошки" и еще нескольких рассказов.

Дядя Алекс отдал письмо Гая Фокса Берни. Берни на смертном одре отдал его мне. Если бы не он, я бы его больше никогда не увидел. Но вот оно у меня в руках.

Время -- назад! Я снова в 1947 году, только что устроился на работу в "Дженерал электрик", начинаются "подарочные" сколько там уж не помню лет.

Нам всем приходится делать то же самое, что мы уже делали, когда проживали эти года в первый раз, хорошо это или плохо.

Смягчающее обстоятельство, которое мы огласим на Страшном Суде: вы не просили, чтобы нас произвели на свет.

Когда-то я был любимым ребенком в большой семье. Сейчас мне больше некому пускать пыль в глаза.

Я говорил с женщиной, которая познакомилась с Берни в хосписе больницы Святого Петра в Олбани всего за десять дней до его смерти. Она рассказала мне, как он умирал. Она сказала, что он умирал "благородно" и "галантно". Каков братец! А каковы слова!

Примечания

1 Здесь -- "черт побери" (фр.) -- Здесь и далее примеч. пер.

2 См. примечание к главе 3.

3 Пуля дум-дум -- пуля увеличенной разрушительной силы. В настоящее время запрещена как негуманная.

4 На самом деле А. Д. Сахаров был сослан в г. Горький (ныне Нижний Новгород), а из Академии наук его не исключали.

5 Сказочный город из поэмы Колриджа "Кубла Хан".

6 Т. Джефферсон, 1743--1826, третий президент США, имеется в виду архитектура его эпохи.

7 Шекспир. "Король Лир", акт I, сцена 4, реплика Лира; пер. Б. Пастернака.

8 Шекспир. "Как вам это понравится", акт 2, сцена 7, реплика Жака; пер. Т. Щепкиной-Куперник.

9 Первая часть имени -- нем. *schaden*, "вредить".

10 Пациенты первооткрывателя психоанализа Фрейда во время сеанса лежали на кушетке. Все без исключения современные школы психоанализа бережно хранят эту традицию.

11 Роман, в котором под вымышленными именами выведены реальные лица.

12 Распространенный в США вид лото.

13 Ис. 11--6.

14 Ин. 18--34.

15 "Нет, нет, нет" (нем.).

16 Имеется в виду песня Эдит Пиаф "Je ne regrette rien".

17 Название почетных обществ студенток в западных университетах, образовано начальными буквами греческой фразы "философия -- проводница в жизни"; членом общества может стать тот, кто отличился на научном поприще.

18 Знаменитый лингвист, составивший целую эпоху в своей науке. Известен также работами по антропологии.

19 Омар Хайям, "Рубайат", вольное переложение на английский Эдуарда Фнцджералда (в нумерации строф поэмы Фнцджералда -- строфа No 71). -- Перевод с англ. О. Румера.

20 Берсерки -- скандинавские воины, которые, по поверью, во время битвы приходили в полубезумное состояние, кусали щит, сражались как одержимые и были неуязвимы для оружия противника.

21 Площадь в центре Нью-Йорка.

22 Имеется в виду Шекспир.

23 Канонический перевод Библии на английский язык, сделан во времена и по повелению короля Иакова I (правил с 1603 по 1625 г.); опубликован в 1611 году.

24 Самоназвание квакеров.

25 Немцы не хотели капитулировать перед СССР, поэтому 7 мая в Реймсе подписали акт о безоговорочной капитуляции перед союзниками. Представителей советской стороны в Реймсе не было. Сталина не устраивал такой поворот событий. Сталин потребовал считать реймский акт предварительным, аргументируя свое требование тем, что именно СССР понес основные потери в войне, а также тем, что акт был подписан не в Берлине -- столице фашистской Германии. Союзники вынуждены были согласиться, и окончательная капитуляция была подписана 9 мая 1945 г. (см., напр., Г. К. Жуков, "Воспоминания и размышления", М., 1974). Соответственно, на территории бывшего СССР день окончания Второй мировой празднуется 9 мая, на Западе -- 7 мая.

26 Поля Ревер, 1735--1818, герой Войны за Независимость США. Геройскому подвигу Поля Ревера, совершенному 18 апреля 1775 г. (он предупредил жителей Бостона о приближении британских войск), посвящена баллада Генри Уодсуорта Лонгфелло.

27 Ричмонд, Кокомо -- города в штате Индиана.

28 Шекспир. "Буря", акт 1, сцена 2, песня Ариэля. -- Перевод М. Донского.

29 До свидания (нем.).

30 Самый распространенный формат бумажного листа в Америке, несколько короче и шире своего европейского аналога А4.

31 Джексон Поллок (1912--1956), американский художник, основатель абстрактного экспрессионизма. Данное ему прозвище (см. ниже) отражает применявшуюся Поллоком технику письма. -- Примеч. пер.

32 Приставка "третий" в американской ономастической традиции означает, что и отца, и деда этого человека звали так же, как и его. Если сына называют так же, как отца, он получает приставку "младший"; пример -- полное имя автора этой книги Курт Воннегут Младший.

33 Человек, занимающийся во время сухого закона контрабандой спиртного.

34 *Mirabile dictu* -- (сплошное) удовольствие рассказывать (о чем-либо) (лат.).

35 *In flagrante delicto*, юридическая формула со значением "на месте преступления", "с поличным" (лат.).

36 *Sotto voce* -- (говорить) тихим голосом (ит.).

37 *Scrotum*, мошонка (лат.).

38 Одна из провинций Канады, на берегу Атлантики.

39 Детройт -- столица автомобильной промышленности США.

40 В тексте точки с запятой встречаются только в цитатах из Шекспира, Библии и так далее.

41 Город и река в штате Индиана.

42 Традиционные названия национального флага США.

43 Знаменитый фильм. Снят в 1943 году, реж. Майкл Кертис (США). В ролях, помимо упомянутых, также Ингрид Бергман. Получил три "Оскара" (1944),

один из них -- в номинации "Лучший фильм".

44 Известный фильм. Снят в 1987 году, реж. Лассе Хальстром (Швеция). Два "Оскара" (1987), один -- в номинации "Лучший иностранный фильм".

45 Знаменитый фильм. Снят в 1950 году, реж. и сценарист Джозеф Манкевич (США), в ролях Бэтт Дэвис, Энн Бакстер, в роли второго плана Мерилин Монро (одна из ее первых ролей). Получил шесть "Оскаров" (1950), один из них -- в номинации "Лучший фильм", а номинирован был на максимальное количество "Оскаров" за всю историю награды.

46 Фильм Роберто Росселини, снят в 1949 году с Ингрид Бергман в главной роли.

47 Шекспир, "Юлии Цезарь", акт 3. сцена.2, реплика Марка Антония; пер. М. П. Столярова.

48 Примерная граница "северных" и "южных" (как в Гражданскую войну 1861--1865) штатов.

49 Историческое лицо (1570-1606), солдат, самый знаменитый участник Порохового заговора (заговорщики намеревались взорвать парламент, когда на заседании присутствовал король Иаков I), имевший, правда, довольно смутное представление о его целях. Казнен. Ежегодно в День Гая Фокса (5 ноября) в Англии устраиваются карнавальные шествия, на которых сжигают чучело Гая Фокса.